

КАК МЫ ЖИЛИ

воспоминания и устные свидетельства
томских крестьян

СЕРИЯ

ПАМЯТНИКИ ПРИРОДНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СИБИРИ

Издание подготовлено при финансовой поддержке
РГНФ и администрации Томской области,
региональный конкурс «Российское могущество
прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном» –
Томская область, проект 13-11-70008

На обложке фото из фондов
Зырянского краеведческого музея

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТОМСКИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ

КАК МЫ ЖИЛИ

**воспоминания
и устные свидетельства
томских крестьян**

Издательство Томского университета
2014

УДК 94:09(571.16)

Научный редактор
доктор исторических наук Э.И. Черняк

Рецензенты
доктора исторических наук
В.П. Зиновьев, А.С. Шевляков

Публикация
доктора исторических наук Н.М. Дмитриенко,
кандидата исторических наук Г.В. Шипилиной

Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян / публ. Н.М. Дмитриенко, Г.В. Шипилиной; науч. ред. Э.И. Черняк. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – 200 с.: ил.

ISBN 978-5-7511-2305-5

В книге содержатся уникальные документальные данные о жизни сел и деревень в границах современной Томской области в продолжение 1920–1960-х гг. Собранные студентами ТСХИ воспоминания и устные рассказы очевидцев и свидетелей раскулачивания и ссылки в Нарымский край, событий военных и послевоенных лет дают живые непосредственные впечатления об исторической действительности, о деревенской повседневности. В записках и устных рассказах эмоционально – с болью, печалью, а иногда и с юмором – переданы знания об ушедших в небытие людях и событиях.
Проникнутые ностальгическими чувствами по прошлому и, вопреки всем лишениям и утратам, – гордостью за свою жизнь, крестьянские рассказы будут интересны и для исследователей, и для читателей, интересующихся историей родного края.

УДК 94:09(571.16)

ISBN 978-5-7511-2305-5

О ВОСПОМИНАНИЯХ И УСТНЫХ РАССКАЗАХ ТОМСКИХ КРЕСТЬЯН

История русского, и в особенности сибирского, крестьянства нуждается в дальнейшем тщательном исследовании. Настоятельно требуются новые достоверные знания о сельском населении Томско-Нарымского Приобья (Томский уезд – Томский округ – Томская область) в XX в., точнее – в период советской власти. Как ответ на эту потребность на рубеже прошлого и нынешнего столетий появились публикации В.Н. Макшеева, В.А. Ильиных, С.А. Красильникова, Г.В. Шипилиной и др., по-новому освещающие драматическую картину крестьянской жизни на сибирской земле[1]. Начатое требует поддержки и развития и в

[1] Нарымская хроника. 1930–1945. Трагедия спецпереселенцев: документы и воспоминания / сост. и комментарии В.Н. Макшеева; под общей ред. А.И. Солженицына. М.: Русский путь, 1997; Фот Ф. Дневник 1931 года / публ. Г.Н. Алипиной // Сибирская старина: краеведческий альманах. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. № 25; Шевляков А.С. Сталинские политотделы в Сибири: чрезвычайные органы ВКП(б) в политическом и социокультурном пространстве советской деревни (1930-е гг.). Томск, 2007; Ларьков Н.С. Крестьянское восстание // Энциклопедия Томской области. Т. 1: А–М. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008; Демешкин В.А. Чаинское восстание // Энциклопедия Томской области. Т. 2: Н–Я. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009; Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы / отв. ред. В.П. Данилов. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2009; Ильиных В.А. Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М.: РОССПЭН, 2010; Шипилина Г.В. Сельское хозяйство и крестьянство Томской области в середине XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011; Она же. Социально-психологический облик крестьянства Томско-Нарымского Приобья в 30–40-х гг. XX века // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. научных трудов. Омск: Издательский дом «Наука», 2012. Вып. 2.

когнитивном, и в парадигмальном аспектах. А для этого необходимы, прежде всего, эмпирические знания, то есть непосредственные наблюдения крестьянской жизни, свидетельства ее очевидцев и участников.

Запись воспоминаний и рассказов непосредственных участников или свидетелей событий – это, по-видимому, самый давний способ собирания и передачи исторической информации. К нему прибегали многие историки, начиная с Геродота и Фукидида и завершая исследователями последних времен[2]. Нужно отметить, что очень деятельно и активно занимался сбором устных сведений Г.Н. Потанин, с молодости записывал народные предания, песни, пословицы и использовал эти записи в научной работе. Он называл такие сборы устными памятниками и, сравнивая их с более известными тогда в науке археологическими памятниками, говорил, что «предметы, добываемые из раскопок, тем сохраннее сберегутся, чем дольше пробудут в земле, в местах своего нахождения; ...устные же памятники – наоборот: им грозит опасность бесследно исчезнуть, если они будут оставлены в местах своего нахождения, т. е. в умах народа»[3].

В середине XX в. запись, сохранение, а затем публикация и изучение устных свидетельств приобрели собственное наименование – устная история (oral history) и со временем получили распространение и в России. В 1985 г. в Московском историко-архивном институте (ныне РГГУ) был создан Клуб устной истории в составе студентов и выпускников института. Силами Клуба были организованы экспедиции во Владимирскую область, на Кубань, в Самарканд, где записыва-

---

[2] См.: Шмидт С.О. «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // Шмидт С.О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 102.

[3] Потанин Г.Н. О необходимости собирания сказок // Литературное наследство Сибири. Т. 7: Григорий Николаевич Потанин / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск: Кн. изд-во, 1986. С. 242.

лись по преимуществу устные рассказы о репрессиях, то есть собиралась информация, недоступная в то время для исследователей. Вот тогда-то и выяснился огромный познавательный потенциал устной истории, которая, по определению С.О. Шмидта, есть «научно-организованная информация и устные свидетельства участников или очевидцев событий, зафиксированных в результате деятельности специалистов, использующих современные технические приемы». Имея большие преимущества, особенно в плане сбора и сохранения исторической информации о народах или слоях населения, слабо владеющих «письменной грамотой», устная история, по свидетельству С.О. Шмидта, «конституировалась в качестве самостоятельной ветви науки»[4].

Серьезный пробел в документальном обеспечении истории томского крестьянства можно восполнить с помощью устных рассказов и воспоминаний тех, кто жил и работал в томских колхозах в середине XX в. Собрать свидетельства очевидцев крестьянской истории – такую задачу поставила перед собой доцент Томского сельскохозяйственного института Г.В. Шипилина. Вместе со студентами, как правило, уроженцами томских сел и деревень, она встречалась с ветеранами колхозного труда, побуждала их к написанию воспоминаний или же сама записывала их рассказы на диктофон.

В данном издании содержатся живые, непосредственные свидетельства крестьян, чаще всего – о повседневной жизни, об окружавшей действительности. Женщины-крестьянки в подробностях рассказывают о домашнем хозяйстве, о том, как с самого раннего детства привлекались к труду. Например, Н.А. Глазкова рассказывала, как мать весь день была занята на колхозных работах, брала для помощи и 9-летнего сына, а ее – совсем маленькую – оставляли дома одну.

---

[4] Шмидт С.О. Указ. соч. С.101.

И как она, немного подросшая, стала кормить цыплят и кур, «караулила огород, чтобы куры не разгребали грядки, а если разгребут – то попадет». В.А. Пакркатова свидетельствовала: «В тринадцать лет я уже в поле работала самостоятельно, варила пахарям».

Конечно, женщины не могли не говорить о том, как в молодости им хотелось нарядиться и как они страдали, оттого что частенько приходилось носить старую одежду и обувь, а иногда и такой не было. Повезло М.Н. Гелбутовской: в семье имелась швейная машинка Zinger, и ее мать «все шила сама, она умела шить». А, по свидетельству В.А. Воропаевой, в деревне работала женщина-кузнец, которая из 5-копеечных монет мастерила колечки на радость деревенским девушкам. В книге есть воспоминания и о том, как веселились в деревнях в военное время. А.Н. Рыбалкина рассказывала: «Спасались от грусти плясками и песнями. Девки собирались, только так каблучки стучали, и платьица развевались». И добавляла: «А потом снова плакали».

Мужчины, как правило, говорят о производстве. А.П. Юрченко горячо, в подробностях, со знанием дела описал свою работу комбайнера, привел убедительные примеры усовершенствования сельскохозяйственной техники заводского производства. В деталях рассказывал об участии в Великой Отечественной войне, а затем – о руководстве колхозом М.И. Болдырев. Охотовед К.С. Рогожников, не без юмора, рассказал, как преодолевая сопротивление местных чиновников, смог «обилетить», то есть обеспечить охотничьими билетами, 700 охотников Причулымья.

Рассказчики не берутся критиковать политику государства или деятельность местных представителей власти, но достаточно трезво оценивают конкретные результаты этой деятельности в деревне, в частности, раскулачивание, насильственную коллективизацию, налоговое бремя. В рассказах много тяжелого – о

непосильной работе, о высоких налогах, а главное – о голоде и в военные, и послевоенные годы, о том, как ели траву, а «некоторые ели и павших животных» (по свидетельству М.В. Безрученко, Н.А. Глазковой). Особенное впечатление производят воспоминания Н.В. Попелыгина, остро переживавшего униженное положение колхозника – полуголодного, плохо одетого, занятого подневольным трудом, которому служба в армии «показалась детской игрой против колхозной жизни».

В то же время многие рассказы проникнуты и ностальгическими чувствами по прошлому, и гордостью за свою жизнь. Так, А.П. Юрченко рассказывал: «Ну, а трудился как я? От зари до зари и дольше. Как отец закалку дал мне, так и я...». И добавлял: «Я в общем-то с поля не уходил, пока полторы-две нормы не делал. Всегда для самого себя было такое задание».

Публикуемые записки и устные рассказы характеризуют, прежде всего, самих рассказчиков, их способность вспомнить и внятно, последовательно, в деталях изложить свое видение прошлого, передать не угасшие душевные переживания, отразить эмоциональное восприятие ушедших в небытие людей и событий. Они не скрывают ни своих проступков (когда молоденькие девушки нарушали дисциплину военного времени и подвергались суровым наказаниям), ни тех или иных, вполне понятных человеческих слабостей. Это обычные люди, сумевшие сохранить человеческое достоинство, несмотря на все испытания и пережитые унижения. И их рассказы, говоря словами Т.Л. Рыбальченко, это «негромкие проявления подлинного»[5].

При подготовке крестьянских интервью к изданию использованы правила археографии, к публикуемым документам дано информационное сопровождение,

[5] Рыбальченко Т. Послечтение // Макшеев В. По собственным слезам, по собственным следам... Листки из блокнота. Томск, 2013. С.154.

которое призвано усилить коммуникативную роль документа, сделать его более понятным, доступным для использования[6]. Тексты воспоминаний и интервью систематизированы по датам рождения информаторов. Все документы озаглавлены публикаторами. Каждая публикация снабжена легендой, в которой указаны полные имя, отчество и фамилия информатора, год рождения, место проживания (во время интервью), указывается способ воспроизведения информации – собственные воспоминания или запись устного рассказа. Названы интервьюеры и даты интервьюирования, указано место хранения оригиналов записи. Большинство документов жизнеописания томских крестьян публикуется впервые, за исключением материалов В.Н. Попелыгина и М.И. Болдырева, которые были напечатаны в краеведческом альманахе «Сибирская старина».

Текстуальные примечания и содержательные пояснения даются в конце документальной публикации. Основательного комментирования потребовала географическая составляющая воспоминаний. Дело в том, что в продолжение изучаемого периода административно-территориальное устройство Западной Сибири претерпело многочисленные изменения. Достаточно сказать, что в 1917 г. огромная Томская губерния, занимавшая половину Западной Сибири, была разделена на две – Алтайскую и Томскую губернии, в 1921 г. из состава последней выделилась самостоятельная Новониколаевская губерния. По административной реформе 1925 г. губернское деление было упразднено, и все сельские районы, заменившие упраздненные волости, были сгруппированы в округа. Они вошли в состав

[6] См.: Козлов В.П. Основы теоретической и прикладной археографии. М.: РОССПЭН, 2008. С.125.

Западно-Сибирского края. Постановлением ЦИК СССР от 28 сентября 1937 г. Западно-Сибирский край был разделен на Алтайский край и Новосибирскую область. В 1943 г. из состава Новосибирской области была выделена самостоятельная Кемеровская область, в 1944 г. – Томская область. В продолжение 1920–1960-х гг. неоднократно изменялись границы и названия сельских районов, ныне входящих в состав Томской области. Однако в паспортах эти многочисленные изменения не учитывались, и место рождения или прописки указывалось не так, как оно называлось, когда происходили события, а так, как это было в момент выдачи документа. Руководствуясь данными своих паспортов, многие информаторы сообщали исторически искаженные данные о месте своего рождения или проживания.

В публикации использованы современные орфография и пунктуация, кроме характерных особенностей произношения или диалектных слов. Без особых указаний исправлены явные опечатки или оговорки рассказчиков. Неразборчиво произнесенные или написанные слова, а также некоторые изъятия текста обозначены отточием в угловых скобках. Слова или выражения, добавленные по смыслу, поставлены в квадратных скобках.

Материалы устной истории и воспоминания крестьян дают неприкрашенные знания о жизни деревни, помогают понять настроения, а шире – мироощущение советской эпохи и обеспечивают хорошую прибавку достоверных данных о крестьянской Сибири.

Н.М. Дмитриенко,
профессор кафедры музеологии,
культурного и природного наследия
Томского государственного университета

ПОПАЛИ ПОД РАСКУЛАЧИВАНИЕ

свидетельство А.Е. Зуйковой

Родилась я 7 февраля 1911 года в с. Уржум [нынешнего] Алейского района Алтайского края. Очень рано осталась без матери, отец женился на другой. Трудным было детство: приходилось помогать мачехе по хозяйству, водиться с младшими братишками и сестренками. Отец не отдал меня даже в школу учиться, так и прожила всю жизнь неграмотной.

Замуж вышла в 1928 году за Зуйкова Михаила. Он был из очень зажиточной семьи. У них в то время

Фото: В селе Зырянском. 1954 г.
Зырянский краеведческий музей

были свои сеялки, веялки, молотилки, плуги, не считая мелкого инвентаря, а также лошади, коровы, овцы, свиньи, гуси, куры. Наступило время лихое – по тем временам называлось одним словом – коллективизация, разделившее людей в деревне на два лагеря. Один лагерь – зажиточные крестьяне, которые владели крепким хозяйством, к которым я относилась, будучи замужем за Зуйковым Михаилом; и второй лагерь – бедняки, которые практически ничего не имели, так как не хотели работать или пьянствовали, к которым относился и мой отец Коротких Ефим.

Зуйковы попали под раскулачивание всей семьей. Имущество у них все описали и забрали. У меня в это время уже был сын. Ему было девять месяцев. Звали его Данилкой. Мой отец состоял в комбеде (комитет крестьянской бедноты). Он мне сказал, что я с ребенком могу остаться, а мой муж поедет в ссылку без меня. Я не согласилась и отправилась в ссылку вместе с мужем и маленьким сынишкой. Когда нас отправляли из села в ссылку, по всем [домам] проходили комбедовцы и забирали приглянувшиеся вещи <...>. Мне с моим мужем отец конфискованные вещи вернул. Было это зимой 1931 года. Очень много людей погибло в этом нелегком пути из Алтайского края до поселка Белорыбный[1] Парабельского района. <...> От голода умер мой сын (о нем жалела всю оставшуюся жизнь). Сама я переболела брюшным тифом, еле выкарабкалась. Спасибо Зуйковым. Семья у них была большая, помогали чем могли. Чего только не насмотрелись за весь этап, на издевательства конвоя: с жиру бесились, издевались над людьми, как могли. Конвоировали нас с собаками, как каких-то преступников. До самой смерти так и не поняла, какое это преступление мы совершили,

что оторвали от родных очагов и погнали как скот на страшные муки и страдания. Или все-таки был грех? Люди не пьянствовали, а занимались хозяйством, приумножая его. <...>

Посреди вековой тайги копали мы, оставшиеся в живых, землянки и остаток зимы доживали в них. Большое спасибо коренным жителям, которые, несмотря на все запреты властей, помогали нам все-таки и едой, и одежонкой. Тяжело мне все это рассказывать, а еще тяжелей все это было вынести.

В первом браке у меня в поселке Белорыбном родилось еще четверо детей, а в 1941 году мой муж Михаил простудился на лесозаготовках и умер в 1942 году. Осталась я одна с четырьмя ребятишками на руках. Вот тут я хватила лиха по самую макушку. Старшему было восемь лет, а младшему годик. А теперь представьте тридцатилетнюю женщину с такой оравой ребятишек <...> и без мужика. А тут еще власти практически все забирали. Держишь корову, обязательно нужно сдать норму масла, овец держишь – сдай шерсть, свиней – шкуру, мясо. Себе оставались одна картошка да обрат. Только наступала весна, все переходили на подножный корм: крапиву, лебеду, пестики собирали, саранку копали. Может, поэтому военное поколение здоровьем крепче.

В 1948 году я вышла замуж во второй раз, тоже за ссыльного, у которого умерла жена. Родилось еще трое детей. Ну, а про эти времена много чего написано, так что об этом нет желания вспоминать.

Рассказ Аксиньи Ефимовны Зуйковой (1911–1989), урожд. Коротких, запомнил ее сын, Сергей Фатеевич Зуйков, и пересказал для записи студенту ТСХИ Е. Зуйкову в 2002 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

ТАК ЗАРОДИЛАСЬ ДЕРЕВНЯ МАЙСК

рассказ Е.В. Баус

В 1931 году началось раскулачивание. В мае всю семью – свекра, свекровь, золовку, мужа и меня с месячным ребенком – выслали из деревни Камыш Славгородского района[2]. С собой разрешили взять все, некоторые семьи брали даже скотину. Посадили нас на баржу[3], условий не было никаких, еду не давали, а отбирали то, что было, – сухари. Люди стали умирать от дизентерии. Умерших выбрасывали за борт в воду, а если проплывали мимо какого-нибудь поселка, то [останавливались] и хоронили

Фото: Колхозный смолокуренный завод. 1951 г.
Зырянский краеведческий музей

умерших там. Плыли мы целый месяц, и [однажды ночью] нас высадили в лесу, а скотину, которую люди взяли с собой, не отдали. У нас был брезент, и мы сделали палатку, а другие люди делали шалаши. Гнусу было столько, что невозможно было открыть глаза, и, чтобы дети хоть немного поспали, матери пихтовыми лапами отмахивали гнус. Бывало, проснешься, а рядом лежит уже мертвый. Умерших заворачивали в бересту и хоронили. Затем мы начали делать землянки, а к осени построили на пару с другой семьей избушку – шесть на четыре метра. Каждой семье – по комнате, а печь находилась посередине.

Если человек выполнял норму (выкорчевывали лес), то давали 500 граммов хлеба, а если нет – 300 граммов. Зимой делали дранку. Так мы жили два года, к тому времени у меня было уже двое детей. Затем нам сказали, что в другом месте лес тоньше и выкорчевывать его будет легче, и тогда нас перевезли туда. Там началось все заново, опять стали делать землянки, а потом бараки. Так зародилась деревня Майск[4].

Однажды муж купил мясо, что делать запрещалось, и его арестовали. Когда освободили, дали 200 граммов муки [на дорогу домой], но сразу уехать он не смог и 200 граммов растянул на две недели. Когда он пришел домой, он не был похож на человека: ноги все были в нарывах, в которых были черви. Я вымыла раны, а его отец – фельдшер – вылечил. В 1937 году отца арестовали как врага народа.

Рядом с нами были другие деревни, где люди жили свободно, не под комендатурой, и в 1941 году мы переехали в такую деревню. Муж работал пастухом, а я на дому вязала. Однажды муж с напарником уехал продавать пушнину, но поездка была не запланирована, поэтому у комендатуры отпроситься

не успел. Ехать ему пришлось до Каргаска[5], а там его арестовали, и пока его [дело] разбирали, прошло полгода. Только тогда он вернулся домой. За это время мне пришлось выучить русский язык, так как я даже про воду спросить не могла. Ведь когда муж был рядом, можно сказать, он был моим переводчиком, так как он изучал русский еще в школе. В 1945 году вступили в колхоз. С этого времени жить стало легче. Муж работал сапожником, а я в поле, у меня уже было четверо детей. Вообще у меня было 10 детей, но шестеро родились мертвыми. В 1956 году родилась [последняя] дочь, а через 13 лет умер муж. Жить дальше помогали старшие дети. Сейчас у меня 16 внуков, 34 правнука и 6 праправнуков.

Рассказ Е.В. Баус записан студентами ТСХИ в 2005 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

Выжили, вырастили детей

рассказ Е.П. Черепановой

Я родилась в 1914 году. Сейчас мне 88 лет, но я еще хорошо помню свою жизнь. До войны[6] мы жили не в обиде, даже богато. Имели свою мельницу, кузницу, молотилку. Держали много скота (коровы, лошади). Потом стали у нас все отбирать, все наши дома разбивали, а нас, как собак, погнали куда-то, мы даже не знали – куда. Пока гнали нас, многие поумирали в дороге от голода и от давки. Пришли мы из Мариинска в Любино[7] в 30-м году, в апреле. Во время, как мы шли в неизвестные края, придумали такое стихотворение:

Фото: Школьники с. Иловка Зырянского района. 1939 г.
Зырянский краеведческий музей

Не вставайте утром рано,
Не работай допоздна,
Советска власть труда не любит,
Зато ссылает нас сюда.

Сослали нас в темную тайгу, где не было ни хлеба, ни соли, не было где жить. Стали делать раскорчевку, вручную рубили лес, долго ставили колхозы.

В 1941 году началась Великая Отечественная война. В 1942 году забрали всех мужиков из нашего колхоза, а оттуда, [с фронта], не вернулся ни один. Стало очень сложно жить, все легло на плечи женщин. Они растили детей, работали с утра до ночи, работала я и в лесу, и на поле, и в мастерской. В мастерской делали лыжи для фронта, бочки. Есть было нечего. В день дадут один килограмм хлеба. Я его разделю между детьми (у меня их было пятеро), а себе уже ничего не оставалось. Мы объединялись семьями и держали одну корову на всех. Когда приходила с работы, не было даже времени, чтобы постирать, приходилось это делать ночью. Сушила до утра, а утром снова надевала на детей.

В нашем колхозе была одна школа, в ней работали два учителя: муж и жена. Школа была в виде обыкновенного дома. С утра я уносила детей в школу по очереди, так как были одни валенки на всех. Жена учила первый и третий классы, а муж – второй и четвертый. Пока одни дети учились, другие сидели на русской печке, а потом наоборот. Когда [уроки заканчивались], все сидели на печи и ждали, пока за ними придут.

В колхозе также был детский дом, куда отправляли детей, которые оставались без родителей. Однажды там заболели тифом, болезнь стала распространяться. Воспитатели ходили в лес, рвали

колбу и кормили ею детей. Так ведь ни один ребенок не умер – всех выходили.

Так вот и жили без мужской поддержки, но выжили, вырастили детей.

Во время войны [была организована] артель, которая называлась «Новый путь». Стали открываться заводы: дегтярный, пихтовый, смолокуренный. В них работали по 6–7 женщин, гнали чистый деготь, [изготавливали] пихтовое масло, скипидар. <...>

Рассказ Елизаветы Прохоровны Черепановой (род. в 1914 г.) записала студентка ТСХИ Оксана Русина в 2002 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

ТАНКИСТ – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА

рассказ М.И. Болдырева

Родился 13 ноября 1917 года в Алтайском крае[8]. Семью раскулачили. Родители были хлебопашцами: сеяли, скот держали, работник был. Отец был инвалидом Первой мировой войны. Семья порядочная была, кроме отца с матерью, нас было четверо или пятеро. Когда нас высылали, было восемь человек. Нас привезли в Томск, погрузили на одну лошадь, дали нам ее в Томске, было это в марте-месяце, и пошли мы эшелоном вниз, в Бакчарский район, в Высокоярский сельсовет. До

Фото: Экипаж танка Т-34: механик-водитель Михаил Болдырев (слева), командир орудия Николай Тимченко. 1944 г. *Предоставлено Г.В. Шипилиной*

Могочина[9] дошли обозом, нас сопровождала комендатура[10]. До Могочина доехали, нас разделили: те, что в поселки пойдут, меньше народу, а нас отправили дальше – в Наргу[11]. Потом нас погнали еще дальше. Из нашей Березовки выселялись где-то 80 семей. Когда привезли в Высокоярский сельсовет Бакчарского района, нас не приняли. Довезли в Чаинский район, в Тиги, вотяки там живут, небольшие поселки – Первые Тиги, Вторые Тиги и так далее, до полста семей в поселке. Летом там мужчин взрослых угнала на работу комендатура, а мы остались – матери, ребятишки. Это был тридцатый год.

Из дома, там, где родные остались, могли взять к себе на иждивение в Алтайский край родственников. Некоторые из нашей родни или знакомых уехали обратно, но только женщины и дети. Но и на нас тоже пришли бумаги, и мы уехали из Чаинского района. Мы [тогда] свою мать не называли мамой, а теткой, вроде бы приехала и нас забрала – иначе вернут. Приехали мы осенью обратно в Алтайский край. Отец сбежал и [тоже] приехал в Березовку. Он скрывался по потолкам, по подпольям[12], чтобы никто не обнаружил. Знали только свои и то боялись, что держат кулака. За это тоже судили. Строго все было. Весною 1931 года это было. Мать домишко обмазала, никто нас не дергает, боятся нас. В школу нас не принимали. В первый класс я ходил, потом стали выгонять – дети кулаков, даже до высылки уже не принимали и учиться не давали. Уже был май-месяц. Отца никто не берет, он перешел в баню. Как кто идет – он под койку. Кто-то донес, приехала милиция, забрала его. Было уже доказано, что он здесь скрывается. Дали ему три года за побег. Увезли его. Через некоторое время опять забирают всех нас, собирают, подводы... Погрузили нас – на станцию, в вагоны и опять в Томск, сюда.

В Томск привезли, на баржи грузовые, полно набитые в трюмах и наверху, и отправили вниз. Довезли нас ниже Могочина, в Баранаково[13], выгрузили на

берег. Месяца полтора-два мы жили там. Это было все-таки лето. У меня старший брат был с 1914 года, сестра-инвалидка была младшая, меньшему брату три года и еще маленькая – ей еще года не было. Она померла, ее тут похоронили. А вот родственники, мужики по фамилии Поповы, они попали в Могочино, на лесозаводе работали. Прослышали, что людей привезли, приезжают мужики, забирают несколько семей и увозят. Нас никак не брали, но как-то упросили, мы держались своих. Привезли в Могочино. Комендатура отобрала сколько-то человек, а нас опять не берут, отделяют – нет рабочих рук. Нужны были мужики. Но кое-как упросили, оставили нас. А остальных повезли куда-то.

Комендатура отправила нас на покос. Мы за Могочином, поселок Волок там, до самой осени косили, убирали сено. Я копны возил. Много мужиков работали на лесозаводе и строили бараки. Отец наш вернулся. Отбыл ли он, не отбыл срок – ему три года давали, но пришел раньше. Он был в Мариинске охранником леса. Я работал коногоном на [Могочинском] заводе. Мне тогда было лет четырнадцать. В школу не пускали. Зима прошла. Мужики – на строительстве, брат старший на строительстве работал, бараки строили. Комендатура объявила: кто желает в артель хлебопашеством заниматься, комендатура дает лошадей, семена, инвентарь. Начали набирать. Согласились тринадцать семей. Таких артелей восемь сделали.

В деревню Сарафановку[14] приехали – восемь артелей по восемь семей, по семь. Назывались – Поповская, Шутовская... Потом из этих восьми сделали три артели. Называли не колхоз, а артель, потому что неуставная, устава не было никакого[15]. Нельзя было. Потом из трех сделали одну и назвали «Прогресс»[16], в Молчановском районе, от Сарафановки примерно километров 12–15. Мы в этом колхозе работали. Корчевали, поля делали. Школа там была. Пошел я в третий класс в этом Прогрессе. Там одна учительница была. А мы жили на

хуторе, и надо было идти три километра. Три месяца я ходил, потом мы переехали в Прогресс. Это было примерно в 1934 году. Там я пошел в четвертый класс, а сам ничего не знаю. Там я был постарше всех. Учительница куда-нибудь уйдет, а мне говорит: «Занимайся с учениками». В четвертый класс сел, а ничего не знаю. С товарищем сидел, я подглядываю у него, где он подскажет. Окончил четвертый класс, в пятый перешел. Председателем колхоза Молькин был, не пускает дальше учиться – работать надо. Пошел я в школу в Могочине. Прихожу, а оттуда выгоняют: дай справку от сельсовета, и все... Тогда я – в Тунгусово[17], старое село, там семилетка была. Там тоже без справки от председателя колхоза не принимают, а он не дает – работать надо.

Мне уже лет пятнадцать было. Так и работали мы в этом колхозе, работали наравне с взрослыми – на покосе, на корчевке, пахали, боронили, зерно возили, на молотилке работали. Тут уже МТС пошли[18]. А мы все равно на лошадях работали. Не будешь работать – выгонят, а то сошлют опять. Надо 120 трудодней отработать[19]. Женщин некоторых высылали в другие места, в Шегаровку[20], даже по восемь лет давали, если трудодни не выработали. Нормы были очень большие, высокие. Вам рассказать – устрашитесь. Трудодень делился на восемь категорий: первый разряд – пятьдесят сотых трудодня, второй – семьдесят пять сотых трудодня. Норму выполнишь – не трудодень заработаешь, а только семьдесят пять сотых трудодня. Третий разряд – трудодень, четвертый – один двадцать пять, пятый – полтора, шестой – один семьдесят пять, седьмой разряд – два трудодня. Если я пашу, при норме один гектар, зарабатываю полтора трудодня, а при бороновании, надо было забороновать пять га на двух лошадях, получали 1,25 трудодня, если выполняли норму. Но на эти трудодни ничего не получали. Приходилось на один трудодень деньгами копеек 15, хлеба по 200–300 граммов.

Жили в основном на свои продукты: садили картошку, а от колхоза у нас никаких денег не было. Кто как мог – перебивались. Ездили на базар, а базар был в Могочине, муки там немного продать или обменять. Так жили и работали до самого 1942 года. К нам ссылали из Краснодара, из Ставропольского края, Ростовской области. Евреи были, привезли много семей как врагов народа. В 1937 году взяли из двух семей трех парней, латышей, что ли[21]. Много брали из спецпереселенцев. Колхоз «Прогресс» сильным стал, хозяйства, которые, так сказать, гражданские были, они такие замухрытые. Те колхозы, которые были из спецпереселенцев, они были более сильными, а колхозы местных жителей были намного слабее. У них дисциплина хромала, а у нас в колхозе не захочешь работать, так заставят. У нас комендатура была. У нас на трудодень давали килограмма по полтора хлеба, хорошо зажили помаленьку. Когда у нас были маленькие артели, так вот эти Поповы, один из них был председателем, они дали нам маленько хлеба на пропитание, а комендатура узнала, их забрали и посадили на десять лет. Суд был или нет – неизвестно, увезли, и все. Пример приведу: пашню трактором распахали после раскорчевки, клин – сотки четыре-пять, тогда сеяли руками, а не пробoронили. Комендант наткнулся на этот клин, собрал всех, забрал человека, который не заборонил, увел – и с концом. Дисциплина была жесткая.

В войну мы первый год работали, нас не брали [в армию] как кулаков, как спецпереселенцев. Стали брать в 1942 году[22]. Нас отправили ловить рыбу, человек 80, в Поповичи, километров шесть-семь от Могочина. Женщины пряли, сучили, вязали сети. В 1942 году стали забирать и нас на фронт. Брат мой сродный, постарше меня, Пчельников Михаил Иванович, был со мной, почти всех забрали, а Молькин нас оставлял. Мне надоели слезы при проводах, я решил пойти на фронт. Это было в 1943 году. Нас забрали, привезли в

Томск, затем в Новосибирск, на пересыльный пункт. Когда привезли, погоняли нас с месяц, одели во все военное, отобрали 150 человек и сказали: поедете учиться на танкистов. Военное обмундирование с нас сняли, а дали гражданскую одежду, кому что досталось.

Привезли нас на Урал. Занимались шесть месяцев. Потом поехали получать танки – «тридцатьчетверки»[23] – в Нижнем Тагиле. Из нас сформировали экипажи. Жили там месяц. Это было уже в 1944 году. В больших боях мы не участвовали. Получив танки, мы приехали на 2-й Украинский фронт, и я воевал в Ясско-Кишиневской группировке. Мы держались с братом вместе: у него была первая машина, у меня – вторая. В роте десять машин, у ротного – десятая машина. Подбили его, загорелась машина. Подбили мою машину. Дошли мы до Румынии. А был приказ, если машину подбили, и она не сгорела, мы не имели права ее бросать. Наша часть пошла дальше с боями. Мы зашли в тыл противника на 150 километров как разведка. Потом мы соединились с 1-м Украинским фронтом. Нас человек двадцать с подбитых машин было, мы вошли в румынский город – пустой, никого нет. Месяц мы там стояли одни в этом городе. Город большой был, еды было много. Потом нам приказали сопровождать машины до Москвы, дали нам документы. В Москве нас переодели, и мы отправились в свою часть, а она была уже где-то в Венгрии.

Мы не доехали до Киева, в городе Сумы пошли на базар, и нас патруль задержал. Был уже приказ: отправляться в свои части только через пересыльные пункты. Забрали у нас документы и в городе Сумы отправили на пересыльный пункт. Привезли, посадили в подвал, мы там пробыли 8–10 дней. Набралось нас восемь человек, дали нам старшего и отправляют нас в учебный полк в Харьков. От Харькова еще километров сорок – в Малиновку. Приехали в комендатуру, вышел капитан, отправил в санчасть[24]. Оставил нас в хозчасти, сказал, что

в Харькове выпускают «сорокчетверки»[25], и мы должны их получить, но они не готовы, поэтому он оставляет нас у себя. Мы там пробыли целую зиму, до весны 1945 года. Только в апреле-месяце получили танки.

Мы первыми получили эти машины: две роты, 20 машин. Нас обмундировали и отправили на фронт, на штурм Берлина, по полной боевой. Приехали мы в Западную Украину, в город Ровно. Там ждали не танки, а самоходки: то ли нам разгружаться, то ли не разгружаться. Запросили Москву – остаемся здесь. Выезжает штаб 31-й гвардейской бригады и принимает нас. А уже май 1945 года. Едем мы на стрельбище, на полигон. Ведем стрельбы. Вот бежит нарочный, кричит: «Война кончилась!». Началась стрельба, радость. Вот я и закончил войну в Ровно. Отвели нас в лес, приказали рыть землянки. Мы машины выстроили, накрыли палатками. Говорили, что хотели нас в Японию отправить, но не отправили. Лето пробыли в землянках, на зиму нас переводят в город Дубно, в казармы. Стали бандеровцев вылавливать[26]. Местные жители их не выдавали, запуганы были. Если выдадут – их сожгут или убьют. Бандеровцы разбрасывали листовки «Долой советскую власть!», «Мы за самостийную Украину!». А питались мы так, приходим к хозяйке, а нас пятеро, и говорим: «Мы придем к тебе обедать, приготовь».

К осени 1946 года нас перебросили в Белоруссию, в город Борисов. Танки пригнали, закрыли [палатками]. Сами жили в казарме, оттуда нас демобилизовали.

Приехал в колхоз «Прогресс», у меня была жена из «Прогресса». Хотел уехать из колхоза, те ребята, которые живые остались, никто не хотел оставаться [в колхозе]. Отец с матерью не хотели, чтобы я уходил, – остался. Меня завхозом поставили. Я был кандидатом в партию[27]. Проработал месяца два или три. Вызывают в райком партии и говорят: «Хотим поставить вас председателем колхоза». Я отказываюсь. Потом вызывают

второй раз на бюро, крутили, крутили, я опять отказываюсь. А Молькин тоже не хочет меня отпускать. Вызывают в третий раз. День морили, опять крутили, крутили. В общем, дал согласие. Недели две продолжаю работать в колхозе завхозом. Приезжает председатель сельского совета за мной из Тунгусовского сельсовета. Предложили выбирать любой колхоз. А тут был тоже комендатурский поселок – колхоз «Ударник». Туда я дал согласие. Так вот, вызывает меня Молькин: надо ехать в колхоз. Я говорю: «Не поеду». «Как не поедешь? Там в колхозе собрание, тебя ждут». Приезжаю, народу собралось. Отчитался старый председатель. Выборы. Меня представляют и выбирают председателем колхоза. Ехать надо в район[28]. А на чем ехать? Было немного лошадей, скота. Все разогнали. Кормов нет. Взяли лошаденку и поехали в Молчаново, а это 40 километров. Ехали я, старый председатель и бухгалтер этого колхоза. Ехали два дня. Встретил своих, комендатурских, в райисполкоме и попросил покормить лошадь, чтобы она нас обратно смогла довезти до дома. Отчитались и – обратно. А в колхозе – шаром покати, ничего нет, нищета. Что делать – не знаю. Люди голодные, ничего нет. Это был март 1947 года. Продуктов нет, кормов нет. Снимали с крыш солому и кормили скотину.

Поехал я до Молькина. Говорю ему: «Выручай, дай взаймы хлеба». А там была глубинка, куда ссыпали государственный хлеб в амбар[29]. Говорит мне: «Обратись туда, может, тебя выручит Хорохоренко». Поехал, приезжаю, говорю: так и так. Согласился до нового урожая, а он был завскладом, но только, чтобы никто не знал, а то посадят. Пошли пешком с людьми, таскали на себе. Начали кормить, люди маленько зашевелились. Лес рядом – в тайге мы все-таки, был локомобиль, паровой двигатель, на дровах работал, мельница была. Сделали пилораму. Купил я 5-киловаттный мотор электрический – динамо[30]. Поставил, стал проводить свет от него,

нигде электричества не было. Это было в 1950 году[31]. Мой колхоз уже в передовые выходит. Я был настойчивым. Когда сдавали хлеб, сдаем овес, даем 200–300 граммов на трудодень, составляем ведомость и ночью – получите. А только 15 процентов можно давать, сдал, и только 15 процентов [от сданного] можешь взять. Если овес сдавали, то овес и выдавали [на трудодни]. Урожаи маленькие, зерна мало. А у нас земли было мало, корчевали вручную. Километров четыре или пять, в стороне, было 29 гектаров, за тайгой. Тут мы посеяли, и 15 процентов от посевных площадей – семенной участок. Его остолбляю, оформляю. Мы с обычных участков получаем по 6–7 центнеров с гектара, а с этого – по 15–20 центнеров. Засыпал семена с семенных участков. Все оформляю актами, документально.

К октябрьским праздникам дело подходит[32], это было в 1950 году. Собирают совет в МТС, в Тунгусове. Туда выезжает секретарь райкома, председатель, прокурор. На меня: «Болдырев не сдает зерно. У него засыпаны семена». А у меня все убрано, заскирдовано, только молотилку надо. И заставляют меня зерно семенное засыпанное сдать, а необмолоченное засыпать вместо семян. Им нужен план. И мне: «За невыполнение снять с работы, отдать под суд». Я говорю: «Дело ваше, я на такой шаг не пойду. Категорически. Судите. Если надо, дайте мне молотилку, людей я дам, поставим людей, будем молотить, и я увезу и сдам это зерно. А так – это зерно с семенного участка, семена засыпаны». Крутили, крутили меня – я ни в какую. Ничего не могли добиться и судить не могут. Все документально было оформлено. Приехали, все зерно перевешали, все, что было лишнее, забрали.

Женщины зерно очищали вручную, я им говорю: «Вы там сильно не очищайте, в мякину побольше. Потом перевеем, все будет нам». Зерно я не прятал, только в мякине, в неотработанных отходах. Все обмолотили зерно, сдали. А долгов у меня была уйма. Когда

комендатура передавала колхоз, домики и все там, насчитали миллионы. К банку не подходи, денег ни копейки не было. В банке только подписываешь отсрочки. Платить нечем, не то что взять.

Опять собирается совет в МТС. А я купил в Могочине мотор в 19 киловатт. Мы поехали, а он был у частника. Он был мастер, отремонтировал и просил 8 тысяч рублей. Где взять? А к нам приезжали из хозбанка[33]. Татарин там был. Мы с ним познакомились. Говорю ему: «Выручи, дай денег восемь тысяч». Ну, я ему немного мучицы дал, все ведь голодные. Он выписал восемь тысяч. Я получаю, поехал в Могочино, плачу за мотор. Выпили там хорошо, так сказать, обмыли. В воскресенье вызывают на совет в МТС. Я приехал да возьми и скажи директору МТС, что купил двигатель. Тот говорит: «Хорошо, теперь ты можешь осветить деревню». А я уже домиков в пять освещение провел (поехал в Могочино, за муку, нелегально, нигде не достанешь ни проводки, ни роликов). А директор МТС возьми и скажи секретарю райкома Марьянову. Тот и говорит: «Вот смотрите, колхоз «Ударник» был самый отстающий колхоз. Сейчас выходит в передовые. Сейчас проводит свет в колхозе, купил 19-киловаттный мотор, все свое село осветит». А там сидел заместитель областного прокурора. В перерыве прокурор говорит мне:

– Зайдите ко мне. Вы где купили мотор?

– Как где? На заводе.

– На каком заводе?

– На лесозаводе.

– Кто продал? У вас документы есть?

Я говорю: «Есть», – думаю, отстанет. Тут опять перерыв. Прокурор мне говорит: «К 9 часам придешь ко мне в прокуратуру, представишь документы, кто продал». Я тут завилял, сказал: «Я купил у частника». «У кого?» Я называю фамилию. «Явись». Перед утром перепрягаю коня и туда. А ночью уже поехали, забрали того мужика, у которого я купил, и привезли тоже в прокуратуру. При-

езжаю к прокурору, захожу в приемную, а навстречу мне тот мужик. Областной прокурор нашему районному прокурору говорит: «Посадите его». А тот: «Успею посадить». Это меня посадить. Сидим с нашим прокурором: «Вот не знаю, Михаил Иванович, что делать теперь». «И что мне за это будет?» «Тому, кто продал, восемь лет, а тебе пять лет, что купил». Вот такие были порядки. Что делать?

Стал он звонить секретарю райкома Марьянову: «Михаил Лукич, что будем делать с Болдыревым? Приказали посадить его». Тот сказал: «Пусть ко мне придет». Прихожу я в райком. Марьянов говорит: «Я просто не придал значения, что там был прокурор из области, если бы только районный, то было бы хорошо, никаких проблем не было бы, а это областной». «Куда мне?». Он говорит: «Знаешь что, сматывайся, езжай на курсы в Томск учиться. Давай, документы бери, тебе в райзо выпишут». У нас паспортов не было. «Сейчас я дам команду, тебе дадут паспорт, немедленно уезжай, а я тут буду...». Это, конечно, все было по блату. А в лесу заместитель начальника милиции был, он мне винтовку дал малокалиберную. Косачей тогда много было. Я купил, ему маленько муки дал. Винтовка у меня зарегистрирована была. Ночью домой приезжаю, жене говорю, так и так, уезжаю в Томск учиться. Вызываю бригадира, говорю ему: «Остаешься за меня. Я еду в Томск». Жена мне лепешек напекла, плачет. Пошел к конюху, говорю: «Коня покорми, рано поеду». Тот говорит: «Я сам повезу». Ну, ладно. Раненько утречком садимся на коня и в Томск.

Мы ехали, наверное, дней пять. В Томске курсы были двухгодичные и шестимесячные. На двухгодичные я не согласился, все-таки дома жена, дети. Жил я не при школе, на улице Карла Маркса, 19, там общежитие, там занимались, а ходил в Дачный городок[34], там жили свояки...

Окончил я курсы, приехал в колхоз. Тут началось объединение. Это где-то к концу 1951 года. Трудоспособных в колхозе было человек 60, семей около пятидесяти.

Михаил Иванович Болдырев – слушатель школы председателей колхозов при Томском сельскохозяйственном техникуме. *Фото 1953 г. Предоставлено Г.В. Шипилиной*

Соединили четыре колхоза в один: поселок Шегаровка, Тювинка, Мадуга и Корта. Назвали – колхоз имени Ворошилова, на собрании выбирают меня председателем. Колхозы очень бедные, ничего нет, кругом шаром покати. Поработал год, и так трудно было. Второго секретаря райкома я стал упрашивать, как бы мне освободиться, мне уже не под силу. «Ладно, – говорит, – постараюсь. К нам выпускники, три человека, приезжают из Томска, они двухгодичные курсы заканчивают, постараюсь тебя заменить».

В райкоме мне предложили ехать учиться на трехгодичные курсы в Томск. <...> Окончил, получил диплом младшего агронома руководящего состава, не хотел возвращаться в колхоз. А я был партийный, поэтому куда пошлют. <...> Поехал опять в колхоз. <...> Нас опять начали укрупнять. Нас присоединили, стал колхоз имени Сталина. Когда присоединяли, открывались отделения, потом переименовали в совхоз, я заведовал отделением, потом поставили бригадиром. Работа была ответственная, бригады были большими. Потом работал заведующим фермой, потом работал заместителем директора [совхоза] по хозяйственной части. Оттуда пошел на пенсию. Последнее время работал сдатчиком скота на мясокомбинат, меня попросили.

Когда совхоз появился, Шегаровки не стало, Корты, Мадуги не стало, когда объединяли, часть переехала в

Тунгусово, в центральную усадьбу. Тювинка[35] только осталась. Присоединили Колбинский сельсовет. Князевка, Петропавловка ликвидировались. В совхозе трудодни ликвидировали, получали мы зарплату. Трактора передали совхозам, МТС не стало. Деньги аккуратно выплачивали: два раза в месяц. Люди лучше стали работать, появился интерес.

Когда выбрали меня председателем колхоза «Ударник», там ничего не было, ни зерна, ни скота. Весь скот раздали по более сильным колхозам, нечем было кормить. Колхозникам можно было иметь 30 соток огородов, остальное обрезалось. Поросенка держишь или нет, а полторы шкуры сдай. Палить поросенка не имеешь права, надо шкуру сдать. Судили даже. Корова есть – 400 литров молока сдай при жирности 4,4 [процента]. Мяса – 72 килограмма. Если нет – покупай и сдавай. Все это надо сдать обязательно, друг у друга занимали. Потом надо было сдавать 52 килограмма [мяса]. Вместо молока можно было масло сдавать. Тогда приемных пунктов для молока не было. Один килограмм масла засчитывался за 22 килограмма молока. Били масло вручную, сами пили обрат, а масло сдавали. Сено не давали косить, кормили соломой. Что там корова дает – литра два. Масло покупали и сдавали. Покупали, как придется, и в магазине. Имели право держать только одну корову, два поросенка и, кажется, три овечки. Если две коровы, или сдавай, или продавай. Сено не давали косить, только после работы, где найдешь там и косишь. <...>

Рассказ Михаила Ивановича Болдырева (род. в 1917 г.) записала в октябре 2003 г. Г.В. Шипилина. Текст был опубликован ею в краеведческом альманахе «Сибирская старина» (Томск, 2010. № 26). Оригинал интервью хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

"В РАБОТЕ НАМ НОВЫХ УСПЕХ"

рассказ А.Я. Магазинниковой

Зовут меня Магазинникова Анна Яковлевна. Родилась я на Урале – Пермская область, Пудинская станция. Сюда я приехала (пос. Майский) в 1935 году. Я сиротка. Плохо, ой, плохо. Приехали в Кривошеино, недолго жили. Из Кривошеина (16 лет мне было) четыре дня пешком шла. Коров пасла, коней, свиней. Есть нечего было. Это сейчас колбаса, а тогда пожрать-то надо было, вот и собирали пучки. В Томске жила. В 16 лет не стала в колхозе работать. В 1935 году мать умерла: корову доить надо, сено тягать. В Томске я

Фото: В деревне Высокий Яр Бакчарского района. 1951 г.
Предоставлено Г.А. Жаринковой

вышла замуж, а уж из Томска вернулась в колхоз. В 51-м году старший сын, Юра, родился, а в 55-м – Валера. Брали с мужем 10 тысяч [рублей] ссуды, построили дом, купили корову, мужу – пальто.

В военные годы в Томске на военном заводе работала, за это [сейчас] льготы – свет, дрова бесплатно. Я ветеран войны и труда.

В 55-м году мы вступили в колхоз. Якубович Михаил Семенович председателем был. Взяли мы у Якубовича ссуду – водяную трубу дома поставили: «Кама» качает воду.

В настоящее время живу одна, хозяин умер. Награды у него есть за взятие Берлина, Варшавы. А я бабка «ленинская»[36], мне уже 80 лет. Налоги я с 16 лет платила деньгами. Налог брали за то, что бездетная, незамужняя. Огороды нам не урезали, как дали 40 соток и все.

При Сталине[37] работала на производстве, на лесоперевалке. Юру, сына, в ясли не принимали, так как болячки были. Муж в тюрьме был, вроде как стукнул кого-то.

Сталин умер – митинг был, но после его смерти лучше не стало.

В военные годы, кто постарше, у тех родителей репрессировали. Я вступила в партию, хотела, как Зоя Космодемьянская, – на фронт. Подошла к поезду и обратно ушла. Думаю: «Убьют молодую такую». Тогда пошла работать на Томский инструментальный завод «Фрезер»[38], где для фронта выпускали продукцию.

Закончила я семилетку, училась на «5». Все успевала: хлеб пеку, галстук глажу. Стихи я писала про Ленина, даже гонорар получала – 5 рублей:

Весна уже в полном разгаре
И яркое солнце печет,
Колхозники к севу готовы –
Горячее время идет.

Посмотришь на лес и на поле,
И станет на сердце светлей,
А руки готовы работать,
Чтоб хлеб зашумел веселей.
Мы силы свои не жалеем
Для нашей советской страны,
Работа: мы пашем и сеем,
Как будто ни в чем мы не знаем нужды.
И партия наша довольна,
И наш предстоящий съезд
Решит директиву плана
И пожелает в работе нам новых успех.
Ленина имя бессмертно
У каждого в сердце у нас.
Какую счастливую долю
Он добыл крестьянам – для нас.
И думы его, и заветы
Сбывались у всех наяву –
У каждого лампочка в доме
И мы благодарны ему.

Фамилия моя была Беляева, а замуж вышла, сменила вон на какую богатую – Магазинникова.

Рассказ Анны Яковлевны Магазинниковой (род. в 1919 г.), жительницы Кривошеинского района, записала студентка ТСХИ Н.В. Чекалина. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

РАБОТАЛА ДОЯРКОЙ

рассказ М.В. Жариковой

Я родилась в 1920 году в деревне Тазырбан Пышкино-Троицкого района[39], сейчас – Первомайского. Родители были из переселенцев, семья была большой, учиться пришлось мало, закончила только начальную школу. Работать начала рано, с 1940 года работала в леспромхозе Минаевского подсобного хозяйства. Работа для молодой девушки была очень тяжелой.

Вышла замуж, родила сына. Мужа проводила на войну, он пропал без вести. В 1947 году вышла

Фото: Томские колхозники в канун Великой Отечественной войны. *Предоставлено Г.В. Шипилиной*

второй раз замуж и в том же году начала работать в колхозе «Красный луч» в деревне Феоктистовка Асиновского района. Работала телятницей, подсобной рабочей, а в основном все время проработала дояркой. Работали с 5 утра и до ночи. Вручную приходилось подносить корма и, конечно, три раза в день доить. Каждую корову надо было почистить, помыть, а их было не меньше 25 голов. Очень много времени надо было уделять [коровам] перед отелом и после.

За свою работу часто получала благодарности от правления колхоза. Почти каждый год ездила на слет передовиков в город Асино. Награждена медалью «Ветеран труда»[40]. Сейчас я уже на пенсии, мне 84 года, вдова, но меня не забывают, приглашают на встречи.

Рассказ Марии Васильевны Жариковой (род. в 1920 г.) записала в 2004 г. Наталья Большакова, студентка ТСХИ. Хранится на кафедре гуманитарных и правовых дисциплин ТСХИ.

ПЕРЕСЕЛИЛИСЬ В СИБИРЬ

рассказ Т.С. Вайтович

Я родилась 25 января 1924 года в городе Минске. Родители мои, ныне уже покойные, Савелий Максимович и Мария Никитична, переселились из Белоруссии в Сибирь. В те времена, а это было в 1930 году, кроме лошадей, не было больше доступного транспорта для крестьянина[41]. Вот и перевозили нас родители на санях. Дело было в начале зимы, только выпал первый снег. Семья была у нас большая – пятеро детей: Нюра, Шура, Катя, я и брат Николай. Дорога предстояла очень длинная, да и погодные

Фото: Крестьянская семья Черкашиных.
Зырянский краеведческий музей

условия были не самые лучшие. Как рассказывала моя покойная мать, в это время все стали переселяться в Сибирь целыми семьями[42]. Ну, и наши, недолго думая, тоже собрали вещи, детей и поехали. Приехали в село Больше-Дорохово Асиновского района[43]. Так как жилья никакого не было, пришлось до лета жить у родственников, которые незадолго до нас приехали из Белоруссии. В начале лета семья переезжает в деревню Ново-Троицу[44] Асиновского района. Здесь начинается строительство нового дома. Все делали сами: заготавливали лес, покупали кирпич. В строительстве дома помогли и соседи. К осени дом был готов, небольшой, но теплый. Дом и по сей день стоит, только в нем никто не живет.

Учиться пришлось мало, закончила только начальную школу. Мои сестры вышли замуж и уехали с мужьями в город Асино[45]. Я же с братом и родителями осталась в Ново-Троице. В 1939 году и я вышла замуж, когда мне было [только] 15 лет. Мой муж, Вайтович Андрей Никитич, жил в этой же деревне. В 1939 году у нас появился первый сын, Виталий, в 1940 году – сын Александр, а в 1941-м – Петр.

Когда началась война, моему младшенькому едва исполнилось пять месяцев. Мужа и отца забрали на фронт. Я же осталась с мамой и с детьми. Мама была уже в годах, она стала смотреть за детьми, а я пошла на работу. Работала на ферме в Ново-Троице дояркой, подсобной рабочей. Работа для молодой женщины была очень тяжелая. Работали с 5 утра и до самой ночи. Так как мужчины были на фронте, то и мужскую работу приходилось делать самим: приносить корма, воду, ну, и, конечно, доить коров. Поголовье скота было большое. В день выдаивала и по 20 коров. Приходила с работы и падала с ног от

усталости. Бедные дети, они ведь почти не видели мать. В 1942 году приходит похоронка о том, что погиб мой отец, а в 1943 году в боях под Курском пропал без вести мой муж.

Во время войны был сильный голод. Хлеба выдавали очень мало, в муку [при выпечке] добавляли древесные опилки[46]. <...> Зимой одежды не хватало, иногда даже ходили в одних валенках – по очереди.

После окончания войны я вышла второй раз замуж за Копылова Николая Ивановича. Жизнь в стране начала налаживаться. <...> Я уже давно на пенсии, вдова. Живу у старшего сына Виталия. Несмотря на то, что после войны прошло много лет, меня до сих пор не забыли, приглашают на различные мероприятия, посвященные Великой Отечественной войне.

Рассказ Татьяны Савельевны Вайтович (род. в 1924 г.) записан студенткой ТСХИ Л.А. Вайтович в 2005 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

В ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ Я УЖЕ В ПОЛЕ РАБОТАЛА

рассказ В.А. Пакркатовой

Родители приехали в Сибирь из [Европейской] России еще до моего рождения. Детей у родителей было пятеро, я – третья. Отец был на германской войне[47]. Пять лет пробыл у немцев в плену. Он рано остался сиротой и с 6 лет работал батраком у богатых. Женился, нажил хозяйство – лошадь, две коровы, овцы, сенокосилка.

До колхозов у нас была своя пашня, сеяли зерно, пшено, гречку[48]. Мы тогда хорошо жили. У нас был большой амбар, он всегда полон был. Мы не были

Фото: Зырянская колхозница Таисия Малышева. 1950-е гг.
Зырянский краеведческий музей

богачами, были и справнее хозяйства. Только коллективизация разорила и нас, и их. До колхозов, бывало, отец летом на себя поработает, все заготовит, а зимой пьет, гуляет. Он у нас трудолюбивый был, кадушки хорошие делал. Помню, продаст на базаре кадки, приедет домой, ставит четверть самогона на стол. Половину выпивает и засыпает. А потом – за работу. Тогда в каждом доме самогон делали. Мужики любили выпить, но и поработать – тоже. Когда началась коллективизация, хорошая жизнь закончилась. Амбар наш стал пустовать. Отец все продал и вступил в колхоз в 1931 году. Он говорил, что все равно отберут да еще сошлют на север. У тех, кто не хотел вступать в колхоз, отбирали нажитое, и их ссылали. Хоть богатый, хоть бедный – значения не имело. Главное, что в колхоз не вступили. Так мою сестру с мужем сослали. Сосланным срок давали, многие не возвращались. А вот сестра вернулась.

Кулаки в колхоз вступать не хотели, они ведь богато жили, люди на них работали. Правду сказать, разные кулаки были – кто плохо платил за работу, а кто и хорошо. Они, сказывали, поля колхозные травили, поджоги устраивали.

Наша мама работала в колхозной огородной бригаде. Очень уставала. Я с десяти лет помогала ей поливать. Каждой колхознице в бригаде надо было полить примерно 30 соток огурцов. А воду носили на коромыслах из речки – тоже не ближний свет. Не бабья это работа – ведра таскать в такую даль. А потом домой пешком примерно километра два топать. В тринадцать лет я уже в поле работала самостоятельно, варила пахарям. К четырем часам утра чай сделаю, к девяти – завтрак, в два часа – обед. В нашем колхозе была своя свиноферма, поэтому пахарям на обед мясо давали.

А в 14 лет я на лесозаготовки поехала. На колхоз давалось задание по заготовке леса, и каждая семья обязана была кого-то отправить работать на лесозаготовках. Лес готовили для государства или еще для кого, не знаю. В мае начинался лесосплав, и по месяцу, а то и больше жили на лесоповале. Не ездить на лесозаготовки было нельзя. За это судили. Раньше за любой невыход на работу судили. Судили и за то, что мало трудодней на лесозаготовках выработали. А их надо было не меньше 120 в год.

У меня уже было двое ребятишек: 5 лет и восемь месяцев, их оставить не с кем, ясли закрыты. Так меня чуть не посадили, уже и повестку [явиться] в суд прислали. Так, спасибо, секретарь сельсовета дала мне справку, что у меня двое детей. Мне пришлось эти трудодни вырабатывать уже в поле. Я уходила на работу, а ребятишек закрывала на замок. Пока на работе – сердце не на месте.

За работу в лесу или в колхозе мы ничего не получали. Мы работали на государство бесплатно. Нам ставили палочку – трудодень. А на этот трудодень должны были давать зерно. Считалось, что кто больше заработает трудодней, тот больше и зерна получит. А на самом деле все получали по чуть-чуть. И по полученным продуктам не особенно было заметно, как ты работал. Хорошо, что еще сам ничего не должен оставался колхозу или государству. А то бывали случаи, когда люди работали, работали, а с них за что-то высчитывали, и они оставались ни с чем. У нас в колхозе хлеба всегда плохо рождались. А когда урожай хороший случался, то его куда-то увозили, и до колхозов он не доходил. В самый лучший год нам давали по 2–3 килограмма [на трудодень]. А после войны, уже, когда у нас совхоз был, давали 3 килограмма зерна и 2–3 рубля на трудодень[49].

Урожайность зависела от председателя. Хороший председатель – хороший урожай, плохой председатель – плохой урожай. Куда они хлеба сплавляли мы, дураки-колхозники, ничего не знали.

У нас председатели очень часто менялись. Председатель год-два побудет, наживется и уедет. Потом другого присылают. Один председатель у нас толковый был. Он после уборки норму хлеба сдал государству, а остальное раздал людям по трудодням. Так его, бедненького, посадили.

Я окончила четыре класса, а чтобы дальше учиться, нужно было за 14 километров ходить, поэтому учебу прекратила. К тому же по хозяйству дел много. Поэтому у нас многие по четыре класса только закончили. В мою молодость мы гуляли, бражку пили, песни пели. Драки, конечно, были, но как-то поспокойнее было, чем сейчас.

В то время был закон «о колосках», сажали по нему страшно[50]. Моя мама в 70 лет на плейтоне[51] работала, приносила отходы домой, ей за это дали год отработки. Колхозникам пенсии не было никакой[52]. Мама прожила 105 лет, ей стали выплачивать по 8 рублей [в месяц] уже в конце жизни. Хотя она осталась одна, без мужа, в 40 лет. Налоги у нас были огромные. С одной овцы две шкуры сдать нужно было, потому что она ягненка приносила. Чтобы никто не знал, что я держу овечку, я выпасала ее тайком, ночью, а днем прятала в стайке.

Рассказ Веры Аркадьевны Пакркатовой (род. в 1923 г.), жительницы с. Турунтаева Томского района, записан студенткой ТСХИ Ксенией Бодур в 2002 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

НАЛОГИ СНИЗИЛИ ТОЛЬКО В ПЯТИДЕСЯТЫХ

рассказ В.К. Воропаевой

Родилась я в 1924 году в Томской области, Тегульдетский район, деревня Чуняшки[53]. Сейчас такой деревни нет. Когда началась война, мне было 16 лет. В семье у нас было пятеро детей. Отец умер рано, мы остались с одной матерью. Рассчитывать было не на кого.

После окончания девятого класса, в 16 лет я пошла работать. На радиостанции принимала и передавала информацию о состоянии дел в районе. Работала в ночное время.

Фото: Братья Михаил и Виктор Дербеневы у здания школы с. Яранка. 1954–1956 гг. *Зырянский краеведческий музей*

Позже окончила [среднюю] школу и пошла учиться в [Томский] учительский институт[54]. Старший брат служил в армии офицером, помогал всей семье, словом, был всем за отца. Он посылал по аттестату нам деньги. А когда его перевели по службе в другое место, он отозвал аттестат. Продолжить учебу я не смогла, не на что было учиться. Война была, был голод. Вернулась я домой, в Тегульдет, а дома даже дров не было. Дома у матери было трое [младших] детей. Так и не пришлось мне окончить учительский институт. Снова пошла работать.

Когда началась война, мужчин всех забрали на фронт. Женщины с детьми выполняли всю работу. Всех лошадей отправили на фронт, землю пахали на коровах, быках, а те, у кого не было скотины, – на себе.

Есть было нечего. Ели траву, хвощ полевой; муки мало было, добавляли в тесто мякину, отруби и пекли хлеб. Работали до поздней ночи с раннего утра без выходных.

Колхозники помогали фронту зерном, яйцами, молоком, маслом. Сушили картошку, отправляли на фронт, вязали носки, варежки.

Мой дед и бабушка работали в колхозе. Дед шил сбрую на лошадей, чинил ремни, хомуты. Работали за трудодни – ставили палочки. <...> Людей, которые крали хлеб, заключали в тюрьму. За украденную морковку давали год тюрьмы.

В нашей деревне был случай: приехал в нашу деревню чужой человек. Время было позднее, ближе к ночи. В многодетной семье Башковых его приютили на ночь. Жена хозяина была беременная. Хозяйка его накормила, напоила, постелила ему. После ужина посидели, поговорили про жизнь, поплакались друг другу. Наутро он ушел. А в гостях у хозяина было два брата. Вечером приехали из НКВД

и забрали всех троих братьев. Всем дали по 25 лет. У старшего брата осталось четверо детей, у среднего – семеро и пятеро – у младшего.

Старший брат отсидел 17 лет. Вернулся домой больной, озлобленный, прожил совсем недолго и умер. Средний отсидел 23 года, а младший – 25 лет. От звонка до звонка

Когда после войны в деревню пришла техника, приходилось готовить для машин топливо – чурочку из березы. Ставилось задание: напилить по 5 кубометров чурочки на одного человека. Березовую чурочку нужно было высушить на печке, уложить и сдать. <...> Мужчин было мало, больше работали на тракторах и машинах женщины. На колесном тракторе работала Пелагея. Однажды, когда она заводила трактор, ремень оторвался и выбил ей передние зубы. Кузнецом тоже была женщина. Ребятишкам и девкам делала она колечки из пяти- и трехкопеечных монеток. <...> В пятидесятых годах жили трудно, но уже хлеб был. В середине пятидесятых налог с крестьян стал значительно меньше. [Но все равно] яйца, молоко, масло, шерсть, картошку, табак – все сдавали в пользу государства. Если свинью выгнал со двора, увидели – значит, нужно было сдавать шкуру <...>.

Рассказ Валентины Кирилловны Воропаевой (род. в 1924 г.) записала студентка ТСХИ Н.А. Януш в 2003 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

РАБОТАЛИ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ

рассказ М.Т. Заволокиной

<...> Я родилась 15 февраля 1924 года в селе Петропавловка, Алтайского края, в крестьянской семье Гладких. Всей семьей – отец, мать, бабушка, сестра и я, младшая, – работали в хозяйстве, справлялись своими силами, а в страду объединялись с соседями, помогали друг другу. Работали от темна до темна и ночи прихватывали. В хозяйстве имели все необходимое для жизни: корову, лошадь, мелкую живность.

Началась коллективизация. Родители и другие сельчане не хотели идти в колхоз, жалко было

Фото: Переселенец из Брянской губернии Аксен Шилов с женой Аксиньей и двумя внучками. Дер. Чарочка. 1942 г.
Зырянский краеведческий музей

расставаться с добром, нажитым потом и кровью, бессонными ночами. Но в 1930 году нас раскулачили и отобрали все, что было в хозяйстве. Отец решил уехать на работу в соседнее село, там был кирпичный завод. Через некоторое время мама поехала к нему узнать, что там и как обстоят дела. В отсутствие родителей нам в одночасье объявили, что повезут в ссылку. Объявили вечером, а утром подогнали бричку с ездовым, погрузили бабушку и нас, двух сестер, и повезли вместе с другими такими же семьями. Куда повезли, никто не знал. Не разрешили даже сообщить родственникам, жившим в другом селе. Другие-то семьи ехали в полном составе, могли что-то взять с собой. А у нас не было ничего: ни еды, ни вещей. Спасибо, нашлись добрые соседи, дали в дорогу кое-что из продуктов: кто сухарей, кто десяток яиц. Но были и такие, что еще при нас старались вынести из дома, что могли. Смотрели на нас, как на врагов.

Мама, возвратившись от отца, не застала дома никого. По слухам узнала, куда нас повезли, и бросилась догонять. Догнала на железнодорожной станции в ста километрах от дома. Мы были рады, что с нами рядом мама. Мне тогда было семь лет, но я все отлично помню.

На станции Карасук [нынешней] Новосибирской области всех погрузили в товарные вагоны и повезли, а куда – никто не знал. Двери вагонов были закрыты, стоял охранник. Ехали в ужасных условиях: духота (это было летом), голод, смрад. Довезли до Томска. Начали расформировывать, кого куда. У кого были в семьях мужики – повезли поездом. А нас погрузили на баржи – восемь барж по четыре в ряд – и буксиром потянули вниз по Оби. Везли в ужасных условиях: открытое небо над головой, голод, гнус и все невзгоды. Многие умирали. Иногда

пароход, [тянувший баржи], останавливался, чтобы оставить на берегу умерших людей, придать их земле (проявляли некоторую гуманность).

После Колпашева[55] повезли по реке Кеть до села Копыловка[56]. В Копыловке высадили всех на берег, и мы там жили месяц. Начались людские страдания: голод, болезни, смерть. Гнус не давал покоя. Потом притащили опять баржи, погрузили всех и повезли снова до Колпашева, а затем вниз по Оби до пристани Юрты Инкинского сельсовета[57], в 100 километрах от Колпашева. Одну баржу разгрузили, в том числе и нас, а остальных повезли дальше. Места по берегам реки Оби много, всем хватило. От Инкина на подводах повезли в тайгу, за 15 километров. Тайга почему-то разделилась на березняк и осинник. Высадили и сказали: «Вот вам место жительства».

Там, где рос сплошной березняк, назвали Березовка, где осинник – Осиновка. Была одна проселочная тропа, разбросали по сторонам, кто где сумел приземлиться. Начали обживаться, кто как мог, вырубали деревья, ставили шалаши. В семьях, где были мужские руки, строили времянки, а наша семья что могла себе построить? Спасибо, добрые люди не бросили в беде. Помогли, чем могли. К зиме с помощью добрых людей мы слепили себе избушку, обмазали глиной и вошли в свой дом.

Отец, узнав, что семья выслана, бросился нас искать. Доехал до Томска, дальше все пути были отрезаны. Куда кого повезли – никаких известий. Он решил поехать на Украину, там жила его сестра. А по нашим письмам, через тетку, отец узнал, где мы, и решился приехать к семье. Так через год наша семья была в сборе.

Были случаи побегов, но большинство убегавших возвращали обратно. Мы в бега не бросались, так как бежать было некуда. Надо было обживаться,

кто работал – давали паек, кто не работал – жил за счет семьи. Жили под надзором комендатуры. Работали все на корчевке: валили деревья, корчевали пни, а уже потом обрабатывали землю и садили картофель, сеяли рожь, лен. Осенью ходили по соседним селам, просили разрешения покопаться в огородах, где уже убрали урожай. Разрешали, спасибо людям. Так к весне у нас было немного картофеля для посадки.

Раскорчевали площадь под огород, обработали землю, стали выращивать все необходимое для жизни. Собирали в тайге грибы, ягоды, орехи, по болотам – клюкву. Все собранное сдавали в кооперацию. Стало жить легче, тем более что с нами был отец.

И здесь, в ссылке, <...> опять начали притеснять народ, заставлять записываться в колхоз. Мои родители в колхоз не записывались. Их, как единоличников, обложили налогами, а потом за неуплату налога описали все, что у нас было выращено на огороде, и отобрали. <...>

По вербовке их отпустили в другую комендатуру, в поселок Могочино. Такое разрешение они получили в 1936 году и переехали на новое местожительство. В Могочине я окончила 7 классов. В поселке было две школы, одна – семилетняя, где учились дети вольных родителей, туда нам вход был закрыт.

После школы я поступила в Томское педагогическое училище. Это было предвоенное время, 1939 год. <...> Жили студенты в тяжелейших условиях, по 20 человек в комнате. Стипендию в 40 рублей отменили и ввели платное обучение – 150 рублей в год. Но я училась, преодолевая все трудности. Устроилась на работу – техничкой в учебном корпусе и курьером. В то время еще мало было телефонов, поэтому меня посылали по необходимости по всему городу, хотя город я еще знала мало.

Грянула война. Наш учебный сектор заняли под госпиталь, занятия прекратились. Студенты вынуждены были определяться, что делать дальше. Одни пошли учиться в ФЗУ[58], другие пошли работать на военный завод, а некоторые поехали домой. Так поступила и я. Думала продолжить учебу в средней школе, в 9-м классе. В то время директором средней школы был бывший завуч Константин Иванович Богашов, добрейший души человек. Он был очень строг, но справедлив. Преподавал русский язык и литературу. Уроки его я помню до сих пор. Когда я обратилась к нему, он сразу пошел мне навстречу. Меня приняли в 9-й класс, зная мое отношение к учебе. Но программа средней школы не вписывалась в программу 1-го курса педагогического училища. В средней школе немецкий язык преподавала Анна Ивановна Веселовская – на высоком уровне, чего не было в педучилище. Тут я почувствовала, что мне это не осилить, да еще общественная работа [требовала времени], я ушла из школы.

Что дальше делать – не знала. Шла война, все у дела. Ехать в Томск (училище перевели на Степановку), общежития нет, жить негде, да и на что? Открылись в поселке Могочино курсы медсестер запаса для отправки на фронт. Решила поступать. Набралось нас 25 человек. Учились шесть месяцев по ускоренной программе. Ходили на практику в местную больницу, дежурили в стационаре, готовились на фронт. Сдали экзамены, получили дипломы, написали коллективное письмо в военкомат с просьбой отправить на фронт. Нас поставили на учет в военкомате и сказали: ждите, потребуется – вызовем. Стали ждать.

Шло время. Наступил новый учебный год. Душа болела, что делать? Отравила документы в город Колпашево, в педучилище[59]. Пришел вызов:

зачислена на 2-й курс. Поехала. В военную пору везде было трудно. Жили в бараке в Северном городке, в сторону Тогура, 25 человек в комнате. Электрического света не было, занимались при керосиновых коптилках. Учились по ускоренной программе по 8–9 часов [в день], изучали военное дело. В здании педучилища печи топились дровами, а заготавливали дрова сами студенты, по графику выезжали в деревню Чугунка в 20 километрах от города. Работали [на лесозаготовках] поочередно по 10 суток. Паек хлеба – 600 граммов, норму надо выполнить. Шили себе из мешков штаны, чтобы бродить по снегу. Жили в бараке, спали на двухъярусных койках. Пилили, валили лес ручными пилами. Наступили каникулы, домой не поехали: нас мобилизовали на трудовой фронт. Я трудилась в Молчановском районе, в деревне Игреково, в рыболовецкой бригаде все лето. Так проходило военное время: учеба, работа.

Из военкомата вызов [не получила]. Нескольких человек призвали, они были на фронте, некоторые пошли работать в больницу, так и остались работать в медицине. А я, будучи уже учителем, в деревне помогала, чем могла. Когда народ узнал, что я что-то могу, стали обращаться за медпомощью.

После окончания педучилища мне дали направление в Кривошеинский район, в деревню Петухово, заведующей школой. Работала одна: четыре класса, 50 детей, работала в две смены. Света электрического нет, керосиновые лампы. В деревне учитель на виду. Везде успевай: и в школе, и на общественной работе. Тут важно все: собрания, заседания правления колхоза, распространение облигаций, обмен земельных участков. В субботу частенько бегала на лыжах в Кривошеино, в районо[60], чтобы получить консультацию по школьной работе у инспекторов. Они в то

время всегда были на месте, знали, что к ним идут за помощью; давали совет, оказывали методическую помощь, никто не считался со временем.

Об окончании войны мы узнали не в первый день. Наша деревня была за рекой, в 12 километрах от районного центра, в половодье можно только на лодке или обласке[61] попасть. Победу отмечали сутки спустя. [Всю войну] люди жили впроголодь, но отдавали последнее, чтобы помочь фронту. Дети тоже понимали, учились на совесть. В то время в школе, в 4-м классе, были экзамены. А на экзамены выезжали в деревню Жуково[62] – из четырех сел. Нам, заречным, надо было в половодье ехать на лодке, а за рулевого была я, хотя управлять не умела, меня учили дети. Они гребли, а я рулила. Надо было переехать протоку, а затем матушку Обь. Боялась: страшно и за себя, и за детей. Жили во время экзаменов по квартирам.

Закончилась война. Стали возвращаться домой солдаты. Пришел домой и мой будущий муж, Заволокин Андрей Васильевич. Но домой он вернулся не сразу. В 1941-м, во время первых боев на границе, он был ранен, попал в плен, прошел концлагерь, совершал побеги. С приходом советских войск – был освобожден. Тут у него началась «эпопея»: как попавшего в плен его начали допрашивать, отправили на трудовые работы в Донбасс. Даже вернувшись домой, он не мог спокойно жить. Клеймо «врага народа» долго еще не было снято. Мы уже поженились, ждали ребенка. Однажды приехали из милиции, вызвали меня на допрос и стали требовать развестись с «предателем». Я на этот шаг не пошла, зная, что войны без пленных не бывает. Верила ему и не ошиблась. То, что он перенес в плену, теперь всем известно. Но в то время это был позор, и мы вместе это унижение переносили. Потом ему

предлагали вступить в [Коммунистическую] партию, но он не согласился. Вот так и жили: я – дочь кулака, мой муж – бывший военнопленный. Мы верили, что правда – за нами.

По семейным обстоятельствам мы переехали в Молчановский район. Я работала заведующей школой в деревне Пригородное, затем переехали в деревню Татош[63], где я тоже заведовала школой, а потом – в Новостройку, ныне это Нарга. Стала учительницей Наргинской средней школы. Свою работу я очень любила, отдавала ей всю себя, проработала в школе 33 года. Ветеран труда, имею награды и почетные грамоты Министерства просвещения. Вырастила, воспитала и выучила четверых своих детей. Муж, инвалид Великой Отечественной войны, умер в 1996 году. Теперь я вдова, на пенсии. И живу воспоминаниями!

Рассказ Марии Трофимовны Заволокиной (род. в 1924 г.), жительницы с. Нарга Молчановского района, записал студент ТСХИ Михаил Светоносов в 2013 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

РАБОТАЛИ И ЖДАЛИ ПОБЕДУ

рассказ Н.Г. Кизиловой

Известие о том, что началась война, мгновенно облетело всю деревню. Радио у нас не было, и мы бегали из двора во двор, сообщая всем, что, вот, началась война. В то время мы не думали, что на наши молодые девичьи плечи выпадет такая тяжелая доля. Мужчин почти каждый день призывали на фронт. Приезжал посыльный из сельсовета с повесткой, собирали по несколько человек из каждой деревни (Михайловка, Окуневка, Туендат), везли в Зырянку[64], в военкомат, а затем отправляли на фронт. Из нашей семьи забрали отца и двух старших братьев.

Фото: На лесоповале. *Зырянский краеведческий музей*

А я, мама и два младших брата остались дома. Без кормильцев было очень тяжело прожить, поэтому я пошла работать дояркой. Сначала доила по десять коров, а потом еще пять добавили, когда руки привыкли к работе, ведь коров мы доили вручную. В основном была трехразовая дойка. Руки страшно [уставали], но эта работа считалась очень хорошей, так как во время дойки мы, крадучись от начальства, пили молоко. Иногда даже приносили с собой хлеб и [съедали его, запивая молоком]. Хуже приходилось братьям, восьми- десятилетним ребятишкам, – они работали на сенокосе, возили волокуши, подгребали сено. Работали до поздней ночи наравне со взрослыми.

Шло время, а война все не кончалась. Каждое утро мы просыпались с надеждой, что будет конец, но конца войны не было видно. В начале 1942 года нескольких девушек из нашей деревни отправили на лесоповал, в их числе была и я. Работа была непосильная. Целый день мы обрубали сучки, складывали их в кучи и жгли. С нами работало несколько мужчин, которые валили деревья и сплавляли по реке Четь. Работали от зари до зари. Тут же и готовили – поедим, подремлем у костра и снова за работу. Работа никогда не прекращалась: одни уезжали, другие приезжали. Там же, в лесу, были построены бараки-времянки, в которых зимой было очень холодно, а летом заедал гнус. Да еще ко всему клопы не давали покоя. Но мы на судьбу не жаловались, работали и ждали победы. Бывало, кто-нибудь запоет песню, а мы подхватим, далеко слышно. Вроде, и время проходит быстрее, и думы страшные в голову не лезут.

Лесоповал от нашей деревни находился недалеко, километров двадцать. Иногда нас отпускали домой, помыться, переодеться. За сутки нужно было

сходить домой и вернуться. Домой придешь, хочется и родным помочь, дров, сена подвезти, а осенью нужно было успеть выкопать картошку – иначе голод. Картошки до нового урожая почти никогда не хватало. Как только стает снег, мы соберем [прошлогоднюю] картошку и – на печь ее, получалось своеобразное кушанье.

На лесоповале я пробыла целый год. Вернулась домой, думала: [опять] пойду работать на ферму, семье будет легче. Но нет, месяца через два нас призвали на военный завод – в Мариинск[65]. Из нашей деревни нас было четверо: я, Нюрка Комарова, Анна Колобова и Таська Комова. Жили также в бараках, но с едой было полегче. Нас как военных кормили в столовой. Мы уже привыкли к тяжелой работе, отвыкли от дома, смирились со своей судьбой и ждали победы.

И вот тут я получила письмо от матери, она писала, что брат и отец погибли, а второй брат пропал без вести. Сильно я переживала от этого страшного известия, но еще сильнее за мать, так как у нее было слабое здоровье, и потерять половину семьи было сильнейшим ударом. Я стала проситься домой, хоть на один день. Как представлю, что папы больше нет, так работа на ум не идет. Я умоляла коменданта, чтобы он меня отпустил, но он не соглашался. И вот я решилась на побег, ушла ночью, когда все спали. Было страшно, но я шла днем и ночью, через деревни, у местных жителей спрашивала дорогу. Пришла домой, а там меня уже ждала милиция. Судили военным трибуналом, дали пять лет. Срок отбывала на том же заводе, в Мариинске, но уже среди заключенных под присмотром конвоира. Вот так день победы я отодвинула себе на три года.

Девушкой я была очень красивой: длинные до пояса черные волосы, высокая, стройная. Я стала

замечать, что на меня засматривается один молодой конвоир. Мне он тоже нравился. Мы полюбили друг друга. Он мне помогал, приносил еду, теплую одежду. Вроде и время шло незаметно. Боль утраты родных помаленьку сгладилась, братья в деревне подросли, молодость брала свое.

И вот пришла победа! Все радовались, плакали от счастья, пели песни. А я не находила себе места, ведь срок [заключения] у меня был еще очень большой. Я сходила с ума, переживала, думала, как это так: работала всю войну как все, не покладая рук, и вдруг такое. Хотела покончить с собой, но любовь остановила меня. Володя, так звали того конвоира, много хлопотал обо мне и добился, чтобы меня выпустили на поселение. Мы стали жить вместе, у нас родилась дочка Оленька. Все было хорошо, но очень хотелось домой. По окончании срока, в 1949 году, я решила съездить в деревню к маме, посмотреть, как они там живут, и вернуться домой к мужу. Оставив 2-годовалую дочку с мужем, я поехала к маме. Когда я приехала в деревню, увидела, какая была нищета: мать очень больная, братья голодные. Тогда я решила помочь им, пошла работать в колхоз. Вышла замуж за калеку-бухгалтера, нарожала кучу детей. А втайне от всех мечтала уехать к своим Володеньке и Оленьке.

Рассказ Натальи Григорьевны Кизиловой (род. в 1924 г.), жительницы с. Туендат Зырянского района, записан студенткой ТСХИ Марией Колобовой в 2005 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

ПЕРЕЕХАЛИ В ГОРОД

рассказ М.Т. Лугачевой

Родилась 6 июня 1924 года в деревне Мура Шегарского района[66]. В 1934 году пошла в школу в деревне Тызырачево[67], отучилась 4 класса. <...> Моя семья была большой, у меня было два брата и две сестры. Жили дружно, но не богато, вели хозяйство, все было со своего огорода.

В 12 лет я начала работу в колхозе «Новый путь», проработала там десять лет. Выучилась на комбайнера, работала на комбайне. Покинула работу в МТС самовольно (в подростковом возрасте очень тяжело

Фото: Грузовик ЗИЛ в с. Яранском Зырянского района.
Зырянский краеведческий музей

было работать на таких машинах), из-за этого взяли под арест на четыре месяца. Отсидев срок, вернулась все в тот же колхоз и стала работать на лесозаготовках. Работала наравне с мужчинами, поблажек не было, так как была война. Пять зим подряд занималась этим нелегким трудом. Летом тоже времени зря не теряла: заготовка кормов для скота, уборка хлеба.

В 1950 году вышла замуж и поехала «осваивать» город Томск. В городе было нелегко, жилье никто не предоставлял. Нашли мы какой-то подвал, в который с десяток лет сбрасывали мусор, и стали там жить. Днем работали, вечерами и ночами чистили свое жилище.

Прожили года три и вернулись обратно в деревню, ведь здесь была вся наша родня. Но и на этом месте мы прожили не долго, мужа отправили работать в деревню Гусево[68]. По приезде на новое место жительства нам дали маленькую избенку, которую нам самим надо было приводить в божеский вид. Я целыми днями ремонтировала дом. Прожив недолго в отремонтированном доме, мы уехали из этой деревни. В конечном счете, мы все же вернулись в город.

Рассказ Марии Трофимовны Лугачевой (род. в 1924 г.), урожд. Белоусовой, записала студентка ТСХИ Юлия Романова. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

ЖИЛИ ДРУЖНО

рассказ Р.Ш. Назмутдиновой

Родилась я в маленькой деревне Таптан (Нуркай) Кривошеинского района. Мое босоногое детство прошло в этой деревне. Так как кругом был лес, болота, то летом было очень много комаров, мошек, одним словом, всяких кусачих насекомых. Зато везде – на улице, во дворе – летом зеленая трава, в лесу много ягод: малина, смородина, черемуха, клюква. Мы ели всякую зелень, которая росла в лесу, знали все съедобные травы.

Жили в деревне одни татары, в семьях было по многу детей. У нас в семье было шестеро, мы с

Фото: Татарская семья. *Зырянский краеведческий музей*

сестрой самые старшие – двойняшки – родились в годы войны, в конце 1942 года. Отца, [Шайхутдина Ибрашева], на фронт не взяли из-за того, что видел только на один глаз, следствие оспы. В годы войны он был председателем колхоза. Хотя и окончил всего три класса, он считался очень грамотным, особенно хорошо знал математику. У него была такая ответственность, нагрузка, необходимость выполнять все задания, выплачивать непомерные налоги. Чтобы люди не умерли с голоду, ему приходилось идти на всякое: припрятывали и зерно, чтобы немного раздать людям, и по ночам он сам носил по домам и хлеб, и молоко. И мама позже рассказывала: дома даже детям иногда не оставалось молока, он все отдавал нуждающимся.

Помню, у нас жили три семьи немцев, высланные с Алтая. Летом они питались зеленью, которая росла в лесу, рыбой-гольяном, которую ловили в речушке. Потом они говорили: «Спасибо вашему отцу, если бы он нас не кормил, мы бы все умерли с голоду». <...> Когда немцам было разрешено уехать, некоторые остались в нашей деревне. Они все прекрасно говорили по-татарски, пели татарские песни.

А мама была простой колхозницей, работала с утра до вечера. С нами, [детьми], была бабушка, слепая на оба глаза. Было, конечно, и свое хозяйство: держали корову, овец, кур, гусей.

В деревне народ жил дружно. Сабантуй[69] справляли всей деревней, каждая хозяйка ставила ведро бражки и гуляли: у одного посидят, затем идут к другому. И так по всей деревне. Не помню ни одного пьяного дебоша, песни пели под гармошку, плясали.

Мы сами – не коренные жители, наши деды и бабушки были переселенцы. К большому сожалению, мы не знали своих корней, родители отца были

мишари[70], из каких мест – мы даже не знали. Родители мамы были из Казанской губернии. Речь их немного различалась. Мамины родители говорили на чистом казанском языке[71], а папины – чуть по-другому, у них больше общего было с русским языком, видно, они жили рядом с русскими. А наши родители уже родились здесь, в Сибири. Было две татарских деревни, наша, Таптан, и вторая деревня – Новоисламбуль[72]. Сейчас уже нашей деревни нет, нет родного дома, есть только кладбище. А таптанские жители живут в Исламбуле или уехали, кто – куда.

Я сама, мои братья, сестры, все живем в Томске. Я долго работала в деревне Исламбуль преподавателем. Когда вышла на пенсию, перебралась в город. Помню, мы еще только учились в школе, мне учеба давалась легко, а сестре тяжело давался русский язык, папа часто говорил в шутку: эта будет учительницей, а эта – на сестру – колхозницей. Его предсказания действительно сбылись. Мне сейчас 71 год, но я еще работаю по мере сил, веду занятия по родному языку в Томском центре татарской культуры.

Рассказ Равии Шайхутдиновны Назмутдиновой (род. в 1924 г.) записала студентка ТСХИ Алсу Идрисова в 2013 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

БОГАЧЕЙ НЕ БЫЛО

рассказ Н.Н. Червонец

Колхоз в деревне Перелюбовке[73] был организован в 1933 году, назвали его «Боевик». Прислали председателя из райцентра. Собрали людей из всех 40 дворов в доме Червонцов. Всю скотину сдали в колхоз, сделали базу на окраине деревни. Оплата на трудодни шла зерном, которого вполне хватало. Все зависело от того, кто как работал. Колхозные пашни боронили на быках. С 9 лет дети уже пололи на полях, с 12 лет – косили сено и молотили зерно. В деревне две-три семьи слыли плохими хозяевами,

---

Фото: На уборке льна в Цыгановском сельсовете. 1965 г.
Зырянский краеведческий музей

в этих семьях голодовали. У тех, кто не вступил в колхоз, огород обрубали по самое крыльцо, покосы и пастбище выделяли [далеко от деревни], километров за 6–7.

Во время войны [женщины] делали всю мужскую работу. Из деревни забрали даже стариков – в стройбат. Работали день и ночь: молотили зерно вчетвером (девчонки-подростки), спали там же, на молотильне, на соломе. Пахали на полях, пилили и сплавляли лес. Себе сено косили только после стогования колхозного. Когда в деревню пригнали первый трактор-колесник[74], вся детвора за ним бежала.

С войны в деревню вернулись только инвалиды, здоровые остались в городе. Вернулось четыре человека, а ушло 50–60...

Всю одежду шили сами. Хоть и война, а веселью место было: ходили на танцы – [одни] девчонки.

Богачей не было. В деревне все жили ровно, нормально. На трудодень давали по килограмму зерна. Колхоз выделял огороды по числу работавших в семье. [Нам], Червонцам, дали 80 соток. Питались картошкой, было и мясо. Из соседних деревень – Солонцы, Каргала[75], где колхозы были беднее, несли на продажу одежду в обмен на картофель: два ведра картошки – красивый платок.

Своих, деревенских, посылали учиться в райцентр на ветеринара (до войны [ветеринаром] был самоучка, старик Сельков). Во время войны три девчонки учились на тракториста. С 1950-го поголовье КРС[76] стало расти. Как во время войны, так и после, жилось нескучно, гуляли все вместе, и председатель [с нами], [у него была] бронь. Отмечали такие праздники, как Рождество, Крещение, Никола, Троица, Петров день. После образования колхоза стали отмечать [день] Октябрьской

революции: колхоз накрывал столы. Первое мая отмечали демонстрацией (заставляли всех идти на нее).

Из колхоза не воровали – просто страшно, да и зачем? Из деревни две семьи в колхоз не вошли. Бедняками были только лодыри. Председателем был Опаликов, ему доверяли. Семья Червонцев отдала в колхоз молотилку, веялку, ходок (телегу), двух коней, корову.

Рассказ Надежды Николаевны Червонец (род. 23.02.1924), жительницы с. Зоркальцева Томского района, записан студентом ТСХИ Р. Тупицыным в 2002 г.
Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

ПЕРЕСТАЛИ ГОЛОДАТЬ

рассказ Л.Е. Беспятовой

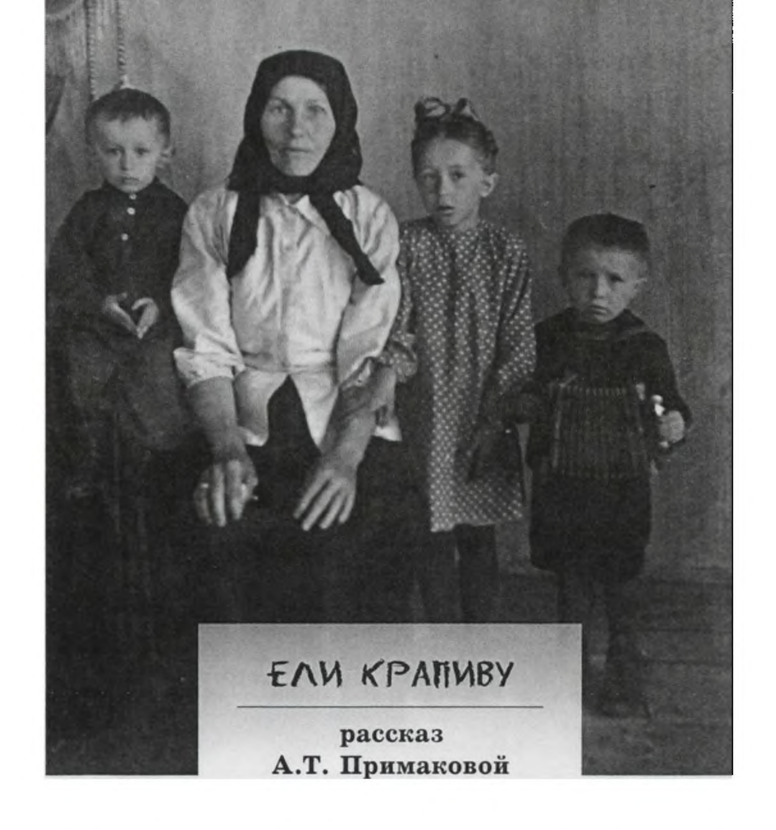
В войну в колхозах жилось очень трудно. В колхозах остались только женщины и дети, они-то и работали, так как мужчины были отправлены на фронт. Работали в колхозах вручную: заготавливали сено, копнили, скирдовали, пахали. Пахали на быках и лошадях, так как тракторов и другой техники не было. Работали не за деньги, а за трудодни. За заработанные трудодни [в колхозе получали] зерно и другие сельхозпродукты. Во время войны на учебу не было времени, так

Фото: Корова Манька и ее хозяйки. Начало 1960-х гг.
Зырянский краеведческий музей

как работали во благо государства. В то время колхоз был основным источником продовольствия для города.

С фронта вернулись немногие. Дети остались сиротами, а женщины – вдовами. Колхоз помогал в дальнейшем наладить жизнь утратившим кормильца семьям. После войны жизнь начала обустраиваться. <...> В колхозах появилась техника, трактора и машины. Трудиться стало легче. Люди получали за свою работу деньги, перестали голодать.

Рассказ Л.Е. Беспятовой (род. в 1925 г.), жительницы пос. Дзержинский Томского района, записал студент ТСХИ В.Н. Галкин. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

Я, Примакова Анастасия Тихоновна, родилась в 1925 году в селе Михайловка[77]. Училась в Михайловской школе, проучилась 3 класса. Потом работала в колхозе, на полях. [Тогда все] работали вручную, потому что в колхозе было мало машин, тракторов. В весеннюю посевную пахали землю на лошадях, мужики сеяли зерно при помощи сита, рассеивая в разные стороны, а мы боронили на быках, коровах. Когда все созревало, начиналась уборка урожая, жали серпами и лобогрейками. Эту [лобогрейку

Фото: Крестьянская семья.
Зырянский краеведческий музей

ведут] две лошади, за ними – специальное приспособление, [жнейка], с двумя сиденьями. Один сидит на первом сиденье и погоняет лошадей, а второй, когда на площадку набирается на сноп, сбрасывает [сжатое] палкой с двумя рожками. Сзади идут четыре человека, вяжут снопы и составляют их в суслон, это девять снопов, а десятым накрывают сверху, чтобы не намокало от дождя. Когда высохнут суслоны, их перевозили на быках, складывая в телегу, которая называлась тарантас, и увозили в скирду, а зимой на трещотках молотили. Трещотка – это молотильная машина. <...> Зерно отвозили в сушилки, там его обрабатывали, а потом сдавали государству.

Рабочий день был не ограничен, выходных не было, то есть работали каждый день. В войну был сильный голод, деньгами нам не платили, а работали за трудодни. Каждый работник отмечался у бригадира, сколько он отработал трудодней, а бригадир давал сводку на склад. И колхозникам выдавали немного хлеба и муки. [Весной] питались [прошлогодней] гнилой картошкой, при перекопке огорода собирали ее, толкли в ступе, делали лепешки, ели крапиву, этим вот питались летом. А зимой – что Бог пошлет. Хотя у нас была корова, но резать ее было не выгодно, на ней работали, и она давала молоко. Потом постепенно жизнь начала налаживаться. Вот так и жили.

Рассказ Анастасии Тихоновны Примаковой (род. в 1925 г.) записал студент ТСХИ Александр Орлов. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

Я, дочь фронтовика, Рыбалкина Антонида Николаевна, родилась 6 августа 1925 года в селе Маркелово Шегарского района[78]. В семье было семеро детей. Все мое детство было трудным. Что мне запомнилось? О [начале] войны мы узнали ночью, по громкоговорителю на улице, плакали все <...>.

Работала поварихой на полевом стане. Днем я варю, а ночью работаю на складе. Молодых, нас отправляли в деревню Победа[79] на лесозаготовки.

Фото: Семья из дер. Богословки. 1930-е гг.
Зырянский краеведческий музей

<...> Работало там 35 человек, [лес] на шпалы резали для фронта. Холодно, голодно, никаких столовых не было. Варили щи дома, потом морозили, картошку, молоко – тоже, а в лесу разогревали. Одежды теплой практически не было. Один такой чулок, другой – такой. <...>

[В деревне] держали много скота, кур, но для себя оставалось мало. Молоко сдавали, шкуры коров, свиней тоже сдавали. <...> Дома у нас был ткацкий станок, ткали холст для одежды. Со льном много работы было, чтобы получить ткань. Все вручную, а когда он высохнет – очень колючий.

С 12 лет, с 1937 года, я работала в колхозе, за трудодни, практически ничего не получая. Семья была работящая, от малых до взрослых все работали. Всеми овощами обеспечивали себя сами. В город ездили на быках, другого транспорта не было. Отец с матерью уезжали на целый месяц продавать мясо, чтобы хоть маленько купить – сахар, ткань. Особенно радовались мы, когда они привозили батоны, сушки, они казались такими вкусными: нам давали маленькими кусочками. А так ели картошку, лепешки из картошки, льняные, жибрейные лепешки[80].

Война от нас была далеко, но мы ее чувствовали ежеминутно. Отец умер в 1947 году, придя с фронта контуженный, мы его даже не узнали. Воевал на Курской дуге.

Большую помощь в семье с питанием оказывал средний брат, Егор. Он в колхоз не вступил, хотя его долго преследовали, запугивали ссылкой и тюрьмой. Он охотился, ловил зайцев, охотился на лосей, уток, рыбачил, благодаря этому мы не очень голодали, работая день и ночь. Когда река весной разливалась, рыбу ловили всей

семьей, делали езы[81]. Когда вода из озер стекала в реку, только успевай мордушки[82] освобождать. Крупную рыбу солили, а мелочь сушили, использовали для приготовления супа в зимнее время, если мяса не было.

Обуви практически не было. До войны отец сам катал валенки (пимы), а из шкур свиньи шил нам обутки. Из овечьей шерсти вязали носки, что оставалось, потому что шерсть сдавали государству.

В деревне был уполномоченный, который пересчитывал скот в хозяйстве, а потом надо было уплачивать налог. Мы прятали овец, иногда и поросят, чтобы хоть что-то оставалось для себя.

Спасались от грусти плясками и песнями. Девки собирались, только так каблучки стучали, и платьица развевались. А потом снова плакали.

Вся моя жизнь – это работа, образование у меня 7 классов. Учиться не пришлось, была старшей в семье, и этим все сказано.

С приходом Н.С. Хрущева[83] многое изменилось, особенно в деревне. Количество скотины в хозяйствах сельчан резко сократили, то есть не разрешали содержать больше, чем установлено. Огороды уменьшили, и, соответственно, количество овощей, картошки стали производить меньше, хотя земля пустовала. С войны многие мужики не вернулись, так что в основном работали женщины и дети. От зари до зари. Я работала дояркой в колхозе, потом телятницей.

Моя жизнь прошла через все взлеты и падения страны, многое пережила и многое видела. А вот народ был добрее, друг друга выручали, помогали. Несмотря на то, что жизнь была трудной, люди отмечали религиозные праздники, радовались, как говорится, советским праздникам, особенно Дню Победы. Вера в Бога пресекалась, поэтому

люди тайком праздновали Пасху. Если узнавали об этом, то преследовали, в школах осуждали, крестили детей тайком. Сейчас все поменялось. Пенсию платят, домой приносят, молись, сколько хочешь. Я живу одна, муж и сын умерли, но без работы не сижу, не то, что некоторые в деревне, ударились в пьянку, работать не хотят. Жалко. Самое главное, что сегодня, работай, и будет у тебя достаток. Было бы здоровье.

Рассказ Антониды Николаевны Рыбалкиной (род. в 1925 г.) записали студенты ТСХИ Г. Абакумова и А. Ружилин в 2014 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

ЗА ДЕНЬ РАБОТЫ ДАВАЛИ ЛОЖКУ МЕДА

рассказ Н.С. Терентьевой

Родилась 2 сентября 1925 года в деревне Ежи Асиновского района Новосибирской области[84]. Дед по матери, Нестр Петр Петрович, имел лавку, где торговал различными товарами (ткани, спички, керосин). Мой отец – Фомин Семен Николаевич, мать – Фомина Марфа Петровна, старшая сестра – Вера, брат – Александр, я была младшей. Отец утонул в 1927 году, семья осталась без кормильца. Жили бедно, но в хозяйстве были корова и куры.

В 1932 году в Ежах образовался колхоз, которому дали название «Смерть капиталу». Председателем

Фото: У деревенского колодца. *Зырянский краеведческий музей*

колхоза был Веленжанин. Дед не вступил в колхоз, был раскулачен, мать, сестра и брат вступили в колхоз, мать работала дояркой с 1932-го до 1945 года. Сама я стала помогать матери в колхозе с четвертого класса: пропалывала зерновые культуры, помогала на сенокосе. В конце августа – начале сентября ходила дергать лен, где за день работы давали ложку меда. Жили в таборе. Одевались бедно, многие ходили босиком. Чтобы купить материал для пошива одежды, надо за один метр ткани сдать 60 штук яиц. Налоги платили продуктами, сдавали [куриные] яйца, шкуры [животных], молоко.

С седьмого класса стала работать в колхозе [наравне со взрослыми]. Каждому работающему в день давали одну булку хлеба, полный расчет за работу проводили после уборки урожая. На трудодень выдавали по 100–200 граммов зерна (в зависимости от урожая), высчитывали [каждую булку хлеба, полученную во время летних работ]. Каждый колхозник должен был заработать 250 трудодней. При уборке урожая работали с раннего утра и до позднего вечера, когда выдавались лунные ночи, то суслоны складывали в скирды, в дождливую погоду дергали лен. После уборки зерновые свозили на молотьбу. В то время использовались трещотки для обмолачивания зерна, на конной тягловой силе. Молотили до поздней ночи, иногда при керосиновой лампе. Обмолоченное зерно провеивали на веялках, которые приводились в движение вручную.

При колхозе был организован ликбез, где учились взрослые. В начале [Великой Отечественной] войны призвали брата Александра в армию. Мужское население в деревне сократилось. Остались старики и дети. На фронт были отправлены все пригодные лошади, поэтому приходилось ездить на своей

корове в Балагачево[85] за семенным зерном для сева. А огороды – 50 соток – приходилось вскапывать вручную. Для отправки на фронт собирали подарки: сушили картошку, вязали перчатки. В колхозе не хватало кормов, коровы были истощены. Доходило до того, что при дойке коров держали, чтобы они не падали.

В колхозе не выдавали ни паспортов, ни другие удостоверяющие личность бумаги. После смерти старшей сестры Веры, которая надорвалась на колхозной работе, в 1949 году я сбежала из колхоза (который в то время был переименован в «Большевик»). Приехала в город Асино к родне, там устроилась ученицей в банк. При банке была организована школа, где вечером училась, закончила восьмой класс. Через четыре месяца меня перевели на должность бухгалтера-операциониста. Главным бухгалтером был тогда Затопляев Федор Иннокентьевич, он помог получить паспорт.

Вышла замуж и вместе с мужем-военным уехала на Камчатку, через год вернулась в Сибирь и устроилась в селе Первомайском (бывшее Пышкино-Троицкое) на работу в Госбанк бухгалтером.

Рассказ Надежды Семеновны Терентьевой (род. в 1925 г.) записан студентами ТСХИ в 2003 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

МАТЬ ПОДНИМАЛА НАС ОДНА

рассказ М.В. Безрученко

Родилась я в Томской области: Туганский район, сельсовет Сухореченский, деревня Березово[86]. В семье было много детей, войну пережили трое. Отец погиб в 1941 году, мать поднимала нас одна. Работать я пошла в 16 лет, в 1946 году награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Жизнь была нелегкая. Жили в колхозе. Дом небольшой, но хозяйство было: корова, две овечки, одна свинья. Кормили соломой, сена не было. В колхозе сеяли пшеницу. Мы – овес,

---

Фото: Дети с. Яранка. Конец 1940-х гг.
Зырянский краеведческий музей

клевер, табак. Собирали вручную, пахали на быках. В колхозе был один трактор. Днем жали рожь серпами, лобогрейкой косили пшеницу, овес, а снопы вязали вручную. Мужиков было мало, вернувшихся с войны можно [было] пересчитать по пальцам. Да в основном калеки. Работали мы днем и ночью. Ночью складывали скирды. Зарабатывали трудодни, один трудодень – 100 граммов муки или зерна. Идешь домой, нарвешь вязанку пучек или пиканов, сваришь похлебку, похлебаешь – и на работу. Похлебку варили и из лебеды, и из крапивы. Домашний скот умирал, когда совсем было нечем его кормить, и некоторые ели и павших животных. Когда получали зерно [на трудодни], мололи его или толкли, тогда была каша.

Света не было, его провели уже в 1963 году. Печки топили валежником, иногда привозили (когда очередь в колхозе подходила) возок дров.

В колхозе была ферма, падеж скота был страшный, было даже специальное [скотское] кладбище. А еще был налог на скотину, которая имелась в личном хозяйстве. С одной коровы – 200 литров молока, с овцы – шерсть, шкура, со свиньи – шкура, с кур – яйца. На налог собирали весь год. Если корова пала, количество молока на [уплату] налога не изменялось. Молоко выменивали, покупали, но налог платили. [У нас] хозяйство хоть и было свое, но жили впроголодь. Дисциплина была жесткой. Женщины, чтобы прокормить детей, [во время работы] подсыпали зерно в валенки или в карман себе. За это судили и давали по пять лет. Судили и за собранные колоски с полей. Картошку сажали глазками, огороды урезали, и картошки было мало.

Те семьи, где была рабочая сила, то есть мужики, жили получше. Я в колхозе проработала на всех работах. Давали план колхозу на заготовку леса –

посылали нас зимой [на лесозаготовки]. Ребята возили лес, а мы, девчата, пилили вручную. Кормили баландой, правда, давали хлеб. Норма на человека – четыре с половиной кубометра леса, сучки обрубить, грабельками все собрать и сжечь. Ездила я на заготовки восемь зим, а весной лес сплавляли по Чулыму. Температура зимой доходила до 60 градусов мороза, одеты были – кто во что. Мама не могла нас хорошо одеть. За заготовку леса даже трудодни не ставили. Еще не всякая древесина была хороша. Был стандарт, какой лес шел на стойки в шахты, а какой на приклад (ружболванка).

Когда брата отправили учиться на курсы трактористов, был он еще молод. Отучившись, он немного помог и нам. Стал зарабатывать хлеб, но все равно было голодно. Мы так жили уже и при Хрущеве. Он пытался сделать все общим, сгоняли скот [из личных подворий] в колхозы, работали также за трудодни, но появились трактора – колесник, ДТ-54, чурочник[87]. Хотя ручной труд так и остался: вручную веяли, сортировали. Оплата за трудодень немного поднялась, стали давать побольше зерна. Подкопишь его и едешь на мельницу в Сухоречье[88] перемолоть. Наконец, стали хоть немного есть хлеб, но жилось трудно вплоть до того времени, пока не стали образовываться совхозы.

Рассказ Марии Васильевны Безрученко (род. в 1926 г.), жительницы с. Богашева, был записан студентами ТСХИ в конце 1990-х гг. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

С восьми лет начала работать: ходили на прополку льна, а потом и на уборку, руки накалывали до крови. С 16 лет отправили в Сор, за Красным Яром[89], на лесозаготовки, где мы и жили. Утром в четыре часа вставали и отправлялись валить лес. С вечера одежда не успевала высохнуть, приходилось досушивать на себе. Дневная норма на пару человек – 33 сосны. Пилили двухручками[90]. Сучья, что оставались после повала, стаскивали в одну кучу и сжигали, тут и грелись, и обедали. Тем,

Фото: Жители с. Малиновка (ныне Куяновское сельское поселение Первомайского района). 1957 г.
Зырянский краеведческий музей

кто перевыполнял план, давали еще и стакан киселя. Обычное питание это колобы – сваренная и замороженная картошка. Летом было легче, так как лес был и кормильцем, и домом. Варили крапиву, собирали ягоды и грибы. Так отработала шесть зим.

Была арестована на сутки в сельском совете, так как не соглашалась стать бригадиром. На следующие сутки, в 12 часов ночи, выпустили из сельского совета и отправили домой – 12 километров пешком. Председатель потом сказал:

– Не согласишься, отправлю на торфоразработки.

[Согласилась]. В колхозе – сплошная разруха. Коней не было, не говоря уже о какой-либо технике. С детьми по ночам молотили пшеницу, а днем надо все перемерить и записать в ведомость, отправить людей на работы. Когда приходила пора сеять, то посев происходил не так, как сейчас. Все делалось на ходу, насыпали пятидесятикилограммовые мешки, и таскали их дети и женщины.

1 мая 1947 года была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.»

В 1953 году вышла замуж. Свадьба была бедной. На столе стояли пышки из пшеничной муки, драники из тертой картошки, сало – это считалось роскошью. Фата из накрахмаленной марли, а цветы – из бумаги, обмакнутой в расплавленный воск. Но не унывали, гуляли, веселились, все было в порядке вещей. Так потихоньку жизнь строилась своим чередом. Воспитала троих детей. В 1976 году ушла на пенсию, живу одна.

Рассказ Марии Федоровны Болдышенко (род. в 1926 г.), уроженки дер. Крыловки Кривошеинского района, записала студентка ТСХИ Ольга Болдышенко в начале 2000-х гг. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

ИЗ БЕЛОРУССИИ – В НОВОСЕЛЬСК

по устному свидетельству С.Г. Вороновой

Софья Герасимовна Воронова, по мужу Юхкам, родилась в Белоруссии в 1926 году. В [те времена] многие семьи добровольно выезжали в Сибирь на свободные земли, тогда-то семья Вороновых переехала в Пышкино-Троицкий район[91].

Сначала люди жили единолично, хуторами. Хутора назывались по имени главы семейства, их хутор назывался Герасимовым. Семья их была большая, девятеро детей: самый старший из детей был Роман, затем – Миша, Анастасия, Софья, Витя, Дуся, Яша, который разбился молодым, Маруся и Коля,

---

Фото: В Новосельске. *Зырянский краеведческий музей*

который после войны уехал в Белоруссию. Хлеб сеяли и убирали всей семьей.

Затем хутора объединились в колхоз «Серп и молот», [свели] в него коней, телеги и коров. В колхоз шли, прежде всего, люди бедные, которые не имели крепкого хозяйства. Если семья была более благополучна, имела подворье и отказывалась идти в колхоз, то у них забирали все. Уводили скотину, забирали постройки.

В колхозе для скота была построена хорошая, добротная ферма. Надоенное молоко сепарировали, сепаратор был один-единственный и находился в доме у председателя, затем сбивали масло, топили его и сдавали государству. В то время брат Михаил работал в колхозе, пахал на конях, а Софья – тогда ей было 17–18 лет – носила ему обед в поля.

[Денежной] зарплаты в колхозе не было, зарабатывали трудодни, на которые осенью получали хлеб, норма хлеба на трудодень зависела от урожая. (А еще на каждого ребенка выдавалось по 2 тысячи рублей в год.) Семья Вороновых хлеба получала больше всех, потому что в семье работали не только взрослые, но и дети. Но даже в такой большой семье держали только одну корову.

Школа была в Новосельске[92], хорошая. Софья Воронова окончила 4 класса, а сестра Маруся – 8 классов, но уже в Новомариинке[93]. Также был садик-ясли, [в обычную] квартиру приносили ребенка и еду, чтобы его кормить.

В Новосельске клуба не было, и молодежь устраивала вечеринки в домах односельчан, незаменимым на вечеринках был гармонист. А в клуб на танцы ходили в соседнюю Линду, где собиралось много молодежи, приходили и из деревни Калиновки[94].

В соседней с Новосельском деревне Линде не было колхоза. <...> В Линде была промартель, жители

деревни работали на лыжной фабрике «Таежная звезда», выпускали лыжи – в военное и послевоенное время.

Во время войны был сильный голод, не было даже соли. В то время отец выделывал овчины, очень хорошо выделывал и этим зарабатывал на жизнь. Братья Софьи заготавливали лес и вывозили к реке, где другие люди сплавляли лес по реке плотами.

В военное время Софья работала на заводе в городе Томске, <...> изготовляла снаряды и упаковывала их. Работали в три смены. Были сильные холода, [рабочие] разбирали полы и уносили в общежитие, чтобы протопить печь и немного согреться.

<...> Было очень тяжело, когда Софья Воронова попала под военный трибунал и получила 5 лет заключения за самовольный уход с завода. Когда в мае 1945 года окончилась война, Софья все еще была в заключении, но в октябре [ее освободили]. За время пребывания в местах лишения свободы, она не писала писем домой. После возвращения домой она работала на ферме. <...>

В 1946–1947 годах в Сибирь отправляли много ссыльных, кто, [как тогда говорили], во время войны работал на немцев. И в Новосельске, и в близлежащих деревнях можно было встретить [ссыльных] латышей, немцев, молдаван, армян. Они тоже все работали в колхозе. Жили и блокадники из Ленинграда.

Осенью, в 1946–1947 годах, во время уборки урожая, людей снимали с производства и [отправляли] на работу в колхозы, в основном это была молодежь. Они работали вместе с колхозниками на молотьбе, возили снопы на быках. Днем вывозили с полей, а ночью, когда в соседней Линде производство замирало, локомобиль продолжал работать: из Новосельска везли хлеб в снопах на молотьбу.

Хлеб убирали серпами, лен дергали вручную и этим зарабатывали трудодни, чтобы получить за свой труд хлеб. Также на трудодни давали мед, так как в колхозе была большая пасека. Пай зависел от урожая.

На производстве люди жили немного лучше, хлеб давали по карточкам, также были карточки, на которые можно было получить муку, крупу, растительное масло, конфеты. В колхозе этого не было, люди надеялись только на свои руки. [Чтобы хоть как-то прокормиться, избежать высоких налогов] и не сдавать шкуры свиней, забитых свиней смолили ночью, тайком от всех. Зерно мололи на жерновах, так как ближайшая мельница была очень далеко, в Бокорово (Туендат[95] в наше время). Из хмеля делали закваску и пекли хлеб.

Софья Герасимовна Воронова работала и в леспромхозе, пять лет. Спустя какое-то время она переехала в Новомариинку, где работала в магазине техничкой. [С возрастом] ушла на пенсию и живет в Первомайке.

Рассказ Софьи Герасимовны Вороновой (род. в 1926 г.), жительницы с. Первомайского, записали студенты ТСХИ в 2003 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

ОХОТОВЕД

рассказ К.С. Рогожникова

Родился в Николаевке Асиновского района[96] 20 марта 1926 года. Родители жили в Комке[97] и из-за коллективизации, когда начали притеснять, бежали в Николаевку. И жили сначала в Николаевке. Поехали дальше в Захарково, мне был четвертый год. И, не доезжая Захаркова, там жили духанки[98], сестры, хотели остановиться, но не получилось купить дом. Там домишки такие тоже были... И поехали дальше. Добрались сперва до Чемаревской заимки, там три дома всего было, один домик пустой, вот мы один и купили. В этом домике

Фото: Борис Груздев из дер. Одринки. 1955 г.
Зырянский краеведческий музей

жили, а потом туда, в Зварыгино[99], – дальше. Там уже много народа жило.

Ссыльные жили, прислали туда по коллективизации. [С теми, кто] приехал, хотели вначале колхоз создать, но колхоз создать – там не было земли пахотной, [надо было] покосы сделать. Ведь каждый со своими лошадями были, каждый хозяин. И решили сделать колхоз промысловый. Что в природе есть, значит, все брать. Ну, там около 40 жителей было. И занимался каждый, кто чем может: кто рыбачил, кто охотился, кто ягоду брал, кто грибы. И все это собирали, засаливали, а когда сезон заканчивался, зима наступала, тогда запрягали 36 лошадей – топтать дорогу до Апсагачева[100] со Зварыгина. С пилами, с топорами [шли], прочищали и протаптывали дорогу, чтобы она промерзла. Как дорога промерзла, через три-четыре дня собирали обоз, запрягали 32 лошади. Вот загружают все, что запасли, что добыли, что достали: орехи, грибы, ягоды, рыбу, мясо, глухарей. И это все везут в Томск. В Томске продают все, сдают в заготконторы, а оттуда везут все необходимое – мыло, соль, спички. Все такое мелочное вроде, но без этого там, в тайге, жить нельзя. И опять начинают работать. Кто – бочки делать, кто обласки, кто лодки, вообще, кто что умеет. Все работали. Вот так приезжают и начинают делить, [что сделать], у кого какая семья, сколько рабочих. Например, двое, трое. Вот так и жили, работали. А осенью и зимой охотились на белку. В основном на белку. Соболя тогда не было. Вот! Выдавали тогда тоже лицензии на отстрел оленей, лосей, на определенное количество. Занимались вот этим делом. Вот так работали.

В 1936 году нас оттуда вывезли в Альмяково[101]. Приехали и уговорили нас сделать в Альмяково промысловый колхоз. Приехали, а здесь колхоз был такой, что ничего путного. Трудно, конечно, было, когда начинали раскорчевывать. Надо было столько [сделать], ведь сколько было скотины! У каждого своя корова,

[бычок] подросток, лошадь. И всех надо было кормить. А в тайге там что… <…> Там вверх по Юлу[102] ездили. Там жили Юрковы, потом Гуляевы. Там заимки были тоже. Вот они все соединились вместе. Так сюда и переехали в 1936 году, [с того времени] здесь и живем.

А в 1943 году взяли меня в армию, [отправили] в Бердск[103]. Приехали в Бердск, там пошли на стрельбище, и я отстрелялся на 29 очков, и тут нас, четырех человек, взяли на пристрелку оружия для фронта. В Новосибирске был военный завод, там винтовки выпускали, а они не пристрелены были, и мы пристреливали эти винтовки. Январь был, а мы в окопе сидим, замерзаем. Холодно было, хотя нам полушубки выдали и валенки. Сперва хотелось пострелять, а потом-то стали плечи болеть. Но мы сделали мешки с песком и этим смягчали отдачу. Призвали нас в ноябре, [сначала] – в Асино. В вагоны погрузили, и мы поехали, и там я занимался пристрелкой.

В 1963 году Асиновский и Первомайский[104] районы соединили. И был только Асиновский район, Первомайского не было. И там охотовед Якушевич позвонил и говорит: «Езжай в Асино, нужен егерь на работу». Ну, приезжаю в Асино, нашел охотобщество, и все. Меня без всякого приняли на работу, но только там какой-то цыган был. Вот он – не сразу. «Ты, батенька мой, – говорит, – пьешь, наверное, сильно, а нам [такие] не нужны». Ну, ладно. И дает мне под отчет пять билетов[105], всего-навсего, и марки на них. Там тогда пошлина была как членские взносы. Я говорю: «А что, мне опять придется приехать – через день, через два? У меня в Альмяково тридцать охотников будет, а еще Усть-Юл, Чичка-Юл, Апсагачево, Совхоз, Аргат-Юл и Захарково». «Ну, надо проверить тебя, понимаешь?» – он говорит. Я приехал. Раз, и все. Назавтра приезжаю. «Я тебе командировочные буду платить за билеты, только чтобы доказал», – [говорили мне в Асине]. Ну, ладно. Приезжаю, говорю: «Давай мне

побольше, что это». Он дает мне пятнадцать билетов, я говорю: «Мне надо боеприпасы все». «Нет, это надо еще проверить», – отвечает. Ну, я приехал, обошел кругом, и даже своим, альмяковским, не хватило билетов. И опять туда. Тут уже говорю: «Сколько можно-то! Ты поверь, у меня приписное хозяйство, 42 тысячи гектаров!». Ну, тогда я беру у него сто билетов, сразу еду до Усть-Юла, всем охотникам выдаю билеты, потом – альмяковским. И опять кончились билеты. Поехал снова, беру еще сто билетов, боеприпасы: дробь, порох, жилки, гильзы. Он мне выдает машину, я на этой машине со всем грузом, напрямую – в Захарково. Туда приехал, всех обилетил, снабдил боеприпасами. Все распродал. Приезжаю снова в Асино, набираю билетов, боеприпасов и так всех и снабдил всем. У меня 700 человек было под отчет – охотников.

Проработал я семь лет, и тогда мне предложили в охотуправлении, в Томске, работать охоттехником. Я приехал, устроился, получил обмундирование: дали мне наган и ракетницу. Охоттехником я проработал десять лет, а потом у нас решили сделать экзамен, из-за того, что многие пьют и ничего не делают. А в то время был порядок, что с работы выгнать нельзя было, нужно причину найти. Ну, вот и решили сделать экзамен. У меня было четыре класса образования, больше не удалось, работать надо было. Такое время было, что работать надо. Собралось 38 или 40 человек, и половину отсеяли. Вот с тех пор я стал работать охотоведом. В мое распоряжение добавили Комсомольск, Францево, Октябрьский[106]. И зарплату добавили. И проработал до самого выхода на пенсию. Вот такие дела.

Рассказ Клементия Савельевича Рогожникова (род. в 1926 г.), жителя с. Альмяково Первомайского района, записал Виктор Бедо, студент ТСХИ, в 2014 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

Н. Коробкова

ИЗ РАССКАЗОВ К.М. ГЛАЗКОВА И Н.А. ЗУЕВОЙ

Дедушка, Константин Михайлович Глазков, родился в деревне Мало-Михайловке Томского района в 1926 году, а бабушка – Надежда Алексеевна Зуева – в 1927 году. Когда началась война, им было по 14 лет, и они уже наравне со взрослыми трудились в колхозе. Весной работали на посевной. Дедушка на конях подвозил зерно к тракторам. Трактора тогда работали на дровах, так что ему еще нужно было в свободное время запасти и мелко нарубить дров.

Фото: Возчик З. Гайсин на вывозке леса (пос. Бихтуил Зырянского района). 1950-е гг.
Зырянский краеведческий музей

А бабушка стояла на прицепе, нужно было следить, когда трактор разворачивался, – сеялку отключать, чтобы зря зерно не расходовалось.

Работали с раннего утра и до поздней ночи, несмотря на холод и дождь. А летом работали на покосе. Время было тяжелое. В магазинах ничего нельзя было купить: ни обуви, ни одежды. Летом ходили босиком, а в холод – в резиновых калошах. Денег за работу им не платили, а за каждый отработанный день ставили трудодни. И в конце года за них можно было получить зерно. А кроме работы в колхозе, еще нужно было работать и в своем хозяйстве.

В первый же месяц после начала войны, в июле 1941 года, ударил ранний мороз. Погибли посадки картофеля, картошку собрали – не крупнее грецкого ореха. Весь урожай оставили на семена. В муку добавляли лебеду, но и такому хлебу были рады. Год был страшный, голодный. Единственное, что выручало, – это близость города[107]. Когда выпадал выходной, ходили в город пешком, носили на продажу метлы, вязали варежки и носки.

Держали корову. Часть молока уходила на налоги, а то, что удавалось сэкономить, также носили продавать в город. Иногда вечерами вязали носки и варежки для солдат. Зимой, когда сельхозработы заканчивались, все молодые, несемейные колхозники уезжали на лесозаготовки: на конных подводах ехали в Чаинский район, в леспромхоз. Ехали три дня, останавливались лишь на ночлег. Для этого по пути следования либо содержались специальные дома, либо просто добрые люди пускали переночевать и сварить ужин. Незатейливую еду везли с собой. Это была картошка, квашеная капуста, крупа и сало, если, конечно, оно было.

На лесозаготовках жили в бараках – все вместе. Целый день дотемна по пояс в снегу валили деревья,

обрубали сучья и стаскивали бревна. Сейчас даже трудно представить, как 15- и 16-летние девушки могли выполнять работу, которая и для мужчин считается тяжелой. Возвратившись с работы, готовили ужин, сушили промокшую за день одежду. А потом молодость брала свое: пели, плясали, разыгрывали друг друга. И так всю зиму. Домой возвращались отдохнуть на недельку и вновь отправлялись на лесоразработки. Жилось трудно, голодно, но люди знали, что своим трудом они приближают победу. А весной все начиналось сначала: посев, потом – покос, уборка, все долгие пять лет непосильной работы с утра до ночи.

Запись рассказа, сделанная студенткой ТСХИ Надеждой Коробковой, хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

РАБОТАЛИ ЗА ТРУДОДНИ

рассказ К.В. Агафоновой

Я, Агафонова Клавдия Васильевна, родилась в 1927 году. В Малиновской школе отучилась 3 класса. Когда мне было 14 лет, началась война. Как сейчас помню, 22 июня 1941 года объявили о начале войны. Меня и моих сверстников отправили на работы в колхоз. Мы работали на полях. Работали вручную, так как техники не было, мужиков тоже не было, потому что они уходили на фронт, оставались только одни старики, дети и женщины. Дети работали наравне со взрослыми. Работали не за деньги, а за

Фото: Яранские колхозницы, пережившие войну. 1950-е гг.
Зырянский краеведческий музей

трудодни. Рабочий день был не ограничен, выходных тоже не было. Наш труд в основном оплачивался зерном. В весеннюю посевную пахали землю на лошадях, коровах и быках, но лошадей было очень мало. <...>

[Питались] в то время мы очень плохо, очистки садили вместо картошки. Чай пили без сахара: клали перед собой кусочек сахара, и чай казался слаще. А чай заваривали из шиповника, смородинного листа.

Рассказ Клавдии Васильевны Агафоновой (род. в 1927 г.), уроженки с. Малиновка Кожевниковского района, записал студент ТСХИ М.В. Агафонов. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

В колхозе с 14 лет

рассказ А.И. Кривошеиной

Родилась я в 1927 году, 1 октября. Жила в поселке Горбуново, раньше – Парбигский, сейчас Бакчарский район[108]. У нас в поселке была семилетняя школа, учителями были все мужчины. Директором школы был Березовский. Когда началась война, всех мужчин забрали на фронт, учить стало некому. Школа была в поселке Парбиг[109], но туда можно было добраться только на коне, тракторов не было, я перестала учиться.

У меня были старшая сестра и старший брат. Сестра, Анфиса Попкова, 18 лет ей было, работа-

Фото: На уборке сена. *Зырянский краеведческий музей*

ла в нашем колхозе животноводом-ветеринаром. Колхоз назывался – имени Буденного. Это был «вольный» колхоз, то есть в нем работали не ссыльные, а свои, деревенские. Брата, Попкова Сергея, [мобилизовали на фронт]. После мы узнали, что он погиб под Ленинградом, в окружении. С войны в поселок вернулся только один мужчина, семейный, а холостые парни и другие мужчины погибли.

С 14 лет, в 1941 году, я начала работать: сначала уборщицей в конторе, одну зиму носила почту. Затем перешла на колхозные работы. Жили мы на культстане, который был за три километра от дома. Культстан – дом одиночный, вокруг которого были поля. Работали на полях, сено косили, снопы вязали. Мальчишки жали на конных жатках. Помню, жал Горбунов Андрей, который после стал бригадиром, затем – председателем колхоза, сейчас работает в областной администрации.

Работали день и ночь. Дрова – пилили корень от кедра и носили на себе через реку Кару, а ночью возили на санях (днем они были заняты). Были у нас керосиновые лампы, если керосина не было, жгли лучину. Питались плохо. Соли не было почти. Хлеб пекла бабка Плеханова на весь колхоз. Со склада на колхозника давали по 500 граммов, а на ребенка примерно 300 граммов [муки]. <...>

Стала старше, работала учетчицей, поле обмеряла, очень любила ездить на коне. <...> Однажды с одной девчонкой возили силос на быках, один бык был бодучий и выпрягся. А мимо шел немец, был он слабоумный, давно шатался по поселку, он нам помог быка запрячь. <...> Так как мы вязали больше всех снопов, нас как ударников приняли

в комсомол. Зимой молотили зерно. Если барабан ломался, мы и рады, хоть поспать можно, но бригадир все равно подойдет и тычет черенком вил, мол, вставайте.

После войны жила [в районном центре] – в Бакчаре, куда я сбежала из колхоза еще в 1944 году. Работала домработницей, потом в пищепроме. Сейчас живу в Томске.

Рассказ Анны Ивановны Кривошеиной (род. в 1927 г.), урожд. Попковой, жительницы г. Томска, записала студентка ТСХИ Анна Константинова в 2005 г.

Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

О военном детстве

рассказ М.Н. Гелбутовской

Я родилась 6 декабря 1928 года в селе Кривошеино. Там я, значит, пошла в первый класс. Ну, там я подросла маленечко, со взросленькими, старше меня, дружила, ходили на каток. У нас там большой хороший каток был, катались на саночках и даже на санях. Сани с фермы привозили мальчишки – сани большие, огромные, в которых лошадей запрягали, и вот мы на этих санях с горы катались. Ну, и бегали, как все дети, в зимнее время.

Фото: Деревенский праздник в Окунеевском кордоне.
Зырянский краеведческий музей

Родители работали, мама ухаживала за кроликами. Уже колхоз был, в колхозе ухаживала за кроликами, а папа – кузнецом в кузнице. <...> Он все готовил самостоятельно, подковы делал и сам подковывал лошадей. Дом у нас большой был, потому что у нас ребятишек много было, я-то самая младшая. А самая старшая сестра была десятого года, Альбина, потом Валя с четырнадцатого года, ну, в общем, всего было восемь детей. Двое умерли: девочка Розалия умерла, и мальчик Коля умер.

Семья большая, конечно, была, дом отец сам построил – большой дом. Ну, а печи, как в деревне, и печь русская была, и комната, и кухня, и коридорчик – все было, в общем. Сени, мы называли сенки, большие были, там засолы всякие зимние, ну, погреб хороший был, хранились все овощи, огород большой был.

Около нашего дома было озерко небольшое, называлось Чертова Ямка, а через это озерко была упавшая лесина [положена], по этой лесине ходили. Ну, вот, в детстве нас все пугали: не ходите по этой деревяшке, потому что она уже сгнила, туда-сюда. А озеро так называли, потому что старые люди говорили: не ходите, здесь выходит русалка из воды, садится на это бревно, которое упало, и расчесывает себе волосы. Гребенка у нее была красного цвета. Вот так нас пугали, чтоб мы там не лазали, вот такая вот история была.

В школе <...> восемь классов отучилась, а потом уже пошла в техникум учиться, в томский техникум. На Обрубе, 10 – техникум общественного питания. Три года училась, на практику ездила в Алма-Ату. Там у нас была практика назначена, вот в Алма-Ату, значит, на целый месяц, с подружкой ездили, с Валей Сыроваткиной. Там целый месяц практику проходили – и в кухне, и в кондитерском цеху. Мы

самостоятельно делали пряники, ну, в сахарном растворе, глазированные пряники, долго готовили их. Ну, а в кухне все – и щи, и борщи делали, и котлеты, и рыбу жарили, все, что надо было, все делали. Соусы готовили, все, что нужно для продукции кухонной.

Ну, а когда маленькие были, у нас платешки[110] были, кофточки, кофточка с юбочкой. Мама все шила сама, она умела шить, машинка была у нас Zinger, мы ее даже и сюда привозили. Но мы ее потом отдали внуку, Белоносову, она и до сих пор жива эта машинка Zinger, старинная машинка. Платешки всякие были, были материалы такие, сейчас-то нету таких – крепкие, грубо сделанные. Вот из них платья шили, я помню одно платешко долго носила. А вот танцы-то [начались], когда мы в школе учились, в шестом, в седьмом классе. У меня подружка была – Таня, Татьяна, и вот мы с ней, она очень хорошо танцевала вальс, фокстрот. И всегда она ко мне подбегала, она выше меня на целую голову, и вот мы с ней танцевали. Ну, и мальчишки там танцевали...

В летнее время в огороде [помогали] родителям: копали грядки, грядки хорошо делали, чтоб были ровненькие, красивые. Садили и лук, и чеснок, морковочку сеяли – это уж мама разрешала нам делать, показывала, как надо делать, как надо садить. Потом уже и картошку садили, подсолнухов много сеяли в огороде. Семечки подсолнечные свои были, не покупали, потому что денег-то шибко не было. Дорогие деньги-то были тогда. Ой, 50 копеек – это сколько надо работать за них.

Ну, а что еще сказать? Праздники отмечали взрослые, а мы около них бегали. На улице делали столы длинные, в общем, сколько в деревне жило народу, делали общие столы, и вроде вечера такие были – колхозные. Когда посеют на полях, тогда

делали общие столы, и когда уберут весь урожай, вот тогда тоже делали такие столы, гулянки, вроде, были деревенские. Ну, и мы тут же бегали – туда-сюда.

В каком классе это я была? Когда четыре класса окончила, да. Десять, одиннадцатый год мне был – война началась[111]. Мы как раз с девчонками из нашего класса посреди дороги прямо, там ведь асфальта не было, просто земелька, песочек, и вот мы бегали-бегали, кружились, потом смотрим (это в моей памяти так и осталось), а небо прямо как огонь горит, все красное-красное. Мы испугались, девчонки говорят: «Ой, пойдем мамам своим скажем! Чтоб посмотрели. Что-то случилось». Повыходили взрослые и говорят: «Ой, ой, это что такое случилось, что такое? Громушка какой будет? Или молния?». Ну, в общем, озарило все, страшно поглядеть было. А на утро уже радио сообщает, что началась война.

О, видишь, как зарево осветило небушко. Это где-то уже были бои, да все это огромное, раскаленное отражение и было на небушке. И началась война – 22 июня. Вот тут-то горе уже пошло, конечно. Кто взрослый был, всех на фронт брали, провожали на фронт – плакали. Господи, и мы, дети, плакали. Все кричали, все. Какие братовья были, у кого родители молодые. Нашего папу не брали, потому что он уже в годах был, его на фронт не взяли. Он на Германскую войну ходил[112], с Германской он вернулся, уже трое детей было у него, это Альбина, Владя и Енина. Трое было – он с Германской войны пришел. А на эту войну уж он не пошел, его не брали в таком возрасте.

Во время войны жилось как? Сразу-то пока вроде ничего, а потом все хуже и хуже, все еще дороже стало, все экономнее. Уже и хлебушка не ели досыта, а

кусочек только вот. Сейчас кусочек хлеба едим, чтобы здоровье было, а тогда не смотрели на это, хлеб только и был-то. Выручала капуста, картошка огородная, брюква, турнепс. Сейчас и брюквы нет этой сладкой. Ну, а потом-то я когда уже четвертый класс окончила, в нашей деревне не было пятого класса, три километра надо было ходить в другую деревню, где была школа. И вот мы ходили. Все брюкву вырвем, а брюква большая такая, сладкая, просто сейчас такой нет. Ну, вот морковь хорошая была, а мы – брюкву, она белая, сочная. Брюкву возьмем эту, все девчонки рвали в огородах своих, и идем, пока доходим до своей школы эту брюкву съедаем, а она большая вообще-то была. <...>

Весной-то хорошо ходили в школу, а зимой-то одеваться надо теплее.

Никто нас не возил – три километра до Кривошеина. <...> Очистки не выкидывали. Вот достанет мать из подполья картошку, перемоет ведро чисто-пречисто, очищает, скорлупку не вбрасывает, скорлупку эту, кожуру, сушит в печи. У нас была чугунная ступка и пестик чугунный был. И вот [высушенные очистки] долбили, как муку делали, а потом просеивали. Крошки большие еще второй раз проталкивали, а эти растолченные очистки добавляли, когда хлеб стряпали. Муки было немного, а семья большая, и все так делали в деревне. Хлеб черный получался от этих очистков. Ну, ели нормально со щами, с борщами, тогда борщи все время варили, свекла, морковь, капуста, это первое питание было. <...>

Рассказ Марии Николаевны Гелбутовской (род. в 1928 г.) записала студентка ТСХИ Дарья Пусева в 2013 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

Н.А. Глазкова

ОЧЕНЬ ХОТЕЛОСЬ УЧИТЬСЯ

<...> Отец умер в 1930 году, когда мне было полтора года, а брату – девять. Остались мы с мамой, [у нас] была корова, лошадь, три овцы и куры, надо было за всеми присматривать, заготавливать на зиму корм и дрова. Да еще в то время прошла коллективизация, надо еще и в колхозе работать. Я росла на попечении брата, не знаю хорошо это или плохо. Когда брату исполнилось 13 лет, мама брала его помогать косить, а меня закрывали дома. Когда пошла в школу, стала и дома помогать, кормить цыплят

Фото: Колхозная молодежь. Конец 1930-х гг.
Зырянский краеведческий музей

и кур, караулила огород, чтобы куры не разгребали грядки. Если разгребут, то попадет.

Четыре класса окончила в своей деревне, [Мало-Михайловке[113]]. В пятый класс ходили в Ново-Михайловку[114]. Был 1940 год. Ходили мы мимо кладбища, было очень страшно. Нас было шестеро, ходили по очереди: сегодня я первая, завтра – последняя, а четыре дня в середине. В 6-й класс пошла – началась война. Брата взяли в армию, вернее, на фронт. Мы остались вдвоем с мамой. Шестой класс закончила, в Ново-Михайловке закрыли старшие классы, и я год не училась. Летом ходила на работу, собирала сучья на покосах, [расчищала участки для косьбы]. Нас, подростков, водил один дед, который знал, где убирать, и был у нас за старшего. (Сейчас боимся клещей, а тогда за день вытаскивали их до пяти штук.) Зимой перебирали картошку в овощехранилище, [за это нам] писали по три четверти трудодня.

Вот так, а учиться хотелось, надо было ходить в Корнилово[115] – 4 километра. Но все же пошла. Собрали одежду и обувь – на толкучке [в Томске] купили, и я пошла. Была еще одна девочка и мальчик из нашей деревни. Стоял 1944 год, учили нас военному делу. Был у нас фронтовик. Он учил нас стрелять, разбирать винтовку малокалиберную. Мне это нравилось, стреляла я, как он говорил, хорошо и винтовку любила собирать. Еще он водил нас по деревне строевым шагом, то правое плечо вперед, то – левое. В этом я разбиралась плохо, поворачивалась – куда все. В то время мы выучили песню «Вставай, страна огромная». Из 6-го класса был запевала. Нас построил в строй военрук, дал команду: «Запевай!». Мы одеты кое-как, а мороз был сильный, нам не до песен, говорим: не будем петь, молчим. Он повторил раза три – мы молчим. Тогда он завел нас

за окраину деревни и сказал: «Ложись!», – и велел ползти по-пластунски до городьбы, примерно метров пять-шесть. У кого были рукавицы, у кого нет. Хорошо, что урок был не последним, вскоре нас увели в класс.

Где-то в начале марта начали записывать в комсомол. У нас в деревне пришел с фронта раненый (без глаза) и сказал нам:

– Девчонки, не записывайтесь, что там немцы делают с комсомольцами, страшно сказать.

Мы отказались записываться. Наш классный руководитель сказала: «Завалю на экзаменах», – и я бросила 7-й класс.

Начала работать в колхозе, работала и на лесозаготовках, и на лесосплаве, и на прицепе у тракториста, и пахала, и сеяла, и убирала хлеб, и на быках возила снопы, вообще везде, куда посылали. И на ферме. Один раз отправили на лесозаготовки в Чаинский район, еще за Подгорное[116] – 38 километров. Это было 14 октября, везли на пароме. В ночь пошел сильный снег, потом пересадили на машину, везли до Подгорного, а там, на конях, до места. Снег так и не растаял. Начались морозы, и мы, нас было пятеро, в [праздник] 7 Ноября сбежали. Восьмого числа шли через Обь, уже прошла шуга, холод стоял страшный. Мы в кирзовых сапогах. Хлеб хранили в рюкзаке, в общем мешке. Что поесть – клали за пазуху. У кого просились переночевать и пообедать, там грели чай. Сначала не говорили, что сбежали. Шли до Томска восемь дней – в сапогах и телогрейках. Спасибо тем людям, которые пускали ночевать и днем обогреться и попить чай. Это было в 1952 году. Домой пришли, неделю отдохнули, и нас отправили в Егорьевский леспромхоз (Малиновка[117]).

Началось укрупнение колхозов, работала я во всех трех деревнях, [объединенных] в один колхоз. Потом

сделали совхоз. Провели нам по деревне свет, стали за работу платить деньги. Косить 40 соток – норма, сверх нормы выкосишь – оплачивали вдвойне. В общем, работали, как кони. И мешки с пшеницей, овсом, рожью грузили на машину, сдавали государству, а себе – что придется. На трудодень 200 или 500 граммов давали в колхозе, а в совхозе платили деньги, жить стало полегче.

Голод – про него говорить неохота. В 1941 году, когда началась война, еще посадили картошку, и было немного хлеба, полученного в 40-м. В 1942 году посадили картошку, а ее на всходах два раза побило морозом: набрали мелочи, оставили на посадку к следующему году. Вот тут-то и наступил голод. Зерно выращивали для фронта, а себе – если немного отсыплешь в карман, распаришь на кашу. Было и такое: сдохнет корова или лошадь в колхозе, ее делили на всю деревню. Ели все, что могли: ботву, крапиву, щавель, лебеду, дягиль, борщевик, пестушку (это хвощ, что рос на пашнях, из него получалась хорошая каша). В общем всю траву, какая была не горькая. Весной собирали по пашням [прошлогодний] картофель, перемерзший, из него получались хорошие лепешки. Сахар вообще не видели, если покупали, то милас[118] или сахарин. Когда были деньги, и хлеб покупали на базаре, а деньги: надо было вязать веники, метелки, нести в город за 10 километров и продать. В город [из колхоза] пускали раз в неделю. Корова была, но на ней надо было привезти сена, когда и дров, сдать для государства 292 литра молока (при жирности 4 процента), а если жирность ниже, то сдать надо больше.

Автограф воспоминаний Надежды Алексеевны Глазковой (род. в 1928 г.), написанных в 2006 г., хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

СТАЛИ ПОЯВЛЯТЬСЯ ТРАКТОРА

рассказ А.К. Василькевича

После войны в колхозах остались только дети и женщины, вот и приходилось работать, чтоб себя да город накормить. На тележках возили зерно, так как тракторов было очень мало. Запрягали быков, коров. К 1947 году стали появляться лошади, затем трактора НАТИ[119]. Но техники было мало, [да и] скота стало меньше, в основном работали вручную.

На учебу времени не хватало, да в то время и было у каждого – у кого один класс образования, у кого два. Тяжелое время было, поэтому и пахали, как кони. Там и молодежь подросла, стало полегче.

Фото: Колесный трактор. *Зырянский краеведческий музей*

Хлеб получали на день от 300 граммов до килограмма. До пятидесятых годов жили без паспортов, и вообще нам было запрещено покидать деревню, колхоз.

Ездили в Чувашию за людьми, так как много народа сбегало, не выдерживали нагрузки. Стали появляться комбайны «Сталинец», «Коммунар».

Председателей присылали из города, некоторые и знать не знали даже, как хлеб сеять. Городских председателей стали увольнять, на их место ставили своих, деревенских. Деньги стали платить при Брежневе[120]. <...> Народу стало жить легче.

Рассказ Александра Кирилловича Васильkевича (род. в 1929 г.), уроженца с. Зырянского, записал студент ТСХИ Николай Крюков. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

Е.А. Кириллова

УЧЕБУ НЕ БРОСИЛА

Родилась я в 1929 году в деревне Даниловке Томской области[121]. Семья у нас была большая: шестеро детей. Жили очень бедно, да и в деревне, в которой жили, мы не знали богатых людей, сплошь беднота и нищета. Помню – мне было лет пять, и еще после меня был братец, он младше меня на два года – нас оставляли в избе одних. Все старшие братья и сестры с родителями уходили на колхозные работы. Еду нам оставляли на столе: несколько картошечек.

Деревня была небольшая. Была школа до четырех классов. Был маленький магазин, где продавали хлеб,

---

Фото: Участники 1-го съезда Советов Богородского района. 1920-е гг. *Предоставлено Т.В. Войтко*

соль, сахар, спички, мыло и принимали в магазин грибы, ягоды, почки смородиновые и березовые. Этим мы и жили. Еще в деревне был медпункт и врач с медсестрой.

Я помню, родители часто уходили на собрание, как тогда говорили: на колхозное собрание. Приходили оттуда не очень радостными. Помню, они говорили о том, что всех гонят в колхоз, а кто не пойдет, будут отбирать скотину и выселять из деревни. А у нас не было никакой скотины, только одна собачка.

На работу отец ходил, но все раздумывал. И вот в деревне образовалась маслобойка, туда он и устроился рабочим – ухаживать за лошадью. Однажды отец заработал 400 рублей, и мама на них купила всего одно ведро картошки.

В девять лет я пошла в первый класс, тогда в школу принимали с 9 лет. Когда я пошла в 3-й класс, началась Отечественная война. Взяли на фронт старшего брата, Александра. Он погиб под Сталинградом. В своей деревне я окончила 4 класса. С 5-го по 7-й класс я училась в соседней деревне – в Леботере[122], семь километров от нашей деревни. Приходилось ходить зимой по морозу. Я замерзала, так как одежда и обувь были старые, с питанием тоже было плохо. Жила я на квартире у чужих людей, но все-таки учебу я не бросила, как бы трудно ни было.

Окончив 7-й класс, я поехала учиться в педучилище. Получила образование в 52-м году, по распределению попала в Александровский район, в деревню Раздольное[123]. Там были ссыльные из Литвы и Латвии. Все под комендатурой, все – «враги народа». Допрашивали их в школе, в которой я работала.

Вышла замуж. Муж бурил скважины для получения воды: колхозы стали подниматься, в них проводили воду для поения скота. Появились электродоилки.

В 53-м году с мужем переехали в Томск.

Автограф воспоминаний Елизаветы Алексеевны Кирилловой, написанных в декабре 2002 г., хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

Н.В. Попелыгин

ЗАПИСКИ КРЕСТЬЯНИНА

Дед мой, Попелыгин Василий Устинович, родился в 1875 году где-то в Витебской губернии. Какая сейчас область, не знаю. Там было невозможно жить, работали на помещиков, за работу им платили очень мало, земли почти не давали. Примерно в 1885 году собрались бедные люди, посовещались, что где-то в Сибири нету помещиков, и много земли пустует – тайга, звери, птицы, рыба, вот и направились в Сибирь. Много народа погибло дорогой. Останавливались, подрабатывали и – дальше. Таким путем добрались

Фото: Заготовка сена в с. Яранском Зырянского района. 1951 г.
Зырянский краеведческий музей

до Томской губернии. А потом по бездорожью в наш район, не знаю, как он раньше назывался[124]. Позже назвали Пышкино-Троицкий, ныне – Первомайский район. Таким путем добрались до реки Чичка-Юл, здесь остановились, очень понравилось – была тайга, кедровый орех, разная ягода, много зверя, птицы, рыба. В основном коренные жители – эвенки, раньше их называли остяки или тунгусы[125]. Народ очень честный, гостеприимный, помогли в питании и научили, как надо добывать зверя, птицу, ловить рыбу. Земледелием эвенки не занимались, пушнину сдавали купцам; все люди были неграмотные, цены не знали, но все же отоваривались ружьями, боеприпасами, шитой одеждой, даже спичками, что был большой дефицит. Мои деды обосновались на заимке Марково[126], там жил один русский – Марков, он принял дедов хорошо и посоветовал остаться. Остались на этой заимке еще три семьи, вот и получилось пять семей, маленькая деревня. Осень и зиму занимались охотой, сдавали пушнину купцам. На эти деньги купили лошадей, коров: русские не могли жить без хозяйства. Начали корчевать лес, пустили землю под сенокос, а потом и пахать стали, на полях сеяли рожь, пшеницу, овес, просо, а это значит свой урожай, свой хлеб. Также появилась деревня Зимовское[127]. Раньше здесь была одна избушка, в ней ходоки ночевали, называлась она зимовье. Позже здесь построили дома, разработали поля. Но здесь лес был реже, корчевать было легче, чем на Марковом, от Чичка-Юла – три километра, назвали Зимовское.

Умер прадед на Марковом, год не знаю. У моего деда родился сын в 1902 году. Это мой отец, Попелыгин Василий Васильевич. Шли годы, дед со своими соседями помогали друг другу корчевать, пахать, хлеб убирать. Осенью и зимой занимались охотой. Урожая вполне хватало на год. Каждый хозяин сделал жернова:

выпиливали из толстого дерева два колеса, набивали в торец, часто, чугунины, клали друг на дружку и крутили – мололи зерно, получалась мука. Еще делали ступу. Это высокая толстая чурка, [в ней] середину выбирали конусом, обжигали, насыпали колосья и били толкачами, пока не отстанет мякина. Веяли, и получалось чистое зерно – варили кашу.

Шли годы спокойной жизни, но пошли слухи, что в России началась революция, поднялся весь бедный народ против богатых. Точно никто ничего не знал, газет и радио тогда не было, да и люди были неграмотные, читать не умели.

В 1917 году у деда было три сына и одна дочь. Деда взяли в армию, бабушка осталась с четырьмя детьми. Самой младшей было два года, а отцу моему – 15 лет. Сыновья помогали матери во всем, пахали, сеяли, убирали зерно, молотили, а осенью и зимой занимались поблизости охотой, зарабатывали на одежду и обувь. Позже начали сеять лен, коноплю. Бабушка пряла, ткала, тканину красили ольхой, шили одежду.

Перед тем, как деду прийти домой, в 1918 году, на Марковом встретились два вооруженных отряда, назывались белые и красные. Был бой, все жители в Марково убежали на Чичка-Юл, в тайгу, там сидели трое суток. Мои отец со своими братьями, сестрой и матерью тоже там в кустах сидели, все остались живые. Но много погибло скота. Погибло 12 красных партизан и командир отряда Лубков[128], имени не знаю. Позже их тела вывезли в Зимовское и там похоронили, поставили памятник, назвали «братская могила», он и сейчас там стоит. А белогвардейцы своих увезли, и никто не знает, где их похоронили. Это все мне рассказал отец.

В начале 1919 года мой дед пришел из армии без ноги, позже я видел у него пять наград, одна из них «крест», но название я их не помню. Деду тяжело

было ходить на деревянной ноге, но он многое умел делать. Хорошо выделывал кожу, шил разную обувь, помогал по хозяйству. Умер он в 1953 году.

Шли годы, пошли опять разговоры, что якобы советская власть открывает по деревням колхозы. В Зимовском открыли школу – 7 классов, заставляли идти в колхоз и учить детей. Сперва люди боялись, а потом сами пошли добровольно. У моего отца было четыре сына, старший – 1924/25 года рождения. Отец увез нас в школу, в Зимовское, в 1933–34 году, жили мы у тетки на квартире. Брат, 1927 года рождения, умер от кори в 7 лет. Я, с 1929 года, тоже уехал в Зимовское, пошел в школу девяти лет, в 1938 году. А в 1939 году отец добровольно переехал в деревню Зимовское, подал заявление в колхоз и сдал лошадь. Ему колхоз помог построить дом.

Колхоз быстро поднимался. На трудодни давали до 3 килограммов зерна, была колхозная водяная мельница. Но денег давали мало. Закупали плуги, молотилки, жатки, бороны и многое другое. Много разводили коров, овец, лошадей, свиней, кур. Это было все колхозное, помимо этого, колхозники держали много скота: коровы, овцы, гуси, куры. Было большое строительство, на фермах разные стайки, овины для молотьбы. Колхозники тоже строили дома. Что интересно, собирали «помочи», никому ничего не платили, свободные от работы люди в выходные сами шли добровольно помогать. А когда крышу покроют, тогда хозяин ставит бочонок пива – называлась брага, и весь расчет. Вот так каждому. Народ жил очень дружно, в помощи никто никому не откажет, замков тоже не было, а если висел замок, то без ключа. Воровства и пьянки вообще не знали, но праздники соблюдали – как советские, так и церковные.

На гулянках рассказывали, как кто и где жил до советской власти, как попали в Сибирь. Тракторов,

комбайнов тогда не было, вся работа была вручную, что можно возили на лошадях, очень много корчевали, разделывали поля под сенокос и под пахоту. Много сеяли: рожь, овес, пшеница, горох, ячмень, гречиха, просо, лен, конопля. Все сеяли вручную, жали серпами. Вот такая была колхозная жизнь до 1941 года. Пьяниц и лодырей не было, и все-таки много ленивее стали работать, чем по-единоличному.

Началась война 22 июня 1941 года. Мне было 11 лет, образование – 3 класса. Мужиков в основном забрали в армию. Взяли много лошадей. Нас, подростков, в покос посадили на лошадей – возили копны к стогу. Старики и старшие ребята клали стога, скирды, женщины взяли в руки вилы и грабли, гребли и копнили сено, а мы возили. А постарше ребята, с 26–27-го года, пахали землю. Работали все – от малого до глубокого старика. Старушки водились с детьми, яслей еще не было. Пенсию никто не получал, а что зарабатывали – на фронт отправляли. На ферму ходили только женщины, доили коров вручную. На каждую доярку 16 коров, да еще телята и навоз. Мужиков не было.

Подошла уборка урожая, и опять женщины взяли серп в руки. Выжинали до 30 соток в день – работали весь световой день. Брали с собой девчонок 14-летних и их учили жать серпом. Некоторых женщин называли стахановками[129] – это которые очень по многу выжинали и вообще сильно работали. Старушки и молоденькие девочки пряли шерсть и вязали носки, рукавицы на фронт.

Народ был скучный, малоразговорчивый. Письма [с фронта] читали вслух, а когда приходила похоронка, оплакивали всей деревней: не верили, что убитый. Ждали, думали, что, может, в плену или раненый в госпитале.

Но вот кончились старые запасы продуктов, новые не давали, все на фронт отправляли. К тому же в 1943

году был неурожай. Ничего не уродилось как на полях, так и в огородах, а картошка, что собрали, та погнила, даже не осталось на семена. Началась голодовка. Со слезами на глазах пошли рвать крапиву, осот, щавель, журавлиный горох, колбу, пестики, медунки.

Но работу не бросали. По-прежнему отправляли все на фронт, и каждый день ждали победу над фашизмом, но дожидались только похоронки. И слезы – каждый день. Взяли в армию последних ребят 1927 года рождения, [забрали] и лошадей. И мы начали обучать быков. На этих бычках работали, пахали, боронили, возили сено, дрова, зерно с полей. Последние лошади заболели от голода: чесотка, мокрец, ящур. Голодовка пошла на весь скот и на людей. А тут еще план райисполком дал – заготовка леса, надо выезжать в поселок Францево[130], заготавливать и вывозить лес на берег Чичка-Юла.

Ехать было некому, кроме нас. Нам было 14–15 лет, да и лошадь очень слабая. Приехали во Францево. Нас начальник участка отправил обратно, так как мы несовершеннолетние. Но нас колхоз опять послал, и сам председатель колхоза поехал и девчонок с собой взял на заготовку леса, тоже 14–15-летних. Уговорил начальника участка Пустовалова, чтобы нас принял на работу, так как больше посылать некого было, и мы начали работать. Я с товарищем возил лес на берег Чичка-Юла, собирали мелочь и дровяной хороший лес. Не могли навалить на сани. Дневную норму давали всего 40–45 процентов. Девчонки тоже заготавливали 40–45 процентов, поэтому и зарабатывали мало. Но стали питаться хорошо, хотя и по карточкам. Давали чистый хлеб. В магазинах было все: сахар, масло, разные крупы. Но мы деньги берегли на налог, лишнего себе не позволяли.

Францево-поселок появился в 1930 году. Люди назывались ссыльные, и открыли там леспромхоз.

Мужики зарабатывали очень помногу, в армию их почему-то не брали, в основном в трудармию, на передовую очень редко[131]. Держали некоторые по две коровы, свиней, овец, кур; платили налог – 50 процентов. В общем, против колхозной жизни, был рай. Работали восемь часов, воскресенье – законный выходной. Деньги получали каждый месяц, давали отпуска[132].

Летом приходили с работы, солнце было высоко, в пять часов все дома. Женщины работали мало на прямых работах, в основном десятниками, то есть принимали лес от бригад. Работа легкая, но оклад большой, была большая приписка. Лес валили в Чичка-Юл, лес тонул. Начальник участка даже на корню сдал сплавному мастеру Ромашову 25 тысяч кубометров леса. За это начальника участка Пустовалова и Ромашова судили и дали им по 25 лет заключения.

Все люди кадровые были чисто одеты. В клуб ходили даже пьяные, над колхозниками подсмеивались, пели разные частушки. Вот одна из них:

Колхозник идет весь оборванный,
Лошаденку ведет – хвост оторванный.

И все заливались хохотом. И нам ничего не оставалось, как уходить домой, на квартиру. А их подростки, как и мы, все учились, никто не работал. Вот какая разница между колхозниками и леспромхозом. Приезжали мы в свое Зимовское в половине марта и начинали запрягать быков, возить солому, и так до пахоты, пока не растает снег. За что в леспромхозе такие льготы – не понимали. Даже на военных заводах таких льгот не было, какие получали они. Их называли ссыльные. За что их ссылали, никто не знал, а они ничего не говорили. А свободного времени у них было много, особенно летом. Ловили рыбу, брали ягоду, шишковали, что колхозники не могли за неимением времени.

Растаял снег – опять на поля, опять в таборах ночуем. Собираем журавлиный горох, медунки и так далее. В редких случаях председатель даст муки на заваруху. И так все лето.

Деньги, что заработали в леспромхозе, отдали за налог, а хлеб – на фронт и в леспромхоз.

Началась жатва, решил сходить домой проведать мать, она одна дома, плачет. Отец на фронте, брат один тоже на фронте. Писем не стало. А второй брат – в трудармии, по зрению. Пришел поздно, мать дала письма, какие получила давно, – прочитал. Она рассказала, как напугалась медведя. Шла с соседкой домой после жатвы, солнце село, но было ясно и светло. Шли молча, задумались о жизни. Повернули головы налево, а медведь сидит спиной к ним и ест овес, от них не более 10–15 метров. Они схватились за руки и повернули головы направо, чтобы не видеть медведя. Крикнуть – не могли рот открыть, так и шли полтора километра до деревни. Пришли в контору, кто их увидел, испугались – что-то случилось, а они не могли слова сказать, да и за руки все держались. Все же рассказали. Председатель взял ружье [пошел] и убил этого медведя, а мясо раздал колхозникам – всем помаленьку. Больше пугать не будет. Раньше запрета не было на [отстрел] медведя.

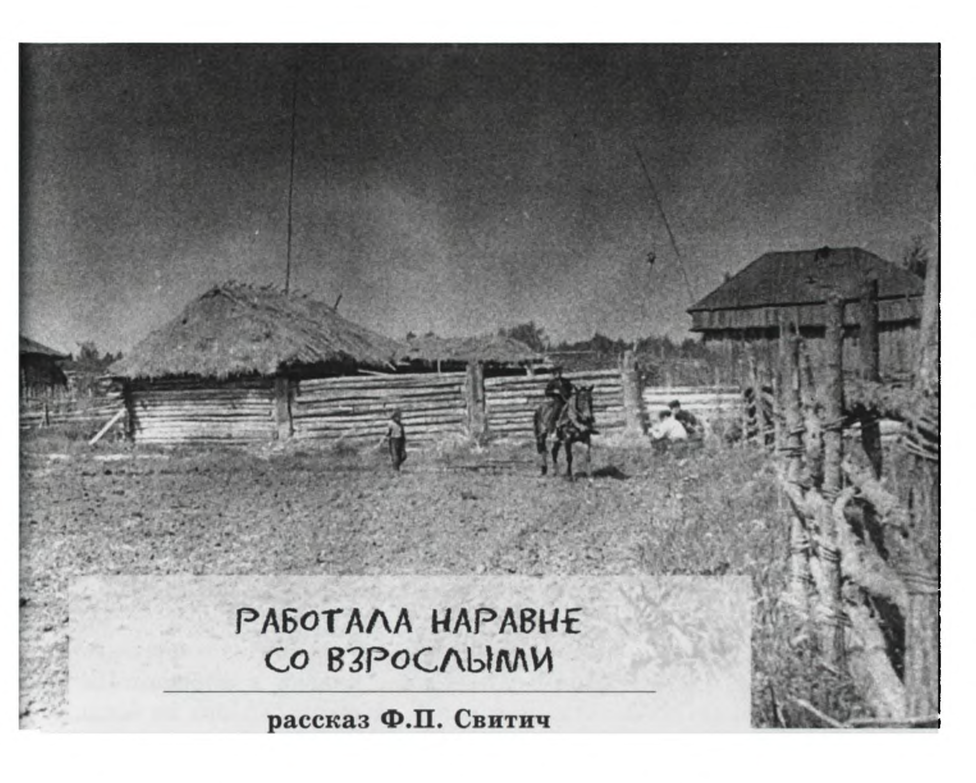
В 1945 году кончилась война. Мне исполнилось 16 лет, я стал трудоспособный. С фронта пришли [в деревню] всего двое – раненые, 2-й группы, и двое, которые служили на Дальнем Востоке. Работать стало вообще некому, много наших стариков ушло из жизни. На фермах не хватало корма. Скот сдавали на заготпункт. Мы все лето жили по-прежнему на полях, питались разными травами, изредка давали муку. Делили ложками, варили заваруху. Мы ждали зиму, чтобы поехать в леспромхоз на заготовки

леса. Мы научились работать в лесу, стали старше, стали зарабатывать хорошо. Планы стали выполнять до 100 процентов. На насмешки не обращали внимания. А тут и реформа пришла[133]. В 1948 году налоги стали в колхозах поменьше, стали давать муку и начали печь свой хлеб. В магазинах цены немного понизились[134]. Нас вызвали в военкомат, пять человек, 1929 года рождения, признали только двоих годными [для службы в армии], в том числе и меня. Но дали отсрочку до 1950 года.

В 1951-м, 5 мая, нас двоих взяли в армию, служили три с половиной года. Служба мне показалась детской игрой против колхозной жизни. Кормили очень хорошо, три раза в день. Солдаты были разной национальности. Между собой жили очень дружно. Я за три с половиной года не видел никаких драк и даже грубых споров. Демобилизовался с почетной грамотой.

В 1954 году наш колхоз стали готовить к соединению с другими колхозами. Перевезли наш колхоз в деревню Крутоложное[135] и назвали совхозом. Стали давать много зерна, завели трактора, комбайны, сеялки, в общем, мы стали забывать лошадей, забросили косы-литовки, серпы, женщины перестали жать вручную, доярки стали доить коров механизированно. Я устроился работать в лесхоз, проработал десять лет, перешел в штатные охотники. Работал с 1942-го по 1995 год включительно – 52 года.

Автор воспоминаний, Николай Васильевич Попелыгин, житель г. Томска, передал свои записки Г.В. Шипилиной в 2002 г. Текст был опубликован в краеведческом альманахе «Сибирская старина» (Томск, 2014. № 28). Оригинал воспоминаний хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

РАБОТАЛА НАРАВНЕ СО ВЗРОСЛЫМИ

рассказ Ф.П. Свитич

Родилась 10 июля 1931 года в поселке Кинзяр Чаинского района. Отец, Замараев Прокопий Илларионович, был председателем Варгатерского сельского совета. Весной 1942 года он ушел добровольцем на фронт и погиб в октябре того же 1942-го. Мать, Замараева Ирина Акимовна, была в числе лучших тружениц колхоза.

В семье было пятеро детей: два брата-близнеца, две старшие сестры и я, самая младшая. В 1939 году братьев-близнецов забрали в армию, на фронт [Советско-финской войны]. В том же году я пошла учиться в школу, в Щелканово[136], от дома до школы

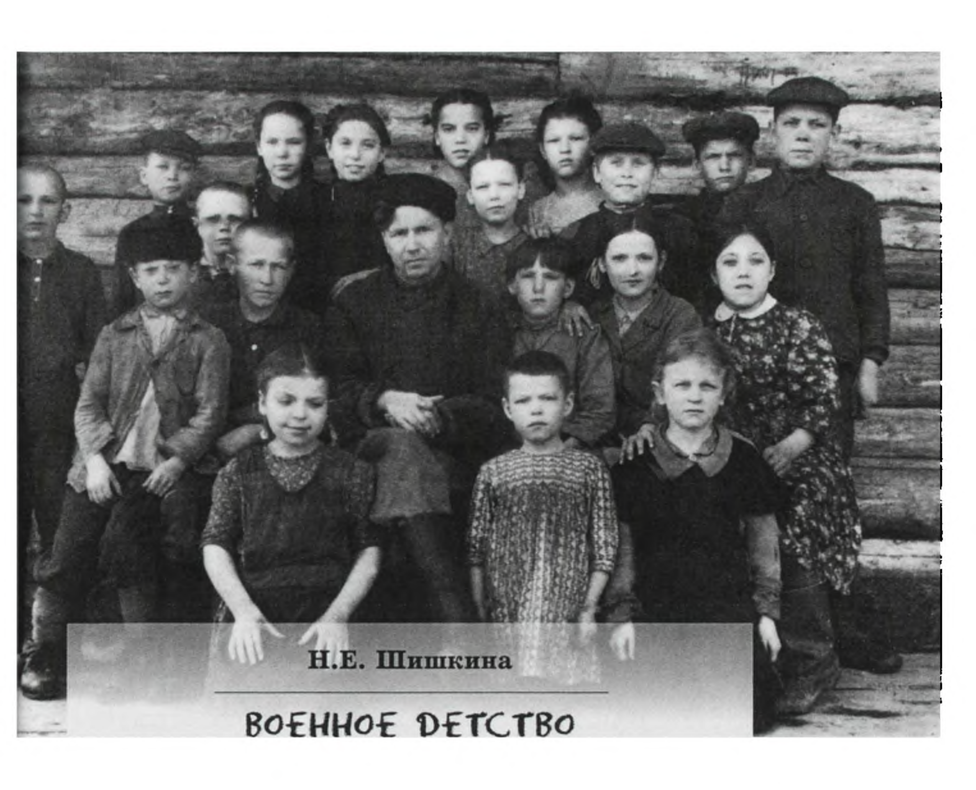
Фото: В колхозной деревне. *Зырянский краеведческий музей*

было 4 километра. Училась хорошо, особенно легко давалась арифметика.

В 1942 году пришли повестки о гибели отца и одного из братьев. (Второй брат пришел домой [после Победы], но тоже умер, так как был ранен в легкое на японской войне[137].) Семья осталась без мужчин, и кончилось мое детство. Пришлось бросить школу, чтобы помогать маме и сестрам, зарабатывать на хлеб и сено для скотины. В 1943 году пошла работать в колхоз, где не боялась трудиться и работала на общих работах со взрослыми. Работа заключалась в следующем: с весны начинали боронить землю под хлеб, так как надо было кормить армию. Летом косили сено для колхозного и своего скота. На лошадях возили и закладывали вручную в ямы [картофельную ботву, подсолнечник] на силос. Это давалось тяжело, потому что мужчины, большая часть, ушли на фронт, а работали женщины, которым надо было успевать везде: на полях, в колхозе и дома. Осенью начиналась жатва, вязали снопы, молотили хлеб, сдавали государству, чтобы накормить армию и быстрее разгромить фашистскую нечисть. Зимой возили сено на лошадях, в основном. Пилили дрова (чурочку) для тракторов. Топлива не было, и поэтому трактора работали на березовых чурочках (их кололи, сушили). В тракторах были [устроены] бункера, туда высыпали из мешка березовую чурочку. Она пилилась на козлах, вручную и не превышала [в высоту] десяти сантиметров. В 1948–1949 годах, зимой, возила в леспромхозе дрова – от колхоза, пилила лес. Работали все время за «палочки» (трудодни). Если заработал и тебе поставили один трудодень, то давали по 500 граммов муки или чечевицы[138]. Каждую неделю отоваривали.

В 1996 году, 9 Мая, награждена орденом за добросовестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны.

Рассказ Феоктисты Прокопьевны Свитич (род. в 1931 г.) записан студентами ТСХИ в 2004 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

Я, Шишкина Нина Евлампьевна, родилась в 1931 году в деревне Линево Варгатерского сельсовета Чаинского района. Отец – Решетников Евлампий Николаевич, мать – Решетникова Матрена Афанасьевна. Жили мои родители в Чаинском районе, в Линево, жили единолично, имели свою избушки, хозяйство – коня, корову. Но начали организовывать коммуны, колхозы. Отец вступил в коммуну. Увел корову, лошадь с припрегом[139], но коммуна скоро развалилась. Вступили в колхоз в Соловьево, теперь этих колхозов и даже деревень нет.

Фото: Ученики Аркашовской начальной школы Томского района. 1954 г. *Предоставлено Г.В. Шипилиной*

В 1937 году отец уехал в Кировский район[140], в поселок Сосновка, к себе на родину. Время было трудное. Потом отец вызвал нас, но там мы не прижились и вернулись опять в Сибирь, в Томскую область[141]. [Родители] устроились в техучасток[142] бакенщиками. Работали и жили в деревне Зелененько. А в 1941 году началась война, отца и его братьев в один набор взяли на фронт. Отец – из большой семьи, у него было пять братьев и сестра. Все братья и зять воевали, трое братьев погибли, два брата вернулись раненые.

В 1940 году я пошла в школу. Школа была в 3 километрах от нашей деревни, мы уже с мамой жили в Линево. Мама с дедушкой работали бакенщиками, освещали путь пароходам, катерам. [С началом войны] они находились на военном положении. Им давали паек, с голоду не умирали, но, конечно, не без того, немного голодали: варили крапиву, пестики (хвощ). Трудно было с одеждой, обувью. Я ходила в чирках[143], в починенных ботинках. Ноги мерзли. Придем в школу, садимся к печке-буржуйке и оттаиваем их. Я не одна такая была.

Учитель наш, Гаврил Миныч, скажет нам: грейтесь, плачьте, только потихоньку – потому что в классе уже шли занятия. Согревшись, мы шли постигать азы науки. На три ученика был один букварь. Писали на газетах, у кого были. Я писала на грифельной доске грифелем.

Мама с дедушкой на производстве и в колхозе: вечером вешали фонари на бакены и на столбы, а днем в колхозе. Дедушка вил веревки, мама работала на разных работах – на посевной, на покосе, на уборке урожая. Отдыхать времени не было. Время было военное, нужно было освещать путь пароходам, катерам, которые везли новобранцев на фронт, а также хлеб, одежду. Не дай бог, сядет пароход

на мель или опечек[144], судить будут по военному времени. Слава богу, такого не случалось. Осенью уже были забережники[145], и льдиной сорвало бакен. Мама по грудь в воде стояла с фонарем, пропускала пароход. Зимой пилили дрова на госпар[146], напилят норму, а потом на санках вывозят к реке.

А главное – вести с фронта. Учитель наш, Гаврил Миныч Щукин, читал [сводки] в колхозной конторе: от Советского информбюро сообщали, что было на фронте. Получали письма-треугольники. Дядя Егор писал: «Тятя, если бы я знал, что тут не хватает оружия, я взял бы свою берданку». Погиб он под Сталинградом. Дядя Саня погиб на советско-китайской границе. Дядя Ваня – под Воронежем, он был секретарем Воронежского обкома партии. Говорили, что Сталин издал приказ, чтоб секретарей обкомов эвакуировали, но дядя Ваня сказал, чем я лучше других, и пошел на фронт. Теперь я верю, что были настоящие коммунисты, не то, что теперь – оборотни. Получали похоронки, оплакивали всей деревней каждую, в чей дом придет. С маминой стороны воевали три брата. Один, Иннокентий, погиб под Сталинградом, двое пришли раненые.

Дедушка наш был религиозный. Поставит нас, внуков, рядом с собой, и мы молились, просили Бога, чтобы наших спас. А похоронки приходили. Я забастовала: молимся, молимся, а их убивают. Бабушка плачет, а дедушка говорит, что наших детей Богу надо: весь его сказ. Снова молились.

Окончила я четыре класса в Канановской начальной школе[147], пошла в Тоинскую семилетку[148]. Туда были привезены ленинградские дети, и детдом [в Тоинке] назвали Ленинградским детским домом. Училась я в той школе мало, [только] в 5-м классе. Отец пришел с фронта больной, с язвой желудка. Мама родила, нужно было помогать семье. Окончила

6 классов и с этим приехала в Томск, поступила на завод режущих инструментов в 1949 году. Работала и училась в школе рабочей молодежи № 3.

Время было послевоенное, строгое. За прогулы и опоздания судили. Раз пришла из школы, на работу идти было рано, я решила поучить историю и уснула. В два часа ночи пришли ко мне девчата из нашего цеха – за мной. Принесли пропуск, как будто меня вызывают на работу в ночь, в 3-ю смену. Так начальник смены Загрядский В.А. спас меня от суда.

Нужно было восстанавливать все, что разрушено войной. Работали, подписывались под займы. Помогали другим странам. Я окончила 8 классов. Поступила на курсы плановиков платно и без отрыва от производства, на один год. Окончила, работала участковым инспектором ЦСУ[149] в Туганском районе[150], затем – нормировщиком в Чаинской МТС. Вышла замуж за Шишкина Евгения Ивановича, родилась дочь. После работала в Бакчарской центральной больнице, [в бухгалтерии]. Теперь пенсионер, ветеран труда, живу в Бакчаре, имею двух внуков.

Воспоминания Нины Евлампьевны Шишкиной (род. в 1931 г.), жительницы с. Бакчар Томской области, написаны в 2004 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

БОГАТЫМИ МЫ НЕ БЫЛИ, НО И В БЕДНЫХ НЕ ХОДИЛИ

рассказ А.Т. Ярыгиной

Я вспоминаю свою жизнь с тех пор, как началась война. Отца, Ломаева Трофима Петровича, 1906 года рождения, призвали в Красную армию с самого начала войны, то есть в 1941 году. В том году случилась большое наводнение, разлилась река Чая, затопив все луга, поля, леса. Людей эвакуировали ночью на огромных лодках. Помню, как нас посадили в эту лодку (уже с крыши дома), увезли к горе, где люди в спешном порядке сооружали себе жилища. Отцу дали отсрочку на две недели, чтобы обустроить семью. Наш дом унесло далеко от того места, где он находился, на

Фото: Весеннее половодье. *Зырянский краеведческий музей*

аэродром. Отец этот дом не мог за две недели перевезти куда-либо и выменял его на маленький домик, где мы и прожили всю войну. У нас была корова, свинья, куры, овцы. Но летом 1943 года нас обокрали, увели весь скот со двора. Потом маме колхоз выделил телочку для восстановления хозяйства. Трудно было нашей матери, Антонине Петровне, оставшейся с пятерыми детьми. Старшей дочери было 14 лет, а младшему сыну – один год. Вот тут-то и досталось всем нам. Старшей сестре после окончания семи классов удалось пойти учиться на курсы ветеринаров и в дальнейшем быть [нашей] матери помощницей – как взрослой. Кроме старшей сестры, нас, школьников, было трое. Школа была в пяти километрах от дома, в школу ходили пешком, никто никого тогда не возил. Уже с третьего класса меня наравне с моей старшей сестренкой привлекали к сельхозработам. Родители мои не были колхозниками, но это не имело тогда значения. Была война, и все трудились ради победы, это мы знали с малолетнего возраста. В поле собирали колоски, чуть повзрослев, трудились наравне с взрослыми в поле. Вязали снопы и ставили их в суслоны: девять снопов ставили вверх колосьями, а десятый – сверху, чтобы дождь не промачивал. Копали картофель, заготавливали орехи, сушили ягоду, а клюкву и бруснику заливали водой в бочках.

Весной школе давали задание на заготовку березовых почек, смородины. Сдавали в аптеку разные травы, листья смородины, малины, кипрея. А свежей ягоды сдавали в день по четыре ведра на каждого и на себе выносили к аптеке: брали вдвоем большую палку, вешали на нее два ведра с ягодами и несли до аптеки. Выполнив план, данный школой, сдавали уже от себя, за деньги. Эти заработки были копеечными, но при большом усилии мы к школе обеспечивали себя учебниками (нам их даром не давали), обувью и кое-какой одеждой. Вот и

были заняты все лето. С весны до самой зимы весь труд был ручной, так надергаешься за день, что упадешь к ночи. А возили нас на сельхозработы далеко от дома, километров за 10–12. Жили мы у местных жителей, где семьи поменьше, питались – что хозяйка сделает из картошки и муки, то и ели. Из муки делали затируху. Когда шли дожди, одежда не просыхала, утром надевали ее полусырую и опять в поле.

Учиться старались хорошо, так как за хорошую учебу давали от школы зимнюю одежду – пальто, полушубки, валенки. Так как я и сестренки учились хорошо, то нам давали всем троим, но не каждый год. В один год мы получали валенки, в другой – пальто и так далее.

Мы сами заготавливали дрова для школы, высаживали на полях картошку. Школа имела свое овощехранилище, где хранился весь убранный урожай: картофель, капуста, свекла, морковь. Это все [выращивали] силами учеников, а зимой в школе кормили обедами <...>. Спрос с учеников был строгий, кроме уроков, ученики обязаны были участвовать в культурных мероприятиях. В школе были различные художественные кружки, организовывались праздники – Новый год, 8 Марта, 1 Мая, 7 Ноября. На Новый год наряжали елку, игрушки делали сами из бумаги, из овсяной соломы, плели разные корзиночки. Настроение было всегда веселое, большинство были оптимистами. Не замечали, что нечего есть, не было [вдоволь] только хлеба и сахара, а овощи выращивали сами. Не жаловались и не отказывались от школьных поручений.

День Победы встречали всем селом, сходились все мелкие деревеньки, находившиеся за 5–6 километров от нашего села. Люди плакали от радости.

И после войны были голодные годы, когда был неурожай, но все пережили. Богатыми мы не были, но и в бедных не ходили. Мне кажется, большинство [в деревнях] жили, как наша семья. Все выучились,

имели профессии. На власть не роптали, репрессии не испытали, и в тюрьме никто из родственников не был. Вспоминаются годы Советской власти: обучение было бесплатное. Была учеба платная, с 8-го по 10-й класс – 150 рублей в год, и то два–три года, а потом отменили[151]. К каждому празднику были уценки на товары и продукты, несмотря на тяжелое время. На курорты я не ездила, а в доме отдыха была, и не один раз. Не было возможности учиться дальше, поэтому пошла работать после 7-го класса. Но через десять лет поступила в Томский учетно-кредитный техникум, жила в общежитии – 12 человек в комнате. Девчонки с нетерпением ждали, когда будет мой день дежурства. Наварю два ведра супа, напеку огромную стопку блинов, и все сыты. Почти со всеми сокурсниками общаюсь до сих пор. Окончив техникум, я работала экономистом, бывала в командировках в Москве, Киеве, Львове, Харькове, в Северной Осетии, в Литве, Латвии.

Если бы жизнь начать сначала, я бы не желала жизни иной, но только не такой, какая сейчас. И по городу ходили в любой час суток, не боясь, что кто-то нас тронет.

Вот прожила уже 73 года, а живу одними воспоминаниями о прошлом. На работе и в быту была уважаемым человеком. На работе имела только одни поощрения и никогда не имела взысканий, [получала] медали за труд, [пользовалась] многими льготами. А с нового года буду лишена их, [посчитали] – не заслужено. Но власть есть власть, с ней спорить не приходится. В наше прошлое время мы не знали таких слов: бомж, наркоман, терроризм. Ужасная пришла на старости жизнь.

Рассказ Анны Трофимовны Ярыгиной (род. в 1931 г.) записала студентка ТСХИ Татьяна Хоменко 21 декабря 2004 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

ВЫЖИВАЛИ ЗА СЧЕТ СВОЕГО ТРУДА

рассказ А.В. Карнауховой

В 40-е годы мы жили бедно. Выживали за счет своего труда. Каждому выдавался кусок земли, на котором для себя выращивали капусту, картошку, огурцы. Скотину нам помогал выращивать колхоз. В то время в нашей деревне [Губино[152]] было два колхоза: один «Первомайский», а другой – «Красный октябрь». Моя мама работала в колхозе, за работу платили зерном, комбикормом да мукой. Из муки [дома] пекли хлеб.

Пошла работать я очень рано. Я мало что умела: меня направляли грести сено, потом – корчевала,

---

Фото: Крестьянское подворье. *Зырянский краеведческий музей*

пахала землю на лошадях <...>. Доила коров, ходила за скотиной. Ездили копать картошку, поля были большие. Кормили плохо, да и не хватало в то время еды. [Людей] заставляли жить в колхозе. Кто отказывался, того выгоняли из деревни и забирали все нажитое им имущество. <...>. Позже меня поставили варить еду рабочим. Платили также зерном. Потом за работу выплачивали небольшие деньги. Их давали два раза в год, а иногда и [реже].

Но для того чтобы жить, приходилось зарабатывать еще другими способами. Ездили на базар, продавали зерно, скотину. Ближайший базар находился далеко от нашей деревни. Собирались и ехали на санях по трассе вдоль леса. В то время [по лесу] бегали дикие собаки да волки. <...>

Потом, где-то к 50-м годам, начали формироваться совхозы[153]. Там-то деньги начали выплачиваться регулярно. Условия для житья стали улучшаться. Но учиться было некогда, образования [у меня] нет, окончила [только] один класс: нужно было работать, чтобы помогать родителям прокормиться.

Рассказ Александры Владимировны Карнауховой (род. в 1932 г.), жительницы дер. Губино, записан студентами ТСХИ. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

ВЕРНУЛСЯ В ДЕРЕВНЮ

рассказ А.П. Юрченко

Родился я в Томской области, Бакчарский район, в поселке Большая Галка[154]. Там я вырос, оттуда меня в армию призвали; женился, там, значит, дети у нас родились, и трудился там, вот это все. Ну, в войну сколько мне было? Восемь лет. Трудно жили. Отца мы и не видели вообще. Он все время был на работе. В своем колхозе тракторов мало было – четыре трактора на район, а район большой. Половину закончат, переезжают... Время трудное было. Вдвоем, как окончат работу в одном хозяйстве, поехали в

Фото: Поселок Новосельский. 1960-е гг.
Зырянский краеведческий музей

другое. Потом – закончили уборку, молотьбу пшеницы – оставались, ремонтировались в районе[155], а мы жили в деревне. Вот мы и видели его только... Придет в субботу, помоется, в сумку мать там положит... Чего там, в то время и класть нечего было, и опять уходили пешком, никто не возил – 15 километров.

Ну, а я после школы потянулся к технике, пошел на курсы трактористов, закончил в 54-м. Два года отработал на ХТЗ[156]. Потом в 56-м, 11 июня, призвали меня в армию. Мечтал в танкисты попасть, раз тракторист, а попал в автомобильные [войска], в Москву, на три с половиной года. Окончил там школу шоферов и школу сержантского состава. Потом вернулся, хотел остаться в районе. Но тогда была такая команда, секретарь райкома сказал: езжай в колхоз. Но я, вроде, начал упираться, сколько можно, отец там работал... Ну, сказали, паспорт заберем. Это было в 59-м году. Я Монголину еще говорю, но он: прикажу паспорт изъять. Я говорю:

– Вы мне его не давали.

После этого я вернулся в деревню. Она вот, жена, – Галина Алексеевна, по назначению отправили ее в другую деревню после техникума. Ну, а тут мы до армии с ней дружили, решили пожениться и вернулись в деревню, в Галку – Большая Галка. Меня посадили работать на легковую, сразу – председатель колхоза. А кадров в деревне не хватало в то время. Из района нанимали комбайнеров на время уборки. Но это был 59-й, 60-й уже, вот эти годы. Ну, и Правдин у нас председатель колхоза был, Иван Федорович, я ему говорю:

– А что нельзя своих комбайнеров научить, что ли. Есть же молодые ребята.

Организовали курсы в деревне. Механиком был Михаил Андреевич Матвеев. Он сейчас в Галке живет. Ну, и сколько там нас человек курсы окончили?

Ну, а потом как на комбайн сразу садиться? Страшно же, такая машина вроде бы сложная. Ну, вот я с Вяткиным, Николаем Ивановичем, в Бакчаре сейчас живет, меня посадили, год с ним отработал. Новый комбайн ему дали, хороший был механизатор, их человек пять, наверное, было из Бакчара – у нас в Галке работали. Ну, и все. На второй год я [сам] сел на комбайн этот и семнадцать сезонов отработал на комбайне. После этого еще комбайн получал. Такие, как сейчас комбайны, нам не пришлось захватить. Были те комбайны СК-3, СКД-5[157], они без кабин, холодные. Сейчас же комбайны идут с кабинами, удобные. Но я в то время приспособил от списанного трактора, разрезал кабину Т-4[158] пополам и притулил ее, к бункеру приварил. В общем, все хорошо было, и стекла вставили, чтобы пыли не было и колени не мерзли. Ну, а трудился как я? От зари до зари и дольше. Как отец закалку дал мне, так и я...

И потом меня не устраивали эти сборы утром на машине – по всему поселку едешь, собираешь комбайнеров, кто-то выйдет, а кого-то ждешь, кто-то там корову угнал... Приезжаешь к комбайну – уже пшеница сухая, нужно убирать, а мы только едем. Только с комбайном, чтобы его запустить, надо час-полтора, не меньше, почистить его надо с вечера: сырая масса идет, забито все. Пошпринцевать, где – цепи натянуть, подрегулировать. Мы дома посоветовались, отец был еще живой, мама (одной семьей живем), купил мотоцикл себе, чтобы ездить на работу пораньше. И вот мотоцикл привяжу к комбайну, подниму на веревке, и так целый день он со мной и ездит. Потому что было первое время так, что работал ночью, не знаю, сейчас в области есть раздельная уборка, нет ли, а в то время раздельная уборка применялась. Годы были сырые, но при раздельной уборке зерно доходит быстрее. Скашивали, в 6 метров захват в один валок, потом уже

комбайн идет, когда он там полежит, в зависимости от погоды, подсохнет этот валок. Во-первых, зерно уже делается сухое. На току[159] раз пропустят через сушилку, и можно засыпать [на хранение], а если напрямую, то приходится два-три раза зерно это прогонять, чтобы его засыпать – иначе оно сгорит. Я в общем-то с поля не уходил, пока полторы-две нормы не делал. Всегда для самого себя было такое задание. Норма была 19 гектаров, делал всегда 30–40 и по 50 даже. Было очень тяжело: с утра и до 2–3 ночи, а потом на мотоцикл сажусь и еду домой. Приезжаю: дома баня истоплена, как для какого короля. Ну, помоюсь и сразу засыпаю. Утром – опять в 6 часов пошел. Поэтому и первые места были... А уже потом закоренилось, как это кто-то должен меня обойти, мне же натура не позволяла. Ну, и перед каждой уборкой собирали механизаторов всех, и возчиков зерна, и заправщиков горючего, и нас [комбайнеров]. Условия разрабатывали. Первое место – мотоцикл от колхоза, допустим, бесплатный. Второе место – какой-то приемник или туристическая путевка. В конце работы подытоживали, значит, [как] мы все это [выполнили].

Я помню, как в деревне жили. Очень трудно было в то время, потому что государству сдавали почти все зерно. Оставляли только на семена в колхозе. А колхозникам на трудодни давали очень-очень мало, и люди в основном жили так — картошки натрут, чуть-чуть мучки сыпнут, растягивали. Молоко, значит, надо было – корову держишь – сдать столько-то молока на корову. Свиней – тоже шкуру там, овец – тоже надо сдать. Очень трудно жилось. Дрова сами колхозники возили... Дрова кончатся, топить надо, корову запрягаем и едем в тайгу. Но сколько там на корове? Я – пацан, может быть, 6–7 лет мне было, напилим, на сани сложим. Вот она, корова, везет, а в гору уже не может, помогаем ей. Очень трудно

было. Даже картошка не у всех была. Тогда же не пахали тракторами огороды, как сейчас, все вручную. Взрослое население на культстанах было. Это – культстан, где работали люди. У нас был культстан в семи километрах от поселка. Вот туда – домохозяйки. Их на лошадях увозят на бричке, и они день работают. Вечером они едут домой. Приезжают, а какая там работа по дому? Корову? Они уже потемну приезжают. То дети подоят, то у кого старые есть. Ну, помню, мать приезжала с работы, нам кусок хлеба привозила.

Во времена Хрущева как-то полегче стало жить. Тут уж кукуруза вначале выращивалась. Вот, в частности, моей жены отец был бригадир, и у него в то время был хороший показатель кукурузы – она [только] на силос шла, не успевала [вызревать] в Сибири... Но и тогда хлеб, по-моему, уже стали давать и колхозникам нормально, и трактористам. <...> Три тонны получили.

А деньги получали как? В конце года нам давали. Все колхозники за трудодни работали. Это что такое трудодень? Вот я [день] отработал – палочка, а один трудодень оценивался в 20 копеек. Это еще много, а то еще меньше. А чтобы заработать трудодень – мы пацанами работали, лет нам по четырнадцать было – надо 30 пар веников связать осиновых, для кролей: кролей держали в колхозе. Вот целый день – паут, слепец, в осиннике – духота, жара. И норма нам 30 пар, 60 веников больших... Нам дали, допустим, трудодень или полтора – целый день – за это. А на этот трудодень в конце года, может быть, 17–20 копеек получалось... Ну, мизерная плата. Сейчас, говорят, плохо живем, но, по крайней мере, с тем, как мы жили, – хорошо. А работали ребятишки все, без исключения, – на культстане. Нас домой не пускали. Там и баня была. Такой труд – все лето мы там...

Пацанами поле вручную пололи. Я рассказываю своим внукам, что пололи хлеба вручную, они не верят. Ну, нас собирают человек 20–30; другие – веники, третьи – воду возят. Каждому работа. Вот в поле стоит пшеница небольшая, с нами – звеньевая. Вот отмеряет 5–6 шагов и полоска, и вот мы идем и вручную полем поле. Кому-то достанется чистый участок, а кому-то – один осот, а верхонок никаких не было. Что там нам было по 8 лет, по 9, кто вперед прошел, она, [звеньевая], вернет их, поможет. А потом в столовую приходим: я норму выполнил, допустим, а она, [соседская девчонка], не выполнила, ей помогали, – мне кусок хлеба намажут медом, а ей не мажут – за одним столом сидим, понимаете каково. Вот подросли, стали нас посылать веники вязать, потом на дорстрой гоняли – это участок от Бакчара до Томска, 80 километров, болота сплошные. Землю возили на лошадях, кто копает, кто возит – дороги делали. Окончил курсы трактористов, тут уже на лесозаготовки стали как механизаторов забирать. «Дружб» не было, вручную пилили лес[160]. Человек семнадцать нас набиралось в деревне.

Покосов не было. Не разрешали косить, пока колхоз не поставит сено. Тогда вручную косили. Потом назначают какой-то день, но не сообщают – когда, а говорят: скоро объявят себе сено косить. Боже упаси, кто-то закосит, где-то полянку нашел, если найдут – сено заберут. И вот в один прекрасный момент, уже с вечера (жить уже стали лучше – и мясо, и скот, и молоко у каждого есть), готовятся-готовятся, наверно, [думают], сегодня объявят, а они, бах, опять не объявляют. Некоторые ездовые коней даже не распрягают, чтобы потом по коням — быстрей захватить покос, кто где найдет. И вот в один прекрасный момент утром собирается правление, оно каждый раз утром собиралось, и решается: сегодня разрешить себе косить, ну, там два

дня. Понимаете, какая напряженность у людей? Ну, отведите эти покосы, да и все. И вот на лошадях, на мотоциклах – поехали. Приезжают – тут уже косят, а кто-то закосил. Была и драка. Приедет он и говорит: я вчера закосил, а тот отвечает: сегодня только объявили. Вот такой скандал. А потом стали покосы распределять. Вот и у нас был покос хороший, стали тракторами косить, но сгребали и метали вручную. Но это уже было в семидесятых годах.

Описывать ходили хозяйства. В каждый дом приходят из сельсовета, допустим, все, что у нас было в хозяйстве – там куры, два поросенка, корова, – все это описывали. С этого расчета уже шло, сколько чего кто должен сдать, и на учете все это было. Лишнее, если кто-то сохранит, значит, не запишет, узнают – наказывают.

Галкинская МТС была в райцентре, в Бакчаре, стояла. У нас поселок был – Большая Галка. А в этом поселке раньше было два колхоза. Потом, когда слияние в 1952 году пошло, четыре колхоза соединили в один колхоз. А насчет тракторов, после войны стали снабжать лучше, но трактора все еще были в МТС. Колхоз определяет по земле, сколько нужно тракторов, и [заказывает]. Вся обслуга шла от МТС...

Мы были репрессированы, сейчас реабилитированы. Отец с Украины, он в 1933 году ссылался, у него было двое детей... И вот, когда ехал отец до Омска, у него жена померла. Там ее похоронил. Спрашивают:

– Кто желает на курсы трактористов?

Кажется, в поезде спросили, он дал согласие. И вот там окончил курсы трактористов трехмесячные, и его направили в Томск. В Томск приезжает, ему говорят:

– А куда, в какой район хотите?

– Куда направите.

И вот направили в Бакчарский район. Он приехал: куда же, в какой колхоз? Направили в колхоз «Северный луч», поселок Галка. И вот там с этих времен он работал. Выезжать в то время никому не разрешалось, все на учете были. Так еще справки мы захватили. А мама была у нас из Забайкалья, сослана сюда. Вот сошлись они, мы родились. Мать рассказывала: в то время жили в Тележинке[161] (там поселок) много москвичей, ленинградцев, они не приспособлены были к работе. Сидят вечером у костра. День работают, корчуют поля вручную, женщины, мужики, и у костра их заедали комары и слепцы. Зимой морозы начались. Чего они? Сидят у костра. Утром смотрят: 2–3 человека мертвы. Дети рождались, их в бересту завернут, ямку выкопают и в ямочку... Умирали. Ничего же не было: ни скотины, ничего – голо было. Вот там умирало много. Это было, наверное, 32-й, 33-й, 34-й, 35-й годы.

А вот эта Галка, поселок был, и сейчас есть. Мама говорит: фермы уже стали организовывать. Одна тайга, там несколько домиков. Кержаки жили понад речками, заблудиться можно – тайга. А кержаки эти, поселенцы, жили своей жизнью, никто ими не командовал, а потом, когда Советская власть пришла, они дальше ушли в тайгу.

Кержак жил в Потеряеве[162]. Потом, когда начали ссылать, в Галку стали людей завозить, он переселился, за болото ушел еще на 7 километров и обосновался. У него старуха была, два сына, две дочери. Жил, хозяйство свое держал, белок стрелял, лосей. А потом разведка[163] начала ездить, уже в наши времена, к нему заезжали. Он-то простой мужик. Водку привезут буровики, он пьет, на баяне играет. А бабушка его в это время за печку залезет и не выходит. Ни кружку, ни ложку, ничего не давала[164]. Потом мы с председателем колхоза Правдиным ездили

туда, лес наши готовили в колхоз, так вот он, [тот кержак], помогал найти лучший лес, деляну. Вот с председателем колхоза выпьют, а бабушка ругается, свою посуду не дает. У Правдина свой стакан был уже, ложка. А потом [кержака] медведь где-то поймал и повалял крепко – не стал слышать. Так он с собой на охоту стал брать дочь, она видит, слышит. А медведь подавил и завалил [кержака] кустарником. Он, говорит: шевельнусь – отойдет, опять начинает меня давить... Какое-то время не дышал, и ушел медведь. Он, говорит, выкарабкался. Был сильный дед, 60-килограммовый мешок сахара берет на плечо и 7 километров через болота, через тайгу несет на себе. Слабый мужичок не унесет.

Я помню в 55-м отец заболел, а молотили зимой лен, льноволокно. Ну вот, направили меня вместо него в другой поселок. Зима, мороз. Надо трактор завести, а пускача не было: его надо греть. Женщины на санях ждут, когда трактор заведешь. Начинают молотить. Ну, какая это работа? Зимой, вручную. В поле скирда стоит. Лен сеют, он вырастает, потом его теребят вручную. Всем давали, каждому дому, задание вытеребить и снопы связывать и ставить в суслончики. Суслоны сколько-то там стоят, чтоб высохло семя, потом начинают молотить. Это семя – оно дорогостоящее. Обмолотят семя, потом снопы развозят и расстилают на земле, чтобы лен вылежался, на снегу или просто на земле, чтобы соломка ломалась, а льноволокно оставалось. Потом связывают в снопы, опять скирдуют. А зимой такая рига сделана, в ней обрабатывают льноволокно. Там сушилка специальная, бригада человек 30–40, пылища такая, что ничего не видать. Вот мотор крутит, вальцы металлические, барабанные, пропускают лен, льносоломку. Костра отлетает, а волокно остается. Его сдавали, увезут двое саней

в Бакчар – полсаней денег везут. Очень дорогое. Сейчас им не занимаются, потому что трудоемкая работа. А излишнюю соломку возили в Асино, там льнозавод. Женщин премировали: за сезон по мешку сахара давали, это был 54-й, 55-й год.

Паспортов не давали. Кто хочет учиться, председатель колхоза не даст справку, и тот уже не может выехать, никто его не примет. Председатель колхоза дает справку, ставит печать – уезжали, поступали учиться. Детей отпускали, а взрослые куда поедут? В то время и денег не было, и, по-моему, выезд запрещался. Уже комендатуры начали снимать, в каком году – не помню, вот с 48-го года стали снимать, тогда поехали.

У нас, в Галке, какой только нации не было: и грузины, и армяне, и цыгане, литовцы, эстонцы, азербайджанцы, и русские, и украинцы. А потом, когда всех сняли с комендатуры, с учета, часть уехала, но много осталось. Малая часть уехала. Не будь того времени, сейчас Сибирь была бы не освоена. Те, у кого где-то были родственники, уезжали, они натерпелись столько горя, столько смертей насмотрелись. Вот сейчас в деревне паспорта свободно, а куда ехать?

Раньше в Сибири, в военные годы, выращивали табак. Мне даже пришлось, совсем маленький был. Дали лошадь, дали бочку, к водокачке подъеду, шланг открою, напущу воды, привезу на поле. Женщины садят [табак], как капусту. Вот воду набирают, поливают. Потом этот табак вырастет, он на войну для солдат шел. На палки вывешивали, он высыхает, потом его в тюки связывали и куда-то отправляли. Выращивали пшеницу, рожь, овес, ячмень. Колхоз «Галкинский» тогда имел подсобное хозяйство. Капуста, морковь, свекла – выращивали на общий котел, в столовую. Картошку в большом

количестве после войны высаживали. По-моему, гектаров по 70. Куда ее девали? Не знаю. Или сдавали часть, или – свои же были свинарники. Вот, в частности, отец (как осень, тогда и ученики в школах после уроков – все на уборку картофеля) [подкапывает] этой картофелекопалкой, а дети ходят – собирают. Трактора тонули – сыро, на колеса шпоры (такие поленья) надевали специально, чтобы площадь опоры была больше.

После войны начали техникой снабжать, автомобили появились. Тогда в колхозе было по одной машине, а потом появились сразу ЗИС-5[165]. У нас, в частности, штук пять сразу новых купили. Мы еще с пацанами сзади бегали. Посадят нас, чтобы по деревне прокатить, к складу подвезут – мы мешки помогаем разгрузить этому шоферу. Провезут — мы опять ждем.

Хлеб по госпоставкам возили на быках после войны. Машин еще не было. На два быка нагружается телега, собирается бричек 5, 6, 10, и повезли в Усть-Галку – 45 километров. Раньше на себе носили, а тут на быках. Бывало так, что пруд в Вавиловке[166], быка – его не удержишь. Как задумает, и в этот пруд вместе с зерном, с телегой залезет в воду. А потом назад его никак с зерном не вытянешь, все зерно намокнет. Тикунов, я помню, Леонид, вытаскивает, плачет. Ребята были, пацаны, по 17 лет, вытащат. Все идут в Усть-Галку, а он домой с этим мокрым зерном.

Рассказ Анатолия Петровича Юрченко (род. в 1933 г.), жителя г. Томска, записан Г.В. Шипилиной в марте 2002 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

Колхоз поднимали женщины

рассказ Е.Н. Ковалевой

Я, Ковалева Екатерина Николаевна, 1935 года рождения, родилась и выросла в деревне Чернаки Новосибирской области. В нашей деревне был колхоз имени Калинина. Жилось колхозникам очень трудно, так как техники почти никакой не было, на весь колхоз было два маленьких трактора, один назывался колесник, а другой НАТИ. Мужчин с войны в колхоз вернулось очень мало, и те почти все были инвалидами. Работали женщины, пахали и на быках, и на коровах. Сеяли почти все вручную. Были еще и лошади, на них уж работали мальчишки-подростки, лет по 14–16. Полей в колхозе было много, а

Фото: Крестьянская семья из Зырянского района. 1949 г.
Зырянский краеведческий музей

урожаи были неважные, да и тот урожай убирать было нечем. Косили лобогрейками, вязали снопы и складывали в скирды. Комбайном, который выделяла МТС, старались убрать семенной урожай, а остальной хлеб, в снопах, молотили уже поздней осенью и зимой. Подтягивали молотилку к скирде и молотили. Колхозницы зарабатывали много трудодней, ну на них почти ничего не получали. Дадут по 400 граммов хлеба на обед, так мама почти ничего не ела, нам несла, знала, что мы голодные.

Зерно все сдавалось государству. Бедные женщины – полуголодные, плохо одетые – работали по 18–20 часов в сутки, доставалось и нам, детям. Мы собирали колоски. Картошку на колхозных полях летом пололи, осенью тоже убирали мы, дети. Работали и на сушке зерна. Днем в школе, а вечером получали в школе наказ – идти на сушилку. Ведрами из гурта таскали зерно и засыпали в сушилку. Веяли зерно ручными веялками женщины, день отработавшие в бригаде, а ночью – на колхозном току.

Впервые после окончания войны колхозники получили на трудодни и деньги, и хлеб только в 1954 году. Помню, когда мама принесла много хлеба.<...> Ни обуви, ни одежды я не сносила[167]. Мы сеяли коноплю, перерабатывали ее и шили себе одежду. Я даже не знала, что такое трусы, зимой шили из конопли штанишки, а они тонкие, пока добежишь до школы – коленки мерзнут. [Со временем] женщинам стало легче жить. Но народ, то есть женщины-колхозницы, были очень старательны, дружны. Едут на работу ранним-ранним утром на бричке, запряженной быками, – и с песнями. Едут поздним вечером с работы домой и тоже с песнями. Вот так и поднимали несчастные женщины колхозы на своих плечах.

Рассказ Екатерины Николаевны Ковалевой (род в 1935 г.), жительницы дер. Чернаки Новосибирской области, записан студентами ТСХИ. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

ТРУДНОЕ ДЕТСТВО

рассказ В.Е. Медведевой

Родилась 29 октября 1936 года в Красном Яру[168] Кривошеинского района. Росла без отца. Похоронку получили в 43-м: не доехал до места назначения, поезд разбомбили. В литовской стороне где-то везли их.

Когда отца забрали на фронт, мне было пять лет, брату – семь. Он оставался за старшего. В хозяйстве были у нас коровка, курочки. Обкладывали нас налогом – 360 литров молока, 13 килограммов топленого масла. Питались мы в большинстве травой (лебеда, крапива), пили только обезжиренное молоко, с которого сняли

Фото: Мария и Тимофей Васеневы с внуками. Начало 1950-х гг. *Зырянский краеведческий музей*

сливки (чтобы сбить масло). Картошки нам не хватало, потому что огород забрали под гараж, под технику государственную: машины, трактора. Шесть соток было возле дома огорожено, на них надо и картошку, и мелочь (морковь, капуста, свекла, лук) [посадить]. И не хватало почти места под картошку. Мама тогда нашла в конце деревни пустырь, но там было много пней. Мама пни выкорчевывала, мы с братом корни втаскивали из-под земли и таскали за пределы этого участка. Огородили участок жердями, рубили жерди неподалеку от участка, на болоте. Какие-то люди приехали, посмотрели, что земля хорошая, удобрена, обработана, – отобрали под усадьбу. Мы снова искали место [под картошку].

Пенсию [за погибшего отца] платили 23 рубля, ну, мама работала, и все равно заработок малый был, только что на хлеб и маленько лапши.

Учили тогда с девяти лет, я пошла в школу – уже знала исправно азбуку, читала, потому что соседи были учителя. Они были ссыльные. Не учили, просто со своей девочкой занимались, а у меня была хорошая память, что говорили – я все запоминала. Училась хорошо, любила историю.

В школе две смены было по 30 с лишним человек, было строго. Опоздал на урок – иди за родителями, если пропустил без уважительной причины, не дадут за парту сесть, пока родителей не приведешь. <...> Учителя дежурили, игры были, особенно на большой перемене, ручейки. Формы никакой не было, у меня было платьишко и дома, и в школу, и выходное-проходное. Мама выстирает, посушит на буржуйке (железная печка).

Я получила болезнь у родной тетки: у нее было крыльцо, под ним жила собака Пальма, низенькая, но длинная. Злющая, я не понимаю, как люди ходили и ничего не говорили. [Возможно, от перепуга] были внутренние припадки, я могла упасть в обморок. Один раз чуть глаз себе ручкой не выткнула.

Меня в больницу без сознания увезут, очнусь. <...> Закончила фактически четыре [класса], в 4-м классе запретили мне учиться. Лет до пятнадцати такая была, а потом, не помню, лечили вроде бы.

Очень любила детей. Стала ходить по семьям, нянчилась. Жили бедно. Нянькой подрабатывала, где платья, где обувку какую [дадут]. Трудолюбивая была: хозяева на работу уйдут, детей усыплю, по дому прибираться начинала.

А летом и картошку подбивала. В 4 часа будила хозяйка – корову доить. После этого, когда не стало приступов, пошла, устроилась на работу в столовую. Взяли официанткой, была и посудницей, и булочки стряпала. Поваром стала, замуж вышла, детей нарожала. У меня было четыре сыночка и лапочка-дочка. Раньше у всех детей много было, по пять-шесть. Тетка моя рожала шестнадцать раз. Аборты не разрешали даже в войну делать. Давали пять лет, кто аборт сделает. Слышала об этом.

<...> При Хрущеве по стайкам ходили. Я помню, ключ спрятала, [а те, кто пришел проверять], говорят: открывай стайку, а то разрубим двери. Нашла ключ, боялась, что корову отберут, хоть слитое молоко да ели. Уже где-то в 58-м налогов не стало больших таких. <...> [Запомнилось], мама бьет масло, я рядом сяду, пальчиком из маслобойки масло задену, мама как даст по рукам и говорит: что, хочешь, чтобы мать в тюрьму посадили. Боялась, вовремя надо было сдать налог к такому-то числу. Можно в течение срока частями отдать – не отдал, больше приходилось отдавать: пеня бежала. Трудное детство было: не дай бог кому такого детства.

Рассказ Валентины Елисеевны Медведевой (род. в 1936 г.), жительницы Кривошеинского района, записал студент ТСХИ Дмитрий Еремин. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

РОСЛА – ВЫРОСЛА

рассказ Т.И. Поляковой

Родилась я в 1936 году. Зовут меня Полякова Татьяна Ивановна. Родилась в Кемеровской области, Ижморский район, высел Курковский[169]. Отец, Иван Алексеевич, умер, когда мне было два года, ему – 42. Осталась я с мамой, дедом и бабкой. В семье нас было: дед, баба, тетка Кланька, мама и я. Я у мамы одна. Росла – выросла. Мама работала, дед с бабой дома были, Манька с Ленькой росли, и я с ними.

Картошки гнилые собирала с бабушкой[170], 7 лет [мне] было. На конях пахали, а вороны летели сзади,

Фото: Переселенец Харитон Павлович Харитонов (в центре) с семьей. С. Малиновка, 1950-е гг.
Зырянский краеведческий музей

тоже собирали. Потом мы из этой картошки лепешки пекли. Работать я начала в 15 лет в колхозе, доила 12 коров руками, вместе с Зойкой, подружкой. Проруби зимой [во льду] сами рубили – коров поить.

<...> Деда моего [еще до войны] раскулачили. Было у него два жеребца выездных, девять коров дойных, трещотка. Дядя Илюша, дядя Коля коней в Томск угнали. А дед, когда парень был, в Томске работал – кочма катал (пимы). Все у него забрали, только дети остались. Деда звали Майоров, Яков Андреевич. Мама работала [в колхозе], а дед – единоличник: своя земля, покосы, держал корову. В 1947 году он умер, оставались мы [в его доме] до 48-го года, а потом переехали в Соболинку. Война была, я в первый класс ходила. Три класса окончила. Училась я в Соболинке в 1948 году, кое-как училась – ходить не в чем было. Разутые, раздетые, а что – мама одна работала.

Налоги мама при Сталине платила: 40 килограммов мяса овечьего, 100 яиц, масло <...>. Были тогда уполномоченные [по сбору налогов]. Овечку мама вырастит и сдаст осенью, по 4 овечки держали. Шли на вечорку, а нас уполномоченный вернул: «Сталин умер». Тогда уже картошки не собирали, хлеб дадут полкилограмма овсяного.

После колхозов стали организовываться совхозы; стали давать деньги: получку, аванс. Дадут маме овса мешок, галушки зиму едим. Сладко тогда не жили.

Огороды были по 40 соток, их не урезали: сади, сколько влезет. В 1959 организовывались совхозы, у меня уже трое детей было. В 1954 году замуж вышла. Тяжело было, пока на ноги не встали.

Рассказ Татьяны Ивановны Поляковой (род. в 1936 г.) записала студентка ТСХИ Н.В. Чекалина. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

Я, Голубовская Ирма Андреевна, девичья фамилия Шнайдер, родилась в 1938 году в городе Энгельсе. Была выслана органами НКВД вместе с мамой Эммой – семья немецкой национальности, а отца забрали в трудовую армию, и больше мы его не видели и ничего о нем не знаем до сих пор. Нас повезли в Томскую область[171] согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года[172].

Мы долго плыли на барже, на ней мама родила мою младшую сестру Лиду. На барже от голода

Фото: Немецкие переселенцы Юган и Мария Пиик и их сын Эдуард Пиик. *Зырянский краеведческий музей*

умирали каждый день дети. Баржа останавливалась, их закапывали на берегу и плыли дальше. У одной женщины было шестеро детей, они все умерли по пути к месту назначения.

Нас высадили в тайге, где стоял один дом, в котором жила семья Шкариных. За лето взрослые построили барак. В бараке жили четыре семьи: Макистаовы, Эмеровы, Шмальцевы и мы, Шнайдеры. Было очень трудное время. Нам выдавали паек – ржаную муку, керосин, мыло. Что такое сахар, мы не знали. В первый раз я попробовала сахар в 12 лет. Продуктов не хватало, и выжили мы лишь благодаря рыбе и ягодам. Я ловила рыбу на удочку. В то время в реке было много рыбы. Из рыбы мы топили жир и стряпали на нем лепешки.

Мама работала в рыбартели. Она с утра до вечера рыбачила, и мы ее почти не видели. Через несколько лет мы смогли купить в Воротниковых [юртах][173] двор – избушку для скота. Все лето мы с мамой его чистили, мыли, проветривали, подремонтировали и стали жить в своем доме.

В 19 лет я вышла замуж и уехала в другую деревню, в Уралку[174], где вместе с мужем работала на спирто-порошковом заводе. Через восемь лет Уралку закрыли, и мы уехали в Средний Васюган[175], где и проживаем до настоящего времени.

Автограф воспоминаний Ирмы Андреевны Голубовской (род. в 1938 г.), жительницы с. Средний Васюган, написанных 17 декабря 2004 г., хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

Приехали из Черниговской области

рассказ Н.В. Имшинецкой

В Первомайский район Томской области [наша семья] приехала из Черниговской области[176]. Я была тогда еще маленькой. Мы ехали на [конных] повозках. Нас было около десяти человек. Ехали мы долго, зимой было очень холодно, маленькие дети умирали. В Первомайский район приехали уже весной, в 1941 году. А ехали мы на север, ища лучшей жизни, так как [знали]: там много ягод, пушнины. Поселились мы на берегу маленькой речки на опушке леса. Летом жили в шалашах, а на зиму выкопали землянки. С собой

Фото: Дом в Чердатах. *Зырянский краеведческий музей*

мы привезли немного утвари. До сих пор у нас в хозяйстве имеются с тех времен чугунки, а также молоток, сделанный дедом во время строительства дома. Зиму перезимовали в землянках, готовили лес для постройки жилищ. В течение следующего лета построили для каждой семьи дом и одну баню на всех. До сих пор мы остались коренными жителями этой деревеньки.

Рассказ Надежды Васильевны Имшинецкой записан студентами ТСХИ в 2003 г.
Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

М.И. Рожкова

ХВАТИЛИ ГОРЬКОГО ДО СЛЕЗ

Я, Рожкова Мария Ивановна, являюсь бабушкой Будникова Алексея, [студента ТСХИ], и пишу от имени четырех [его] бабушек. Мама Алеши, Татьяна Федоровна Будникова, – наша племянница, [дочь] нашей сестры, Рожковой Елены Ивановны.

Опишу о нашей жизни до Великой Отечественной войны, в период войны и в мирное время. Наша жизнь проходила в самые трудные годы истории, и сейчас нам, старикам, живется очень трудно. Предки наши жили в Алтайском крае. Родители и дедушка с бабушкой были крестьяне-труженики. Семья наша

Фото: Семья Сливкиных. 1950-е гг.
Зырянский краеведческий музей

состояла из тринадцати человек. Нас у родителей было четыре дочери.

И вот наступили тридцатые годы, годы коллективизации, годы ликвидации кулачества как класса. Мы жили бедно, но нас всех выслали на поселение [на территорию нынешней] Томской области. Отца посадили в тюрьму, ему было всего 30 лет. А нашего деда обвинили в том, что он был церковнослужителем. <...> Когда нас привезли в Тегульдетский район, это были голодные годы. Мы пухли от голода, болели малярией, ели траву, гнилую картошку, ходили и просили у добрых людей, чтобы нам дали поесть. И все равно мы пошли учиться в школу.

В школу мы пошли в другое село, потому что в селе, где мы жили, не было школы. Мы были плохо одеты и обуты, мерзли. И как мы остались живы – не знаю. Нам, детям, грозила опасность на каждом шагу, мы были абсолютно не защищены. Приведу пример. Для школьников давали лошадь, чтобы подвозить в школу. А нас не брали подвозить, потому что мы – дети кулаков. Мы со слезами шли пешком в школу за 20 километров.

Отца нашего выпустили из тюрьмы накануне Великой Отечественной войны. И вот грянула война. Отца забрали в трудовую армию. Мы остались одни с нашей мамой. И отпустили отца только в 1948-м.

Мы, все сестры, закончив по 7 классов, пошли работать в Берегаевский леспромхоз[177], стали получать хлебную карточку – по 400 граммов на день. Вот тут-то мы хватили горького до слез. Мы выполняли все, что нам задавали. А именно: пилили вручную дрова, косили и убирали сено, вскапывали землю лопатами, копали картошку. Мы все делали через силу, много ходили пешком и с тяжелой ношей, но денег за труд нам ни копейки не платили <...>.

Вместе с нашей мамой мы стали заниматься своим подсобным хозяйством, сами косили сено, сами это сено вывозили с лугов на корове своей. И нужно было платить военный налог и сдавать по 14 килограммов масла в год.

По сути, мы цельное молоко никогда не ели. Кроме того, мы должны были сдавать государству определенное количество яиц, шерсти и шкуры [животных].

В 1945 году, после окончания войны, сбылась наша мечта. Мы с сестрой Екатериной поехали в Томск учиться, поступили в Томский библиотечный техникум. Но и тут мы тоже хватили горького до слез. На хлебную карточку мы получали по 400 граммов хлеба и больше ничего. Купим хлеб, съедим его с солью и водой и ждем следующего дня, когда [можно] идти в магазин. А зимой на каникулы едем домой, чтобы оттуда привезти сушеной картошки. Причем все три года ездили так: до города Асино едем поездом, затем – три дня идем пешком до дома. А обратно – берем саночки и везем на них продукты. И [все же] мы продолжали учиться, ходили в библиотеку заниматься, потому что в общежитии было холодно. [Иногда] продадим 400 граммов хлеба и идем в кино, в театр. Сидели на галерке.

За все наши прожитые трудные годы мы нисколько не озлобились на Советскую власть. И все мы пережили: двое имеем высшее педагогическое образование. Все состояли в комсомоле и в КПСС[178], все сестры награждены медалями за доблестный труд в годы Великой Отечественной войны. Все имеем свидетельства о реабилитации в годы репрессий. Все мы являемся ветеранами труда.

Сейчас нам уже за 70 лет, и жизнь наша продолжается. Мы все пользуемся определенными льготами по закону. Мы завидуем современной молодежи. Мы желаем нашему молодому поколению не знать того, что пережили мы. [Молодым людям] сейчас открыты все дороги, желаем им хорошо учиться, быть примером во всех делах и поступках, уважать старшее поколение и любить свою Родину. [Пишу это] от всех сестер – Лины Ивановны, Екатерины Ивановны, Елены Ивановны.

Автограф воспоминаний Марии Ивановны Рожковой, написанных 20 декабря 2002 г., хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

Л.Н. Прудникова

МОЕЙ ДЕРЕВНИ ДАВНЫМ-ДАВНО НЕТ

Родилась в начале 1940 года в маленькой деревне Нехорошево[179] Томского района на берегу реки Ушайки. В деревне не было ни света, ни радио, ни школы, ни магазина. В 1947 году я пошла в первый класс. Школа от нас была за полтора километра, в соседней деревне Аркашово[180]. Просто дом из двух комнат. В одной стояли парты, в другой мы проводили перемены. Учились одновременно по два класса, первый и третий – с утра, второй и четвертый – с обеда.

Фото: Жители с. Иловка. 1950-е гг.
Зырянский краеведческий музей

Было два учителя: муж с женой. Первый и третий [классы] учила Анна Андреевна, второй и четвертый – Евгений Арефьевич, участник Великой Отечественной войны. Сейчас трудно представить, как нас учили сразу по два класса. С пятого класса мы учились в селе Протопопово[181], где был сельсовет и школа-семилетка. В этой школе учились дети из нескольких соседних деревень: Нехорошево, Аркашово, Красный Октябрь (наверное, так назывался колхоз), Плотниково, Сафроново[182]. Все жили в одном доме, который стоял рядом со школой: в двух [комнатах] жили девочки, в одной – мальчики. Приходили мы туда на неделю. На себе несли котомки с продуктами, питались тем, что принесем [из дома]. Варили каждый сам себе на большой печке, у каждого была своя посудина. Уроки делали на одном большом столе при керосиновой лампе. На выходные уходили домой.

В нашей деревне [Нехорошево] был колхоз, назывался, вроде, «Ленинский путь». Колхоз был очень бедный! Небольшое стадо коров, овцы, два коня, два быка. На конях возили зимой сено на скотный двор, на быках – силос. Еще был трактор, который работал на чурочке. Чурочку пилили обязательно из березовых бревен. Бревна надо было сначала ошкурить, распилить на маленькие чурочки (сантимстров по 20), расколоть, высушить в избушке, типа бани по-черному. Потом эту чурочку загружали в бункер трактора. Как он работал на чурочке – непонятно.

В колхозе сеяли хлеб, сажали кое-какие овощи. Все работы выполнялись колхозниками вручную. Хлеб жали серпами, снопы сваживали с полей на тех же конях и быках в какой-то огромный сарай, молотили цепами, провеивали какой-то ручной веялкой. Зерно сдавали государству.

Мы, дети, не оставались в стороне от колхозных работ. Летом пололи хлеб, руками дергали колючий осот – под руководством одной взрослой женщины. Перчаток, конечно, никаких не было, руки всегда были черными.

Когда начинался покос и закладка силоса, мы тоже помогали взрослым. Осенью копали картошку.

Семья наша, как и многие семьи, жила очень бедно. Отец был инвалид, но все равно работал в колхозе. Умер в 1954 году. Брата в 1943 году забрали в армию, когда ему исполнилось 17 лет. Войну он закончил на Эльбе, а домой вернулся в 1950-м. Сейчас он ветеран Великой Отечественной войны, живет в Томске. Ему 85 лет.

В личном хозяйстве держали кое-какую живность, но от нее нужно было сдать государству молоко, мясо, шерсть и пр. Для [своего] хозяйства иногда приходилось возить сено и дрова зимой на корове. Ей, бедной, завязывали вымя тряпкой, как-то крепили эту тряпку на спине и запрягали в сани.

В огороде выращивали картошку, овощи. За зиму все съедали, а летом в основном питались съедобными травами: пучка, крапива, саранки, пока не вырастало что-то в огороде. Хлеба вдоволь почти не было, пекли его из тертой картошки с добавлением черной муки. Если из колхоза получали немного зерна, мололи его на мельнице в Протопопово.

Потом, в каком году не помню, объединили нашу деревню, Аркашово и Красный Октябрь в один колхоз. В колхозе появилась грузовая машина.

В Новый Васюган[183] я попала после окончания Томского учетно-кредитного техникума в 1957 году. Тогда был Васюганский район. В 1959 году его объединили с Каргасокским районом. Все организации районного значения ликвидировали, в том числе и госбанк, где я работала.

Я осталась жить в Васюгане, так как была уже замужем. Муж мой, Прудников Виктор Кондратьевич, родился в 1936 году в Новом Васюгане. Его родители были сосланы в годы сталинских репрессий из Алтайского края. А в 1937 году забрали отца, мать осталась с тремя детьми. Несладко жилось в те годы семьям «врагов народа».

У нас хранится страница из районной газеты «Северная правда» за 2 июня 1995 года, в которой напечатаны списки репрессированных, а затем реабилитированных невинных людей. Кто в ней значится расстрелянным, кто осужден на 8–10 лет. В [списке] расстрелянных и отец моего мужа – Прудников Кондратий Евстафьевич. <...> Муж, бывало, плакал, что ему не довелось даже знать своего отца. Муж умер в 2010 году. Я живу до сих пор в Новом Васюгане. Мой трудовой стаж 39 с половиной лет, я теперь на заслуженном отдыхе, ветеран труда. А моей деревни давным-давно нет.

Автограф воспоминаний Лидии Николаевны Прудниковой (род. в 1940 г.), жительницы с. Новый Васюган, написанных в 2011 г., хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

[По рассказам матери], семья не голодала за счет собственного подворья: две коровы, овцы, свиньи, птица. Колхоз [в Коларове[184]] создавали в середине 30-х годов. Бедняки вошли в него с охотою. Семья Плецкевич была зажиточной, но вошла тоже, хотя сильно не заставляли. Коллективизация подняла нищету, желающую работать. [Крестьянское] хозяйство в то время облагалось налогом: нужно было сдавать сливочное масло, яйца, мясо не сдавали. Во время войны увеличились налоги на лич-

Фото: Зырянские колхозницы Таисия Малышева и Лидия Антонова. Начало 1960-х гг. *Зырянский краеведческий музей*

ное хозяйство, стало тяжело прокормить скотину. Во все времена косить сено себе разрешалось лишь после заготовки колхозного, колхоз имел лучшие пастбища и площади для покоса. Первые два года войны – неурожай картофеля по Томской области. Была огромная радость, когда закончилась война. Всех сорвали с поля в деревню. Но после войны в колхоз, в Коларово, мужчин вернулось мало, все сильно пили.

До 1955 года жизнь в колхозе шла по «военному» графику. В колхозе, в Коларове, были животноводческие фермы (коровы, свиньи), содержали лошадей. Была птицеферма, но она себя не оправдала (птица питается зерном, которая в Сибири основная культура). В 1953 году колхоз взялся за строительство электростанции между селами Батурино и Вершинино[185]. В то время в колхозе был спад поголовья КРС из-за нехватки кормов, поэтому забирали скотину [из личных подворий].

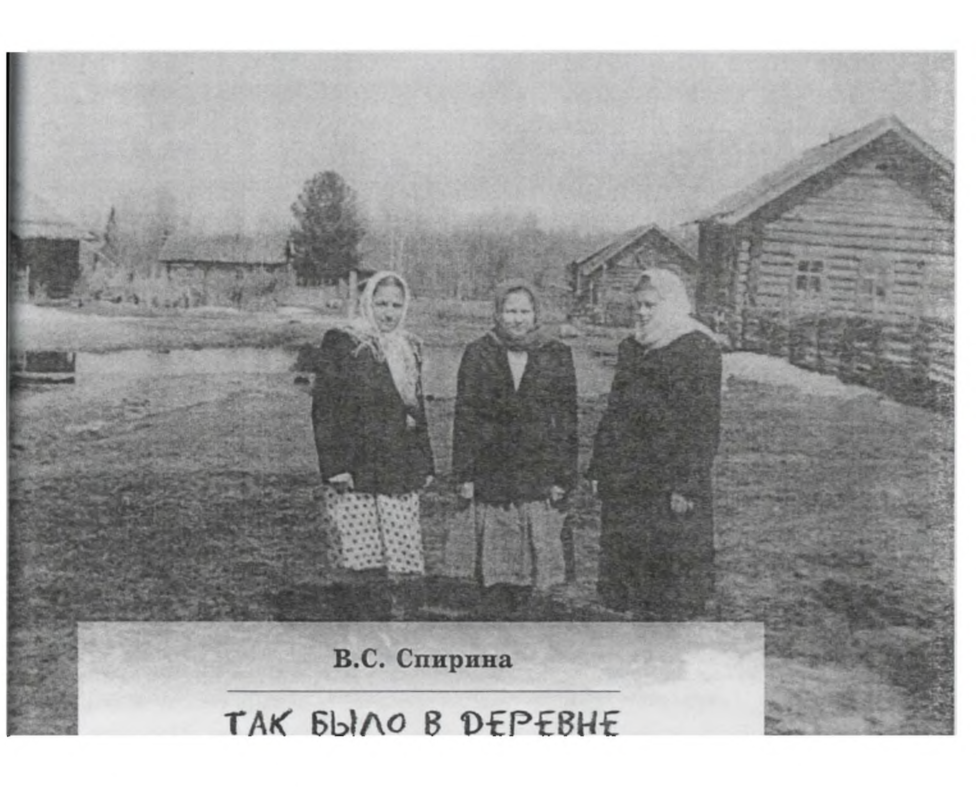
Колхозникам выдавали паи зерном, достаточным для пропитания: государство не обдирало. До 1939 года (война с финнами) оплата труда считалась хорошей, после – начались тяжелые годы. Дети 9–11 лет (3–4 классы) работали все лето с раннего утра и до вечера. Во время учебы не работали (в мирное время). <...> [По воспоминаниям матери], пахали в довоенное и военное время (частично) на лошадях. Во время войны было тяжело: [женщины] занимались заготовкой дров, метали стога, но при этом ходили на танцы после работы (одни девчонки).

Со времени образования колхоза председатель решал: отпускать или не отпускать куда-либо колхозника. Документов [то есть паспортов] не было, поэтому выдавалась справка. С 1956–1957-го стали отпускать молодежь на учебу. <...>

В конце 50-х колхоз обеднел, в 1961 году объединили колхозы Батурина, Рыбалова[186], Коларова в совхоз[187]. В основном сажали капусту, картошку, помидоры, огурцы и т. д. С приходом Хрущева начали сажать кукурузу. В то время разрешалось вести торговлю [на базаре] без каких-либо ограничений. В с. Коларово хорошо рос лук-батун, им и торговали.

Наиболее благоприятный период для колхоза – период «застоя» (в правление Брежнева). Председателя выбирали на собрании из своих, деревенских. В Батурине председателем был Машкович, он пользовался уважением в деревне. Себе дом не строил, пока не построились все колхозники. В Рыбалове – Бодашков: порядочный человек, его всегда называли по имени и отчеству[188]. В колхозе было много Героев Социалистического Труда, а после его ухода колхоз развалился. <...>

Рассказ Тамары Михайловны Плецкевич (род. в 1941 г.), жительницы с. Зоркальцево Томского района, записан студентом ТСХИ Р. Тупицыным в 2002 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

В.С. Спирина

ТАК БЫЛО В ДЕРЕВНЕ

Родилась я в 1941 году, в 42-м отец ушел на фронт и не вернулся. Нас осталось в семье четверо детей и [старенькая] бабушка, старшему брату в то время было 6 лет. В 1943 году пришла на отца похоронка. Вся работа легла на плечи мамы, она работала с утра до ночи, чтобы прокормить нас. В 1947 году я пошла в школу, поэтому уже хорошо помню самый тяжелый голодный год. Бабушку забрала к себе [другая] дочь, мы остались предоставленными себе целыми днями. Так было в деревне: почти в каждой семье старики да дети.

Фото: На деревенской улице. *Зырянский краеведческий музей*

Мама работала в [сельскохозяйственной] артели: сеяли, косили сено, убирали хлеб. Иногда мы не видели, когда она приходила, а рано утром опять уходила на работу. Зимой заготавливали лес, гнали смолу, пихтовое масло, а когда были сильные морозы, делали лыжи и бочки. В голодный год у нас в деревне не уродился даже картофель. Мы ели нечищеную картошку, так как она была очень мелкая, а хуже всего пришлось весной, ели даже очистки. Когда стали расти черемша, лебеда, мы [собирали] и ели их. У нас была корова, но молоко мама нам не давала, так как надо было сдать налог: 12 килограммов масла в год, и нам доставались лишь отходы, [пахта]. На трудодни давали хлеб, но очень мало. Помню, иногда придет мама с работы, сядет и плачет – нечего варить. Мы тоже сидим и плачем, хотим есть. Летом стали подрастать в огороде брюква, морковь, и уже стало легче жить. В 1948 году уродился картофель. Накопали в огороде много, а в артели на трудодни стали давать муку, горох, и мама стала печь хлеб наполовину с картофелем или горохом. Мы уже ели досыта по тем временам.

С 4-го класса нас лишили детства. Летом посылали в поле полоть, а осенью, пока было тепло, дергали лен, копали картофель, и так почти весь сентябрь мы не учились.

В 1949 году в поселок стали привозить на ссылку литовцев, латышей, и началась подготовка к открытию леспромхоза. В 1950 году на ссылку приехали украинцы, открылся Куяновский леспромхоз.

Жить стало легче. Стали завозить хлеб, [коекакие] товары, открылась пекарня, в артели начали выдавать на трудодни деньги. Закончив семь классов, в 1955 году, я пошла работать в леспромхоз. В то время артели стали укрупнять, и в нашей деревне ее закрыли, многие женщины, в том числе

и мама, остались без работы. Несмотря на то, что нам было по 14 лет, работали наравне с взрослыми по 8 часов. Леспромхоз долго не продержался, на хвойный лес напал короед, лес стал сохнуть. В 1959 году [Куяновский] леспромхоз закрыли[189] и перевели [производство] в Тегульдет, где открылся Нижне-Тегульдетский леспромхоз. Нас тоже перевезли в Тегульдет, и началась работа в новом леспромхозе. Я работала на дороге, затем – десятником. Вышла замуж, появились дети. С нами жила моя мама, она водилась с детьми, а я работала, училась. В 1969 году стала работать мастером лесозаготовок и так двадцать с лишним лет отработала на одном участке, до самой пенсии. В 1992 году, проработав в леспромхозе 37 лет, я ушла на заслуженный отдых.

Автограф воспоминаний Валентины Степановны Спириной (род. в 1941 г.), жительницы с. Тегульдет, написанных в 2003 г., хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

ЖИЗНЬ В МУРЕНКЕ

рассказ Л.Г. Акимовой

Я родилась 11 сентября 1952 года в селе Кенга[190]. Выехали из Кенги с родителями, дорога была очень плохая. Ехали по болоту в ближайшую деревню: родители там работали. Я училась до 3-го класса в Бакчарском районе, отец у меня еще живой был. Отец утонул, 28 лет ему было, – по пьяне, и нас осталось семеро. Потом мамина сестра помогла нам выехать оттуда, из Тевриза. Туда раньше [речные] трамвайчики ходили, автобусы из Каргаска. Мне было 10 лет, а меньшенькому брату –

Фото: Ученицы семилетней школы Томского района. 1953 г.
Предоставлено Г.В. Шипилиной

7 месяцев. Учиться меня не приняли в первый год, мне не хватала 11 дней, много было детей 52-го года. А там жили работники колхозов[191]. И все, кто убегал из колхоза, ехали на север, потому что в колхозах после войны ничего не было, денег не было, а жить-то надо было на что-то. И все бежали из колхозов, вербовались и уезжали. И вот так у меня отец бежал туда, потом маму забрал, и она увезла нас, четверых, и двух родила сразу же, как приехала. Мы с Колгонака[192] выехала в 61-м году, мы там две зимы только прожили. Уезжать собрались из-за того, что берег стало подмывать. Когда мы уезжали, наша стайка висела сантиметров на десять уже. Хоть и от воды далеко жили. Аэродромчик там был, самолеты летали, и больница была. Из Колгонака, оттуда много кто уехал. А жили рядом с лесом, ягоды много было. Зимой по насту бегали, играли.

В Алдыгане[193] учиться нас в интернат взяли, и мама нас сдала в детский дом. Мы с моим братом только два года пробыли в том детском доме. Вот когда школа сгорела у них, двухэтажная была. Учились, где попало, не в одной школе. А там у нас было поле 10 гектаров, там мы садили картошку, а потом часть земли забрали и построили школу. Но я уехала и не знаю, где дети учились в тот год. А осенью хотели отреставрировать ту двухэтажку, но опять сожгли, по-новому. И дети учились, где попало. Потом взяли автобус и возили учителей, тяжело было. К весне школу эту 4-этажную построили, большую, и классов было – «а», «б», «в», «г», «д», «е», а через год – класс «ж» был. И нас по 30–35 человек было в каждом классе.

Мама вышла замуж и выехала оттуда. Потом вернулась за нами и забрала нас. Маме моей говорили: «Кому твои дочки нужны?». А она отвечала:

«Кому надо, тот и возьмет». Вот мой Коля ко мне свататься и приехал. А до этого мы гадали, ну, мы, девчонки, собрались, а бабушка старенькая была уже, 82, что ли, года. А мы вот так вот делали, цветы собирали. Я принесла небольшой пучок, у меня как раз на пару две штуки было клевера. Ну, она и говорит: «О, ты самая первая, скоро замуж выйдешь!». Прибегает и подружка моя, Валя, ну, и побольше пучок у нее, четыре штуки по паре. И бабушка говорит: «А ты попозже ее выйдешь замуж». Ну, так и получилось, к концу года мы обе вышли замуж. Раньше [считалось], что девчонки должны раньше выходить, мы еще придерживались той старины.

В Муренке[194] я прожила 15 лет, вышла там замуж. Работала дояркой, телятницей. Платили мало – рублей 80, 120 – был потолок. Свое было хозяйство: корова, подросток-бычок, теленок маленький, 4–5 свиней, два барана и штук пять овец. У меня к осени было по 30 голов овец. И я их резала сама, обстригу, ножик в горло, обдеру и – в котел. Сама следила за всем хозяйством. И сено косили вручную. На покос ходили недалеко, там же, в Муренке.

Домик был небольшой, свекровка жила, я с мужем и четверо ребятишек. Из одежды много выбора не было, всяко одевались, я и сама шила много всего. Обувь покупали – в город ездили.

Магазин был один. В нем почти ничего не было, продукты завезут – сразу все расхватают. Хлеб привозили каждую неделю. Если проворонил, не взял, то можешь и без хлеба остаться. Но дома все равно пекли, муки всегда помногу стояло. Потому что белый хлеб привозили твердым. У меня кастрюля было эмалированная, я в нее – водички, чашку и вот так поставлю хлеб, парила его. А черный хлеб привозили, его солдаты пекли, там была военная часть,

работа не шла, заработка не было, и вот берут муку ржаную и хлеба напекут. Во-первых, он был перекисший, во-вторых, невкусный. А у меня Коля мучился, он этого хлеба поест, и тогда у него изжога, на работу не мог идти. Испеченного хлеба хватало на сутки. Приду, у меня 10-литровый котел был, щи варила. Холодильничек уже был купленный, маленький. У меня все было: и масло, и молоко, и сыр, и все делала сама.

Помню, на свадьбе гуляла в 71-м году. Невестина родня вся собиралась у невесты, все подружки, женихова – у жениха. Потом часам к 11 приезжал жених, нужно было ему пробраться к невесте. К 12 часам уже жених с невестой сидели на своих местах под иконой. Гуляли всю ночь, а на другой день, к обеду, молодожены ехали к родне жениха. У невесты дома оставались на уборке все, убирали все в доме. А уже на третий день собирались все родственники с обеих сторон.

Свадьбу вел не тамада, а свидетельница со свидетелем и сват. Сваты встречаются заранее до свадьбы один раз, на запойках, и потом готовят свадьбу одни и другие. И после свадьбы уже встречались через неделю, только близкая родня, у жениха. Все же жили в деревне, родня на родне и родней погоняла, так что народу было много.

Дома были пятистенки: две комнаты и посередине стояла печка. Все было заставлено, и лишь маленький пяточек в середине, чтобы пройти. И в этой хатке нас жило шесть человек.

К пяти часам вставали: я подтопляла печку, Коля уходил на работу, на тракторе землю пахал. К семи часам я уходила на работу. Оксанка маленькая была, где с собой возьму на работу, где дома оставлю. Были собачки дома, ягнятки были дома. Она их кладет на кровать. Я приду: на кровати и кошка спит,

и собачка спит, и Оксанка посередке, и ягнята рядышком. А куда было деваться, это было в порядке вещей в наше время.

Бывало самогон варили, пока не поймают, деньги-то нужны были.

Вставала в 5–6 утра, пятнадцать минут седьмого – возле нас уже стадо стояло, корову надо было отправить. Только корову, как говорится, выпнула, теленочка надо напоить, отправить в загон гулять. Свиней надо было накормить, кур, цыплят и на работу успеть. В 7 часов на работе уже. Дети в школу сами ходили. Мы утром коров доили, кормили, все делали, потом выгоняли на целый день до 4 часов.

Пока коровы паслись, мы уходили домой: печь топила, есть варила на вечер. В шесть часов коров загоняли обратно, потом была дойка до восьми. А ведь дома корову надо подоить, свиньям корм задать, детей накормить, это часов до 11 ночи. И поесть сварить, чтобы детям было что наутро покушать. График был скользящий, работали шесть дней, седьмой и восьмой – выходные. В выходные дома надо все перестирать, перемыть, убраться. Что не успела в будни доделать, это все надо почистить, выскоблить, воду наносить, а вода была далеко-далеко. Делала все сама, муж на работе. Дети подрастали, помогать стали, полегче было. Картошку сажали – через весь огород 65 борозд, садили все под лопату. Иногда все с улицы собирались помогать, тогда готовишь стол, выпивку всем. А выкапывать приходилось чуть ли не месяц, одной. До 94-го года было хозяйство, но потом полностью все продали, когда внучка заболела. Деньги собирали, увезли все анализы в Новосибирск на подтверждение, что была лейкемия.

В годы перестройки было очень тяжело, платили мало. Все, как могли, так и выживали. Все

обязанности жены, матери – все на своих плечах. Отучилась восемь классов, я хотела в город поехать учиться на швею, но мать попросила остаться, а пойти учиться попозже. Так и закончилась моя учеба. Потом вышла замуж, потом дети посыпались один за другим, как горох.

А потом Коля мой помер, и все хозяйство ушло. Он говорил: «Я помру, за мной хозяйство все уйдет». Так оно и случилось. И все снялось, и что бы я ни купила – с моей руки ничего не велось. Я переехала в Молчаново из деревни Муренки в 1984 году. Стали все разъезжаться, стали плохо ходить автобусы. Там и сейчас есть люди, но осталось их там мало. Она теперь Новониколаевка называется. У меня заболела Оксана, дочь, – воспаление легких, потом клещ укусил. А мама у меня здесь жила, и Саша, брат, тоже. Я приехала, посмотрела, мне понравилось. Но я сразу не могла выехать, потому что я работала, принимала отел у коров. Я второй раз отел приняла, и потом мы уже выехали сюда, а здесь я буквально сразу стала работать: 9 сентября я уволилась, а 1 октября я уже в Молчаново вышла на работу.

Рассказ Людмилы Геннадьевны Акимовой (род. в 1952 г.), жительницы с. Молчанова, записан студентами ТСХИ в 2014 г. Хранится на кафедре правовых и гуманитарных дисциплин ТСХИ.

КОММЕНТАРИИ[1]

[1] В 1930-х гг. – трудпоселок Белорыбный Парабельской поселковой комендатуры, то есть поселение сосланных крестьян, находившихся под надзором комендатуры.

[2] В 1927 г. решением ВЦИК в Славгородском округе на Алтае был образован национальный Немецкий, или Октябрьский, район с центром в с. Гальбштадт. В 1930 г., когда окружная система была упразднена, укрупненные районы, в их числе – Славгородский (в который был включен и бывший Немецкий район), вошли в состав Западно-Сибирского края.

[3] Видимо, высылаемые крестьяне как-то добрались до Оби.

[4] В 1930-х гг. это трудпоселок Майский, он подчинялся Верховской поселковой комендатуре Каргасокского района; ныне – дер. Майск Каргасокского района.

---

[1] Составлено по: Список населенных мест Сибирского края. Т. 2: Округа северо-восточной Сибири. Новосибирск, 1929; Административно-территориальное деление Сибири: справочник / сост. И.Ф. Астраханцева, А.А. Дудоладов, М.И. Тимошенко. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966; Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. / сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко и др. Новосибирск, 1993; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 – 1938 гг. / сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко и др. Новосибирск: Экор, 1994; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. / сост. С.А. Красильников, Д.Н. Нохотович, Т.Н. Осташко и др. Новосибирск: Экор, 1996; Реестр административно-территориальных единиц и поселений Томской области (по состоянию на 1 января 2005 года) / департамент по работе с муниципальными образованиями администрации Томской области. Томск, б. г.

[5] В Каргаске размещалась районная комендатура.

[6] Имеется в виду Первая мировая война, начавшаяся в 1914 г.

[7] Трудпоселок Любино 5-й поселковой комендатуры Тегульдетского района.

[8] Тогда это была Алтайская губерния.

[9] Могочино в 1930–1940-х гг. имело статус трудпоселка Могочинской лесной комендатуры Сиблага ОГПУ, ныне – село Молчановского района.

[10] Крестьян ссылали на основе секретной инструкции ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 г. «О мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков, конфискации их имущества» и секретных постановлений СНК СССР от 1931 г. «Об устройстве спецпереселенцев», «О спецпереселенцах». Организацией спецпереселений занимались органы ОГПУ / НКВД. На местах была создана разветвленная сеть комендатур – от районных до поселковых, работники которых осуществляли постоянный надзор над ссыльными.

[11] В 1980-х гг. – поселок городского типа, ныне с. Нарга одноименного сельского поселения Молчановского района.

[12] Имелись в виду подпол и чердак.

[13] Юрты Баранаковские, располагавшиеся ниже Могочина по р. Оби, были впервые зафиксированы в «Списке населенных мест по сведениям 1859 года. Вып. 60: Томская губерния» (СПб., 1868).

[14] Ныне с. Сарафановка Наргинского сельского поселения Молчановского района.

[15] В 1935 г. на 2-м Всесоюзном съезде колхозников был принят Устав сельскохозяйственной артели, который регулировал жизнь колхозов и колхозников в продолжение последующих десятилетий. В Уставе были установлены принципы взаимоотношения между государством и колхозами, прописаны права и обязанности членов артелей, что, по сути,

закрепляло крестьян за колхозами. Процедура подписания Устава в каждом колхозе была обязательной, она узаконивала создание и деятельность колхоза. Артели спецпереселенцев, не подписавшие Устав и потому – неуставные, были лишены социально-правового минимума, каким располагали колхозы.

[16] По данным на 1941 г., трудпоселок Прогресс Молчановского района.

[17] Ныне с. Тунгусово одноименного сельского поселения Молчановского района.

[18] МТС (машинно-тракторная станция) – государственное предприятие, оснащенное тракторами, комбайнами и др. техникой. МТС стали создаваться в СССР в конце 1920-х гг., выполняли сельскохозяйственные работы в колхозах по договорам.

[19] Трудодень как меру трудовых затрат колхозников, по которой определялась доля в распределяемых доходах колхозов, начали вводить в 1930–1931 гг. Устанавливался обязательный минимум – 120 трудодней в год для взрослых колхозников и 50 – для подростков. Невыработка этого минимума грозила уголовным преследованием или выселением из колхозов, что ставило выселяемых в невыносимое положение, ведь у них не было паспортов, у них отбирали приусадебные участки.

[20] По данным 1941 г., трудпоселок Шегаровка Молчановского района.

[21] Взяли, то есть арестовали.

[22] По предписанию Наркомата внутренних дел СССР от 25 апреля 1942 г. подлежали призыву в Красную армию члены семей спецпереселенцев призывного возраста.

[23] Гусеничный, полностью бронированный танк Т-34, экипаж: 4–5 человек, вооружение: пушка (калибр 76 мм), от 2 до 7 пулеметов.

[24] Так в тексте; видимо, ошибка, и речь все же о хозчасти, то есть подразделении материального

обеспечения полка, которое упоминается в следующем предложении.

[25] Новый образец танка, Т-44.

[26] Бандеровцы – участники вооруженных националистических формирований, действовавших на территории Украины в 1940-х гг.

[27] Согласно Уставу Коммунистической партии для вступления в партию необходимо было пройти кандидатский стаж продолжительностью в один год, по истечении этого срока кандидата принимали в члены партии.

[28] То есть в районный центр, в с. Молчаново.

[29] Рассказчик имел в виду то, что немалая часть заготовленного хлеба по обязательным поставкам государству не вывозилась из-за отдаленности колхозов и недостатка транспорта и подолгу оставалась в местных хранилищах.

[30] Динамо-машина, или машина постоянного тока, – электроустановка, способная преобразовывать механическую энергию паровой установки, локомобиля, в электрическую.

[31] По данным на 1945 г., в колхозах Томской области действовало 18 электростанций мощностью 500 кВт. В ходе выполнения плана сельской электрификации к 1950 г. собственные тепловые и гидроэлектростанции общей мощностью 557 кВт были построены в 24 томских колхозах (см.: Ковальчук Г.А. Электрификация сельского хозяйства Томской области в послевоенные годы // Из истории Томской области. Томск, 1988. С. 122).

[32] Праздник Октябрьской революции – 7 Ноября.

[33] Скорее всего, Томская областная контора Сельскохозяйственного банка СССР, действовавшая в 1944–1959 гг.

[34] Дачный городок, Городок, Тимирязево, с 2005 г. – с. Тимирязевское в составе Кировского района г. Томска.

[35] Ныне дер. Новая Тювинка Тунгусовского сельского поселения Молчановского района.

[36] Возможно, это парафраз знаменитого в советское время выражения – внуки Ильича, то есть Ленина.

[27] Имеется в виду время, когда во главе государства находился И.В. Сталин, то есть до 1953 г.

[38] В 1942 г. на базе эвакуированного в Томск московского завода «Фрезер» был создан Томский инструментальный завод, позже – Томский завод режущих инструментов, с 1992 г. – завод «Томский инструмент».

[39] В то время – Зачулымская укрупненная волость Томского уезда.

[40] Медаль «Ветеран труда» учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 января 1974 г. Ею награждались труженики городов и сел за «долголетний добросовестный труд в народном хозяйстве».

[41] Не понятно, что имела в виду рассказчица, ведь с конца 1890-х гг. действовала Сибирская железнодорожная магистраль, была развитая речная транспортная сеть.

[42] Возможно, это семейная легенда, скрывающая истинную подоплеку появления семьи в Сибири, то есть раскулачивание и принудительное переселение.

[43] В 1930 г. с. Больше-Дорохово находилось в составе Ново-Кусковского района, в 1933-м переименованного в Асиновский.

[44] Дер. Ново-Троица Ново-Кусковского района, ныне – в составе Новиковского сельского поселения Асиновского района.

[45] Образованный в 1897 г. переселенческий поселок Ксеньевский в 1933 г. переименован в Асино. Значился как железнодорожный поселок, с 1945 г. – рабочий поселок, в 1952 г. преобразован в город районного подчинения, в 1973 г. – город областного подчинения. С 2005 г. Асино – город областного значения.

[46] По свидетельству работников комендатур, в 1930-х гг. в спецпереселенческих поселках Парбигской и Могочинской комендатур использовали в качестве суррогата гнилые опилки, которые подсушивали, толкли до порошкообразного состояния и добавляли в муку.

[47] Имеется в виду Первая мировая война 1914–1918 гг.

[48] Сеяли просо, из которого получали пшенную крупу, и гречиху.

[49] В совхозах была введена денежная оплата труда.

[50] Постановлением ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г., всякое хищение колхозного или государственного имущества, независимо от размера похищенного (хотя бы и подобранные на поле колоски), каралось расстрелом с конфискацией имущества или, при наличии смягчающих обстоятельств, лишением свободы на срок не менее 10 лет. С принятием указа «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» от 4 июня 1947 г. закон «о колосках» утратил силу.

[51] Плейтон – скорее всего, приспособление для обработки зерновых.

[52] Пенсии по достижении пенсионного возраста (по старости) стали назначаться колхозникам только в начале 1970-х гг.

[53] Дер. Чуняшки в 1924 г. находилась, скорее всего, в Зырянской волости Томского уезда, затем – в Зырянском районе Томского округа, часть которого в 1936 г. была передана во вновь образованный Тегульдетский район.

[54] В 1932–1956 гг. при Томском педагогическом институте действовал учительский институт с 2-летним

сроком обучения для ускоренной подготовки учителей средних классов общеобразовательных школ.

[55] Центр Колпашевской районной комендатуры.

[56] Дер. Копыловка Колпашевского района, на правом берегу р. Кети.

[57] В Инкино располагалась поселковая комендатура.

[58] ФЗУ – школа фабрично-заводского ученичества.

[59] В 1933 г. был открыт Колпашевский педагогический техникум, в 1938 г. переименованный в Колпашевское педагогическое училище. В 1940–1956 гг. это учебное заведение работало как Колпашевский учительский институт, а затем вновь – как педагогическое училище.

[60] Районо – отдел народного образования районного Совета депутатов трудящихся.

[61] Обласок – долбленая лодка сибирских аборигенов.

[62] Ныне с. Жуково Кривошеинского сельского поселения Кривошеинского района.

[63] Ныне дер. Пригородное уже нет; дер. Большой Татош находится в Тунгусовском сельском поселении Молчановского района.

[64] Михайловка, Окуневка, Туендат – деревни Зырянского района; с. Зырянское – районный центр.

[65] С 1937 г. Мариинск – город Новосибирской области, в 1943 г. передан в Кемеровскую область, выделившуюся из Новосибирской области.

[66] В 1920-х гг. это дер. Мура Татьянинского сельсовета Богородского района, в 1930 г. преобразованного в Кожевниковский. В 1936 г. северная часть Кожевниковского района была передана в только что созданный Шегарский район.

[67] Дер. Тызырачево (Тазырачево) Маркеловского сельсовета Кожевниковского, затем – Шегарского района.

[68] С. Гусево одноименного сельсовета Шегарского района.

[69] Сабантуй, дословно – праздник плуга, татарский народный праздник окончания весенних полевых работ.

[70] Мишари – татары, жившие в Среднем Поволжье и говорившие на мишарском диалекте татарского языка.

[71] Имеется в виду казанский диалект татарского языка.

[72] Ныне дер. Новоисламбуль Кривошеинского сельского поселения Кривошеинского района.

[73] По данным на 1926 г., это поселок Перелюбский Вознесенского сельсовета Богородского района, ныне – дер. Перелюбка Баткатского сельского поселения Шегарского района.

[74] Колесные трактора выпускались в СССР с 1923 г., гусеничные – с 1933 г.

[75] Дер. Солонцы не сохранилась, а дер. Каргала ныне в составе Баткатского сельского поселения Шегарского района.

[76] КРС – крупный рогатый скот.

[77] Дер. Михайловка одноименного сельсовета в середине 1920-х гг. находилась в Кривошеинском районе, ныне – это деревня Северного сельского поселения Шегарского района.

[78] В 1920-х гг. – это дер. Маркелово одноименного сельсовета Богородского района, ныне – село Маркелово Анастасьевского сельского поселения Шегарского района.

[79] В 1930-х гг. поселение на берегу р. Оби называлось Леспромхоз, в начале 1940-х гг. – Богородский кордон, с 1946 г. – Победа. Ныне это центр Побединского сельского поселения Шегарского района.

[80] Жибрей, или жабрей, – съедобное растение, известное также как пикульник, петушья головка.

[81] Ез, особое приспособление для ловли рыбы, – перегородка (плетень, частокол) через речку, чтобы не дать рыбе хода и выловить ее; использовался в северных и восточных районах России с давних пор.

[82] Мордушка, морда – сплетенная из прутьев ловушка для рыбы.

[83] Имеется в виду время, с сентября 1953 г., когда во главе Советского государства находился Н.С. Хрущев.

[84] В середине 1920-х гг. дер. Ежи одноименного сельсовета находилась в Зачулымском районе Томского округа, ныне – это село Сергеевского сельского поселения Первомайского района.

[85] В годы Великой Отечественной войны дер. Балагачево находилась в Пышкино-Троицком районе, ныне это деревня Комсомольского сельского поселения Первомайского района.

[86] В середине 1920-х гг. – это дер. Березовая Сухореченского сельсовета Томского района Томского округа. Позже находилась в Туганском районе, созданном в 1935 г. в составе Западно-Сибирского края (с 1937 г. – в Новосибирской области, с 1944 г. – в Томской области) и ликвидированном в 1963 г.

[87] ДТ-54 – гусеничный трактор производства Сталинградского тракторного завода, освоенного в 1949 г.; с 1952 г. выпускался на Алтайском тракторном заводе. Чурочник – трактор, работавший на древесном топливе, на чурочках.

[88] Ныне с. Сухоречье Воронинского сельского поселения Томского района.

[89] Трудпоселок Красный Яр Могочинской участковой комендатуры.

[90] Двухручка – ручная пила ножовочного типа с рукоятками по обоим концам.

[91] Пышкино-Троицкий район был образован в 1939 г. В конце 1920-х – 1930-е гг. территория входила в состав Зачулымского, затем – Чулымского района.

[92] Этой деревни уже давно нет.

[93] Ныне с. Новомариинка одноименного сельского поселения Первомайского района.

[94] Ныне – дер. Линда и Калиновка Новомариинского сельского поселения Первомайского района.

[95] Дер. Туендат Новомариинского сельского поселения Первомайского района.

[96] В середине 1920-х гг. это, возможно, с. Новониколаевское Ново-Кусковского района, ныне – с. Новониколаевка одноименного сельского поселения Асиновского района.

[97] Скорее всего, название было невнятно произнесено. Возможно, речь о Комаровке или Копыловке – деревнях Ново-Кусковского района.

[98] Возможно, речь о последовательницах раскола беспоповского толка. Другое толкование слова духанка – содержательница мелочной лавки или же рыболовная откупщица.

[99] В издании «Список населенных мест Сибирского края» (Новосибирск, 1929) значится заимка Зварынина на р. Чебак, Зимовского сельсовета Зачулымского района (с 1930 г. – Ново-Кусковский район).

[100] Дер. Апсагачево Ново-Кусковского, позже – Пышкино-Троицкого района; ныне село Улу-Юльского сельского поселения Первомайского района.

[101] С. Альмяково одноименного сельсовета Асиновского, с 1939 г. – Пышкино-Троицкого района; ныне село Улу-Юльского сельского поселения Первомайского района.

[102] Видимо, река Улу-Юл

[103] Рабочий поселок, с 1944 г. – город Бердск Новосибирской области.

[104] Тогда район именовался Пышкино-Троицким.

[105] Охотничьи билеты, то есть лицензия, разрешение на охоту.

[106] Ныне с. Комсомольск и пос. Францево Комсомольского сельского поселения Первомайского района; пос. Октябрьский на р. Чичка-Юл – нежилой.

[107] Тогда дер. Мало-Михайловка располагалась не далее, чем в 10 км от Томска.

[108] В середине 1920-х гг. это заимка Горбуновская Кучумовского (Парбигского) сельсовета Чаинского района, с 1935 г. – Бакчарского, с 1939 г. – Парбигского района Нарымского округа.

[109] Ныне с. Парбиг одноименного сельского поселения Бакчарского района.

[110] То есть платьица.

[111] Рассказчице в начале войны было 12 с половиной лет.

[112] Первая мировая война 1914–1918 гг.

[113] Ныне дер. Малая Михайловка Корниловского сельского поселения Томского района

[114] Ныне дер. Новомихайловка Воронинского сельского поселения Томского района.

[115] Ныне Корнилово – село одноименного сельского поселения Томского района.

[116] С. Подгорное – административный центр Чаинского района.

[117] Трудпоселок Малиновка 6-й поселковой комендатуры Чаинского района, ныне – нежилой.

[118] Имеется в виду меласса – отходы свеклосахарного производства, которые завозили в Томск для переработки на дрожжевом заводе.

[119] Гусеничный трактор СХТЗ-НАТИ, производство которого было начато в 1937 г. на Сталинградском и Харьковском тракторных заводах.

[120] Денежное авансирование по трудодням вводилось в колхозах с середины 1950-х гг., а в 1966 г., то есть во время, когда во главе советского государства находился Л.И. Брежнев, была осуществлена замена трудодня денежной оплатой труда.

[121] Тогда это была деревня Чаинского района Томского округа.

[122] Ныне – с. Леботер Коломинского сельского поселения Чаинского района.

[123] Трудпоселок Раздольное Александровского района Томской области.

[124] В конце XIX в. населенные пункты этой территории входили в состав Зырянской волости Мариинского округа / уезда. В 1925 г. они вошли в Зачулымский район Томского округа (с центром в с. Пышкино-Троицкое). В 1930 г. Зачулымский район был слит с Ново-Кусковским в один Чулымский район Западно-Сибирского края, в 1933 г. переименован в Асиновский, позже часть его была передана в Пышкино-Троицкий район, с 1965 г. – Первомайский район Томской области.

[125] Остяки и тунгусы ныне известны как селькупы и эвенки.

[126] В 1920-х гг. заимка Маркова Зимовского сельсовета Зачулымского района, ныне – нежилые строения на правом берегу р. Чичка-Юл.

[127] В 1900-х гг. Зимовский переселенческий поселок Зырянской волости, в середине 1920-х гг. – с. Зимовское одноименного сельсовета Зачулымского района, ныне опустевшая деревня на левобережье р. Чичка-Юл.

[128] Партизанский командир Петр Кузьмич Лубков (род. в 1883) действительно воевал против белых, однако с приходом в Сибирь Красной армии и установлением власти Советов участвовал в антибольшевистском повстанческом движении, погиб в июне 1921 г.

[129] Одна из форм т. н. социалистического соревнования. Названо стахановским по имени шахтера Алексея Стаханова, достигавшего высоких показателей и перевыполнения планов за счет хорошей организации труда.

[130] Трудпоселок Францевский Ново-Кусковской районной комендатуры, ныне пос. Францево Комсомольского сельского поселения Первомайского района.

[131] Речь, по-видимому, о репрессированных крестьянах, о раскулаченных, которые были лишены гражданских прав и подлежали мобилизации для выполнения принудительной повинности в т. н. трудовой армии – трудармии.

[132] Автор, скорее всего, вспоминает более позднюю ситуацию, когда рабочие леспромхозов имели значительные преимущества перед колхозниками.

[133] В декабре 1947 г. было принято совместное постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». Были отменены карточки, введены новые деньги, которые обменивались на старые из расчета 1:10. Заработная плата рабочих и служащих осталась в прежних размерах.

[134] По имеющимся в литературе сведениям, цены 1947 г. в 3 раза превышали цены предвоенного 1940 г. В течение 1948–1954 гг. в среднем по стране цены сократились в 2,2 раза. Население СССР выиграло от снижения цен 30 млрд руб., одновременно выплатило в виде государственных займов 20 млрд руб. (См.: Белкин В. Мифы и правда о социалистическом ценообразовании // Коммунист. М., 1988. № 1. С. 103–104).

[135] Ныне дер. Крутоложное Первомайского сельского поселения того же района.

[136] Пос. Щелканово Варгатерского сельсовета Чаинского района.

[137] Бои частей Советской армии с японскими войсками на Дальневосточном фронте в августе 1945 г.

[138] Чечевица – травянистое растение семейства бобовых, из зерна чечевицы вырабатывают крупу и муку.

[139] В данном случае, конная упряжная сбруя – постромки, хомуты, шлеи, вожжи.

[140] Возможно, имелся в виду Кировский край, с 1936 г. – Кировская область, с центром в г. Кирове.

[141] В те времена – Новосибирская область.

[142] Подразделение эксплуатационного отдела Западно-Сибирского государственного речного пароходства.

[143] Чирки – кожаная обувь без голенищ.

[144] Опечек – здесь: подводная отмель в реке.

[145] Забережник – лед, застывший у берегов.

[146] Обеспечивали дровами государственное пароходство.

[147] Дер. Канановка была в 8 км от с. Подгорного.

[148] Тоинск – трудпоселок одноименной участковой комендатуры Чаинского района, ныне с. Тоинка Чаинского сельского поселения Чаинского района.

[149] ЦСУ, Центральное статистическое управление при Совете министров СССР, занималось сбором и разработкой статистических данных о развитии страны. На местах были созданы областные и районные статистические управления.

[150] Туганский район с центром в с. Александровское (железнодорожный разъезд Туган) был образован в 1935 г., в него вошли части территорий Томского, Асиновского и Зырянского районов. В 1962 г. Томский и Туганский районы были объединены в один Томский сельский район с центром в г. Томске.

[151] Плата за обучение в старших классах общеобразовательных школ, а также в техникумах и вузах была введена в 1940 г. и взималась вплоть до конца десятилетия.

[152] Ныне это деревня Моряковского сельского поселения Томского района.

[153] Массовое преобразование колхозов в совхозы в Томской области развернулось в 1960-х гг.

[154] В 1930-х гг. – трудпоселок Большая Галка Чаинской районной комендатуры, с 1936 г. – Бакчарского района.

[155] То есть в районном центре, в с. Бакчар.

[156] Гусеничный трактор СХТЗ производства Харьковского тракторного завода.

[157] Зерноуборочные самоходные комбайны СК-3, СКД-5 «Сибиряк», производство которых было налажено в 1960-х гг.

[158] Дизельный трактор Т-4 производства Алтайского тракторного завода.

[159] Ток – площадка для обработки зерновых перед засыпкой зерна на хранение.

[160] Бензопила «Дружба», массовое производство и использование которой было начато в 1955 г.

[161] Трудпоселок Тележный Селивановской поселковой комендатуры Бакчарского района.

[162] По спискам 1926 г. известно о заимке Потеря Высокоярского сельсовета Чаинского района.

[163] Это нефтеразведка.

[164] Кержаки, или староверы, то есть старообрядцы, предъявляли особые требования к чистоте – духовной и физической; для собственного использования у них была особая посуда, а для инаковерующих имелась мирская посуда, которой сами старообрядцы не пользовались.

[165] Автомобиль ЗИС-5 грузоподъемностью 3 тонны, который чаще называли трехтонкой, выпускался в 1933–1948 гг. на Московском автомобильном заводе имени Сталина.

[166] Ныне дер. Вавиловка одноименного сельского поселения Бакчарского района.

[167] Не совсем понятно, что хотела сказать автор воспоминаний. Возможно, имелось в виду то, что у нее не было вещей фабричного производства.

[168] Ныне с. Красный Яр одноименного сельского поселения Кривошеинского района.

[169] В 1920-х гг. Ижморский район находился в составе Томского округа, с 1930 г. – в составе Западно-Сибирского края, с 1937 г. – в Новосибирской, с 1943 г. – в Кемеровской области.

[170] Видимо, речь о перезимовавшей в земле картошке.

[171] Судя по контексту – в Нарымский округ Новосибирской области.

[172] В Указе Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г. говорилось: «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, полученному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья, никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в Республике немцев Поволжья или в прилегающих районах, и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с

тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах...». (См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» // Немцы Поволжья. Электронная библиотека: [Электронный ресурс]. Режим доступа http://wolgadeutsche.ru /history/ukas_28_08_1941.htm. Дата обращения 16.10.2014).

[173] По-видимому, это бывшие юрты, но в имеющихся списках населенных пунктов поселение не значится.

[174] В списках 1941 г. значится трудпоселок Ново-Уралка Каргасокского района.

[175] Ныне с. Средний Васюган одноименного сельского поселения Каргасокского района.

[176] Этот рассказ вызывает вопросы и самый главный: каким образом в условиях предвоенного времени, когда все население страны было привязано к местам своего проживания пропиской, паспортным режимом, удалось совершить такое длительное путешествие, да еще и на конных повозках? Возможно, часть информации имеет характер семейной легенды.

[177] Берегаевский леспромхоз создан в конце 1940-х гг. на базе механизированного пункта треста «Томлес», основой которого послужил созданный в 1937 г. Берегаевский отдельный лагерный пункт управления Томско-Асиновского лагеря НКВД.

[178] КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза, правящая политическая организация в СССР.

[179] Дер. Нехорошева (Скуляева) отмечена еще в «Списке населенных мест по сведениям 1859 года» (СПб., 1868).

[180] Ныне дер. Аркашево Корниловского сельского поселения Томского района.

[181] Ныне дер. Большое Протопопово Мирненского сельского поселения Томского района.

[182] Ныне дер. Плотниково Мирненского сельского поселения и дер. Сафроново Корниловского сельского поселения Томского района.

[183] Ныне с. Новый Васюган одноименного сельского поселения Каргасокского района.

[184] Ныне с. Коларово Спасского сельского поселения Томского района.

[185] Ныне с. Батурино и с. Вершинино Спасского сельского поселения Томского районгна.

[186] Ныне с. Рыбалово одноименного сельского поселения Томского района.

[187] Вряд ли возможно было объединить в одно хозяйства, расположенные так далеко друг от друга, – Батурино и Коларово на правобережье р. Томи и Рыбалово – в междуречье Томи и Оби.

[188] Дмитрий Петрович Бодажков, председатель колхоза «Красный Октябрь» в с. Нелюбино, в 1960 г. стал директором совхоза «Рыбаловский». В 1966 г. ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

[189] Куяновский леспромхоз, расположенный на правобережье р. Чулым, был закрыт из-за поражения лесов Причулымья сибирским шелкопрядом и, как следствие, сокращения заготовок древесины.

[190] С. Кенга одноименного сельсовета Парбигского, с 1962 г. – Бакчарского района.

[191] Судя по всему, это с. Новый Тевриз Каргасокского района.

[192] По-видимому, это бывшие юрты Калконак на р. Калганак, правом притоке р. Васюган.

[193] Дер. Алдыган располагалась на левом берегу р. Чаи, вблизи ее впадения в Обь; ныне – нежилая.

[194] Возможно, ныне это дер. Новониколаевка Володинского сельского поселения Кривошеинского района.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

в. – век
вв. – века
г. – год, город
га – гектар
гг. – годы
дер. – деревня
кВт – киловатт
км – километр
млрд – миллиард
мм – миллиметр
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
пос. – поселок
род. – родился, родившийся
руб. – рубль
с. – село, страница
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
т.н. – так называемый
ТСХИ – Томский сельскохозяйственный институт
урожд. – урожденный
ЦК ВКП (б) – Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

КАК МЫ ЖИЛИ
Воспоминания и устные свидетельства томских крестьян

Редактор В.С. Сумарокова
Дизайн О.Е. Нечаевой
Компьютерная вёрстка Е.Л. Нечаева

Подписано в печать 20.10.2014. Формат 60x84 $^1/_{16}$.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ.л. 12,5; усл.печ.л. 11,6; уч.-изд.л. 10.2.
Тираж 250. Заказ №

ООО «Издательство ТГУ».
634029, г. Томск, ул. Никитина, 4

ООО «Новые Печатные Технологии».
634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1

